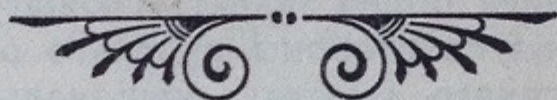

С. Щеголевъ.

СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСТВО.

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ, РОСТЪ и ЗАДАЧИ.

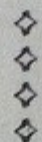
Шестая—седьмая тысяча экземпляровъ.

Цѣна 70 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

КІЕВЪ,
Крещатикъ 33.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Екатерин. 4.

КІЕВЪ
1914.

Продается въ книжныхъ магазинахъ

Л. ИДЗИКОВСКАГО и Н. Я. ОГЛОБЛИНА

КНИГА ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма.

Кіевъ, 1912. Стр. VII + 588. Цѣна 2 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„Книга, написанная живымъ языкомъ, обнаруживаетъ въ авторѣ большое знаніе вопроса, разработкой котораго онъ занялся, и по обилію и обстоятельности свѣдѣній о малорусскомъ нарѣчій, по исторіи Малороссіи и по исторіи сепаратистскаго движенія въ Южной Россіи можетъ быть названа энциклопедіей „украинства“. („Моск. Вѣд.“ 1912. 288).

„Появленіе капитальнаго труда С. Н. Щеголева надо привѣтствовать, такъ какъ онъ даетъ русскому обществу то, чего намъ до сихъ поръ такъ досадно недоставало... Книга полна захватывающаго интереса и заслуживаетъ самага серьезнаго вниманія со стороны русскаго общества, она должна быть настольной книгой для всякаго русскаго національно-политическаго дѣятеля. Написана книга очень живо, выпукло и читается легко“. („Кіевл.“ 1913. 20)

„Объемистая книга С. Н. Щеголева представляетъ первую и пока единственную въ русской литературѣ попытку написать своего рода энциклопедію украинскаго вопроса съ русской точки зрѣнія... Помимо краткаго историческаго очерка украинскаго литературно-украинскаго движенія и очень интересной характеристики нѣкоторыхъ формъ національнаго движенія въ Западной Европѣ (во Франціи, Германіи, Испаніи и Нидерландахъ), книга представляетъ обширнѣйшую сводку украинской литературы и публицистики, вышедшей въ Россіи и за границей за послѣднее семилѣтіе“. („Русск. Мысль“. 1913. III).

„Прекрасная и богато снабженная документами книга С. Н. Щеголева содержитъ... богатый, интересный и поучительный матеріаль по украинскому движенію... Книга должна раскрыть глаза обществу, законодательнымъ палатамъ и правительству на это движеніе... Надо надѣяться, что русское общество прочитаетъ прекрасную книгу С. Н. Щеголева“. („Россія“. 1913. 2350).

К І Е В Ъ

Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5.

Къ читателю.

Настоящая брошюра составлена по болѣе обширному труду, выпущенному нами въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года подъ заглавіемъ „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма“. По поводу такихъ новоявленныхъ и необычныхъ для русскаго уха выраженій, какъ „украинство“ или „украинское движеніе“, а равно и по поводу иностраннаго слова „сепаратизмъ“, мы должны дать нѣкоторыя поясненія.

Подъ южнорусскимъ сепаратизмомъ или отщепенствомъ мы разумѣемъ старыя и новыя попытки ослабить или порвать связь, соединяющую малорусское племя съ великорусскимъ. По тѣмъ средствамъ, помощью которыхъ сепаратисты стремятся къ достиженію своей цѣли, мы можемъ различать сепаратизмъ политическій, получившій бранную кличку „мазепинства“, и культурно-этнографическій или украинофильскій; украинофилами называли въ прошломъ столѣтіи тѣхъ образованныхъ русскихъ людей, которые поддѣльвались (въ рѣчи и письмѣ) подъ простонародный говоръ малороссовъ или, по крайней мѣрѣ, старались приблизиться къ нему.

Послѣ польскаго мятежа 1863 г., украинофильство было перенесено бѣглыми повстанцами въ Карпатскую Русь вмѣстѣ съ проповѣдью ненависти къ государственному русскому языку и къ великорусскому племени; проповѣдь эта велась въ Галиціи рядомъ періодическихъ изданій, гдѣ сотрудничали, кромѣ поляковъ и галичанъ, также нѣкоторые украинофилы изъ Россіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ провозглашено было въ зарубежномъ Львовѣ новое, яко бы опирающееся на научныхъ данныхъ, положеніе о полной самобытности малорусскаго племени и о враждебности между его интересами и интересами крупнѣйшей великорусской вѣтви русскаго народа. Съ цѣлью подчеркнуть мнимую отчужденность малорусскаго племени отъ остальной Руси, для него придумали имя украинскаго народа, а всѣмъ мѣстностямъ въ Россіи, Австріи и Венгріи съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ, присвоили названіе Украины. Въ польскомъ государствѣ украинцами, т. е. окраинами, именовались всѣ рубежи,

независимо отъ племеннаго состава населенія; позднѣе терминъ „Украина“ присвоенъ былъ польскою администраціей небольшой части нынѣшняго Юго-Западнаго края съ Кіевомъ, Овручемъ, Чигириномъ и воспѣтой Пушкинымъ Бѣлою Церковью. Украинофилы галицкіе купно съ южнорусскими не ограничились измышленіемъ вздорной и ненаучной терминологіи; они выработали планъ культурно-политическаго объединенія всѣхъ частей „украинскаго“ народа въ автономную единицу—Соборную Украину. Въ этомъ планѣ культурнымъ задачамъ отведена служебная роль для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей.

Сепаратисты новой культурно-политической марки отвернулись съ презрѣніемъ отъ этнографическаго украинофильства, окрестили свое ученіе „украинствомъ“, пропаганду свою называютъ „украинскимъ движеніемъ“, а своихъ единомышленниковъ—„сознательными украинцами“. Партизаны украинства принесли въ 1905 году въ Россію вырабатываемый ими для малороссовъ особый книжный (украинскій) языкъ. Языкъ этотъ „сознательные украинцы“ примѣняютъ въ качествѣ орудія борьбы противъ роста русской (школьной и внѣшкольной) культуры въ средѣ южнорусскаго населенія, въ надеждѣ вытѣснить постепенно эту культуру на Югъ Россіи и водворить новую культуру—украинскую.

Задача настоящей брошюры, какъ и предшествовавшаго ей нашего труда, заключается въ томъ, чтобы познакомить читателя съ работой навязчивыхъ и одностороннихъ „просвѣтителей“ малорусскаго народа и указать тѣ пути, по которымъ переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію взлелѣянная мятежными гетманами идея государственной измѣны, и какъ, благодаря этой идеѣ, панургово стадо мечтателей-украинофиловъ превратилось въ стадо „сознательныхъ украинцевъ“.

Тѣ читатели, которые пожелали бы ознакомиться съ вопросомъ по болѣе обширному матерьялу и провѣрить степень доказательности текста настоящей брошюры, найдутъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ подъ литерами „У. Д.“ („Украинское движеніе“) ссылки на страницы нашего прошлогодняго труда. Брошюра раздѣлена, кромѣ главъ, на параграфы, что облегчитъ установленіе связи между отдѣльными частями различныхъ главъ.

5 сентября 1913 года.

Кіевъ.

Глава I.

Населеніе Южной Руси и его языкъ народный и книжный до воссоединенія Малороссіи съ Москвой.

§ 1. Русскія племена и ихъ говоры. Восточная или русская вѣтвь славянства дѣлится нынѣ на три разновидности или племена: бѣлорусское, великорусское и южнорусское. Южноруссы въ предѣлахъ Россіи называются малороссами; въ Австро-Венгріи мы различаемъ между ними, географически,—буковинцевъ, угроруссовъ и галичанъ. Всѣ эти русскія племена составляютъ, по удачному выраженію акад. Корша, тріединный русскій народъ. Племена, на которыя дѣлилась Русь на зарѣ своей исторіи, были болѣе многочисленны, но говоры этихъ племенъ всѣ принадлежали одному древнерусскому языку, который знаменитымъ ученымъ Ягичемъ разсматривается, какъ сумма всѣхъ этихъ говоровъ или разнорѣчій (діалектовъ); таково же мнѣніе и громаднаго большинства русскихъ лингвистовъ, а также украинофиловъ Потебни и Житецкаго. Дѣленіе древнерусскаго языка на говоры, до нѣкоторой степени, совпадало съ дѣленіемъ русскаго народа на древнія племена.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей (словенъ); это весьма родственные между собою говоры новгородскій, псковской и полоцко-смоленскій. Среднерусскій говоръ—говоръ вятичей и ихъ колонистовъ на обоихъ берегахъ верхней Волги—является родоначальникомъ современнаго великорусскаго нарѣчія; онъ раздѣлился на почти тождественные говоры сѣверные или окающіе и южные или акающіе. Старый западнорусскій или бѣлорусскій говоръ—говоръ дреговичей—былъ чрезвычайно близокъ къ среднерусскому говору.

Древній Кіевскій говоръ—говоръ полянъ—нынѣ исчезнувшій, относился, судя по древнимъ памятникамъ, къ среднерусской группѣ и, притомъ, къ той ея части, которая вошла позднѣе въ составъ великорусскаго нарѣчія. О древнемъ перяславско-черниговскомъ говорѣ—говорѣ сѣверянъ—ничего опредѣленнаго нельзя сказать. Можно лишь упомянуть, что

„У. Д.
1—4.

авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами („сѣверо отъ словень“), и что малороссы XVII вѣка видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова „московскихъ“ людей.

Галицко-волинскій говоръ, т. е. говоръ дулѣбовъ-волинянь,—предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія. Немногочисленныя фонетическія особенности этого говора сближали его съ говорами бѣлорусскимъ, полоцко-смоленскимъ и даже новгородскимъ.

Главные звуковыя особенности русскаго языка, свойственныя всѣмъ его современнымъ вѣтвямъ или нарѣчіямъ, блестяще подтверждаютъ единство языка и служатъ его характернымъ отличіемъ отъ всѣхъ западнославянскихъ и южнославянскихъ языковъ. Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Точно также давно обращено вниманіе на то обстоятельство, что сѣверная часть несомнѣнно малорусскихъ говоровъ ближе стоитъ, по фонетикѣ, къ сѣверновеликорусскимъ окающимъ говорамъ, чѣмъ, напр., къ украинскому и галицкому говорамъ своего же малорусскаго нарѣчія.

Кромѣ того, многія малорусскія, лучше сказать—древнерусскія, слова, не вошедшія въ современный книжный русскій языкъ, сохранились въ великорусскихъ народныхъ говорахъ. Такъ, въ архангельской губ. употребительны слова—*зарабить, надѣя*; въ калужской—*казать, трохи*; въ костромской—*звычайно*; въ нижегородской—*нехай*; въ орловской—*посагъ*, въ пензенской—*вечерять, жалковать, заховать*; въ рязанской—*або, абы, жаждать*; въ тамбовской—*добре, смазжить, сподѣваться*; въ тверской—*дуже*; въ тульской—*купа, ледвѣ, яловка* и мн. друг.

§ 2. Малорусское нарѣчіе. Мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ о возрастѣ малорусскаго нарѣчія близки между собою. Укранифилъ Житецкій говоритъ, что нарѣчіе это, по преимуществу,—историческое и стало типичнымъ лишь нѣсколько вѣковъ; происходя съ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ одного общаго источника, малорусское нарѣчіе дифференцировалось лишь съ эпохи татарщины, а современную фонетику оно получило съ XV—XVII вѣковъ. Проф. Срезневскій и акад. Коршъ от-

носятъ появленіе малорусскаго нарѣчія къ XIII—XIV вѣкамъ. Въ общемъ малорусскомъ нарѣчій рѣзче всего выдѣляются два поднарѣчія сѣверно-малорусское и южно-малорусское (украинско-галицкое). Первое наблюдается въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній волинской, кievской, полтавской и черниговской и въ южныхъ уѣздахъ губерній минской и гродненской, а также въ Холмщинѣ. Южномалорусское поднарѣчіе занимаетъ всю остальную часть малорусской этнографической территоріи въ Россіи, а за рубежомъ—сѣверо-западную Буковину. Въ говорахъ Галичины встрѣчаются рядомъ сѣверно-малорусскія и южно-малорусскія черты. Тоже наблюдается и въ Угорской Руси: коренной чистый говоръ находится здѣсь въ ближайшемъ родствѣ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, хотя въ отдѣльныхъ діалектахъ наблюдаются и особенности поднарѣчія южно-малорусскаго.

Крайне важно то обстоятельство, что сѣверно-малорусскіе говоры представляютъ изъ себя промежуточные звенья между тремя вѣтвями русскаго народа; большинство этихъ говоровъ—въ сущности говоры бѣлорусскіе или частью южно-великорусскіе, подвергшіеся сильному малорусскому вліянію.

Часть измѣненій въ фонетикѣ и въ словесномъ матерьялѣ (въ лексикѣ), вызвавшихъ постепенное превращеніе южно-русскихъ говоровъ въ малорусское нарѣчіе, можетъ быть отнесена на счетъ несомнѣнныхъ инородческихъ примѣсей къ южно-русс. населенію. Южно-русскія княжества окружены были (въ IX—XII вѣкѣ) съ юга полукольцомъ кочевыхъ тюркоиранскихъ племенъ: половцевъ или кумановъ, печенѣговъ, черкасовъ, торковъ, турпиевъ, берендѣевъ; еще южнѣе обитали, оттиснутые кочевниками къ Черному морю, южно-русскія племена тиверцевъ и улучей (участвовавшихъ въ твореніи южномалорусскихъ нарѣчій). Въ XII—XIII вѣкѣ мы видимъ въ степяхъ довольно многочисленныхъ русскихъ кочующихъ „бродниковъ“, которые умѣли уживаться съ кочевниками-азіатами. Къ югу отъ Кіева непосредственно за рѣкой Росью—въ Поросьѣ—возникли въ XI вѣкѣ цѣлыя слободы, заселенныя наполовину русскими, наполовину торками. Съ появленіемъ у южнаго рубежа Руси въ XI вѣкѣ хищныхъ половцевъ, русскіе князья, ради политическихъ соображеній, часто вступали въ кровное родство съ половецкими ханами. Вѣроятно, не отставалъ отъ князей въ такихъ бракахъ и народъ, у котораго даже сложилось знаменательное присловье о „красныхъ дѣвкахъ половецкихъ“. Подъ давленіемъ татарскимъ

(въ XII—XIII в.) толпы полуобрусѣлыхъ инородцевъ, бродниковъ и, быть можетъ, тиверцевъ вдвигались въ южно-русскую черту осѣдлости. Отъ этихъ народовъ и народцевъ остались на память потомству названія ихъ старыхъ поселковъ: село Печенѣжинъ въ В. Галичинѣ; три села Половецкихъ въ кievской и волынской губерніяхъ, Торчинъ и Торковъ въ подольской губерніи, а также Торчица, Кумановка, Черкасы, Бердичевъ (изъ Берендичевъ), Турбовъ (изъ Турпiевъ) всѣ кievской губерніи. Лыбопытно, что между прозвищами „мирныхъ“ (осѣдлыхъ) половцевъ встрѣчаются совершенно тождественныя по конструкціи съ современными малорусскими фамиліями (Кунячукъ, Билюкъ). Ясно, что смѣшанное сожителство инородцевъ со славянами привносило новые элементы въ народную рѣчь. Уже переходъ русскихъ „бродниковъ“ и, вѣроятно, тиверцевъ на полукочевую жизнь обнаруживаетъ ту, по меньшей мѣрѣ, нестойкость культуры, которая могла дѣлать ассимиляцію склонной на компромиссы. Могъ явиться промежуточный южно-русскій жаргонъ, который позднѣе привелъ къ малорусскому нарѣчію съ его удлинненными гласными, напоминающими протяжную рѣчь жителей Востока. Отъ сосѣдства и общенія съ татарами южно-русскія нарѣчія почти не пострадали ни въ фонетикѣ, ни въ морфологіи, унаслѣдовавъ лишь кое-что изъ лексическаго матеріала (отсюда, напр., малорусскія слова: бугай, кавунъ, тютюнъ, килимъ, люлька, баламутъ, булава, чумаць и козакъ).

За 5—6 вѣковъ своего существованія (XIV—XX) малорусское нарѣчіе подвергалось многочисленнымъ и многостороннимъ вліяніямъ, способствовавшимъ дробленію его на діалекты и измѣненіямъ въ лексикѣ и морфологіи. Соприкосновеніе малорусскаго нарѣчія съ другими нарѣчіями русскаго языка привело къ тому, что въ настоящее время существуютъ даже діалекты малорусско-бѣлорусскіе и малорусско-великорусскіе; кромѣ того, много словъ русскаго книжнаго языка попадаетъ въ малорусскую деревню изъ городовъ и въ ней акклиматизируется.

Лексическія особенности, отличающія современное малорусское нарѣчіе отъ великорусскаго, теряются въ массѣ словъ, общихъ обоимъ нарѣчіямъ. Особенности фонетическія и морфологическія (1½—2 десятка) не рѣзки; часть ихъ принадлежитъ къ архаизмамъ, тождественнымъ съ церковно-славянскими словами и оборотами и, притомъ, не отличающимся стойкостью.

§ 3. Языкъ западно-русской письменности. Не взирая на послѣдовавшую за нашествіемъ монголовъ полную политическую разобщенность между Восточной и Западной Русью, духовная связь между обѣими половинами нашей родины не прерывалась, благодаря общему книжному языку. Еще въ XIV вѣкѣ книжный языкъ древней Руси (въ Галичѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и Москвѣ) былъ одинъ; въ основу его легъ церковно-славянскій (старо-болгарскій) языкъ. Доказано даже, что многіе южно-русскіе памятники XVI и XVII вѣковъ писаны на томъ же языкѣ, на какомъ писали тогда въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ и на Поморьи. Малорусское нарѣчіе дальшаго устнаго народнаго обихода не поднималось и не имѣло ни письменности, ни оффиціального (государственнаго) значенія. Западно-русскій актовъ языкъ заключалъ, однако, въ себѣ много малоруссизмовъ (въ томъ числѣ элементовъ сѣверно-малорусскихъ поднарѣчій) и бѣлоруссизмовъ, изъ коихъ первые преобладали въ XIV вѣкѣ, а послѣдніе—въ XV вѣкѣ. Полонизмы въ западно-русскомъ книжномъ языкѣ появились съ половины XVI вѣка (отъ Люблинской уніи); въ Галицкомъ воеводствѣ они появились гораздо раньше (XV в.) и въ значительно большемъ количествѣ. Къ половинѣ XVII в. книжный языкъ Западной Руси, подъ вліяніемъ польско-латинской школы и моментовъ общественно-политическаго характера, подвергся довольно рѣзкой полонизаціи какъ въ лексикѣ, такъ и въ морфологіи; не мало южно-русскихъ писателей перешло тогда совсѣмъ на польскій языкъ.

Возсоединеніе Кіева (крупнаго научнаго центра) и восточной половины Малороссіи съ Великой Россіей было и началомъ возсоединенія западно-русскаго книжнаго языка съ восточно-русскимъ и постепеннаго сліянія ихъ въ одинъ общерусскій языкъ. Хотя антинаціональность русской государственной политики доходила до того, что еще въ XVIII в. читались на польскомъ языкѣ многія лекціи даже въ Харьковской коллегіи, т. е. тамъ, гдѣ и кости польской не было, тѣмъ не менѣе западно-русскій языкъ хирѣлъ и исчезалъ, растворяясь въ общерусскомъ руслѣ. Явленіе это было вполне естественнымъ; сквозь выдыхавшіеся латинизмы и полонизмы въ книжномъ языкѣ Южной Руси блисталъ, какъ самоцвѣтный камень, здоровый русскій корень. По возсоединеніи Малороссіи съ Россіей двинулись на сѣверъ сперва въ Москву, а потомъ и на берега Невы ученые питомцы Кіевской Академіи, славнаго разсадника просвѣщенія на нашемъ югѣ; пришли они, не какъ

иностранцы, а какъ родные братья; понятною москвичамъ рѣчью заговорили они о плодахъ западной науки; какъ пчелы несутъ медь въ соты роднаго улья, такъ приносили они питательные соки въ создаемую русскимъ книжнымъ людомъ русскую книжную рѣчь.

По словамъ извѣстнаго писателя украинофила П. А. Кулиша, когда Южная Русь, или какъ обыкновенно ее называютъ, Малороссія, присоединилась къ Сѣверной или Великой Россіи, умственная жизнь на сѣверѣ тотчасъ оживилась притокомъ новыхъ силъ съ юга, и потомъ Южная Русь постоянно уже принимала самое дѣятельное участіе въ развитіи сѣвернорусской литературы. Извѣстно каждому, сколько малороссійскихъ именъ записано въ старыхъ лѣтописяхъ русской словесности. Люди, носившіе эти имена, явились на сѣверѣ съ собственнымъ языкомъ и *ввели этомъ языкъ въ тогдашнюю русскую словесность, какъ рѣчь образованную*. Природные москвичи оставили языкъ своихъ разрядныхъ книгъ и грамотъ для этой рѣчи, и въ Россійскомъ государствѣ, мимо народнаго сѣверно- и народнаго южно-русскаго языковъ, *образовался языкъ, составляющій между ними средину и равно понятный обоимъ русскимъ племенамъ*.

Въ одобренномъ для галицкихъ школъ учебникѣ литературы А. Барвинскаго мы находимъ категорическое утвержденіе, что перенесеніе съ половины XVII ст. просвѣщенія и науки въ Московщину было для кievскихъ ученыхъ тѣмъ болѣе легкимъ, что они писали, подобно тому какъ и въ Москвѣ въ ту эпоху, языкомъ, созданнымъ на Руси на церковно-славянскомъ фундаментѣ. Тотъ же педагогъ украинскаго лагеря не скрываетъ, что южно-русская литература и наука имѣли значительное вліяніе на Московскую Русь еще съ конца XVI и начала XVII вв., а именно произведеніями Зизанія, Смотрицкаго, Копыстенскаго и Петра Могилы. Въ концѣ XVII в. переселяются на сѣверѣ кievскіе ученые: Елифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Феофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (галичанинъ родомъ); они создаютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, въ которомъ концентрируется наука и *литературная дѣятельность* того времени. Въ XVIII вѣкѣ въ Кievской академіи, несмотря на отдаленность ея отъ общерусскихъ литературныхъ центровъ, появляются произведенія, мало чѣмъ отличающіяся отъ сѣвернорусскихъ, какъ ода Левандовскаго и гимны Фальковскаго.

Весьма поучительно мнѣніе о воздѣйствіи Юга на Сѣ-

верь, высказанное покойнымъ львовскимъ профессоромъ Огоновскимъ, ученикомъ Миклошича и защитникомъ идеи самостоятельности малорусскаго языка. „Лексическій и грамматическій матеріалъ русинскаго (т. е. малорусскаго) языка былъ въ XVIII и XIX ст.,—по словамъ Огоновскаго,—такъ *поглощенъ* московскимъ нарѣчіемъ, что новый языкъ принялъ даже названіе *русскаго*“... „Богатые запасы языка малорусской націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатируемы въ пользу московскаго нарѣчія“.

Такимъ образомъ, судьба южно-русскаго книжнаго языка, выразившаяся въ ассимиляціи его съ книжнымъ великорусскимъ, была почтенна и продуктивна: это была смерть сѣмени, попавшаго въ благопріятную почву и принесшаго добрый плодъ.

Глава II.

Польская интрига въ возсоединенной Малороссіи.

§ 4. Литовско-польская Русь и Переяславская рада. Къ половинѣ XIV вѣка удѣльные княжества южнорусскія, подвліяніемъ внутреннихъ усобицъ и татарскихъ разгромовъ, утратили всякую связь съ новымъ Владиміро-Суздальскимъ центромъ и дошли до полной государственной дезорганизации. Отсюда былъ одинъ лишь шагъ до утраты самостоятельности. Въ 1360 году литовскій князь Ольгердъ присоединилъ къ Литвѣ Черниговское княжество, черезъ 3 года—Подолію и Кievскую землю, а въ 1377 году—Волинь; въ 1386 году превратилась въ польскую провинцію Галицкая Русь. Литовско-русское государство уже въ началѣ XV вѣка стало въ лицѣ православныхъ бояръ какъ малорусскаго, такъ и бѣлорусскаго происхожденія—тяготѣть къ Москвѣ и искать у нея помощи. Это обстоятельство, не входившее въ расчеты бояръ-католиковъ (ополячившихся), ускорило заключеніе между Литвой и Польшей люблинской уніи 1569 г., по которой вся Литовская Русь превратилась фактически въ рядъ польскихъ провинцій. Къ тому времени на южномъ рубежѣ Подольской, Кievской и Черниговской земель или, по старинной административной терминологіи, воеводствъ, образовались для отпора частымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ, полувоенные поселки. Вооруженные люди, защищавшіе эту окраину или Украину польскаго государства,

У. Д.
11—12.

называли себя козаками подобно военным пограничникам московскаго государства, поселенія коихъ (при Іоаннѣ Грозномъ) тянулись отъ г. Темникова (нынѣ тамбовской губерніи) до г. Рыльска и Путивля; польское государство, для борьбы съ Москвой, организовало на своей восточной границѣ отряды козаковъ витебскихъ. Самое слово „козакъ“ позаимствовано у татаръ, у которыхъ козаками называлось рядовое войско въ противоположность высшему военному разряду—уланамъ. Религіозный и экономическій гнетъ со стороны поляковъ вызвалъ въ Южной Руси рядъ бунтовъ, руководимыхъ православнымъ южнорусскимъ козачествомъ и извѣстныхъ подъ названіемъ козацкихъ войнъ. Уже черезъ 8 лѣтъ послѣ люблинской уніи часть козачества стала искать защиты и руководства у единовѣрной Москвы; король Стефанъ Баторій имѣлъ свѣдѣнія, что днѣпровскіе козаки или Низовцы уже съ 1577 г. находились въ соглашеніи съ московскимъ государемъ, который учредилъ даже должность Днѣпровскаго воеводы. Болѣе систематическія попытки козаковъ возсоединиться съ Москвой относятся къ 1625 г. Не прошло и ста лѣтъ отъ люблинской уніи, какъ предводителю козаковъ, гетману Богдану Зиновію Хмельницкому удалось освободить фактически восточную половину Южной Руси отъ польскаго владычества. По словамъ историка М. Драгоманова, въ это время въ южномъ козачествѣ была достаточно пробуждена національная сознательность, а потому Хмельницкому было не трудно въ 1654 г. на Переяславской радѣ начать возсоединеніе Южной Руси съ остальной Русью—Русью Московской.

Присяга Хмельницкаго Царю Восточному была, какъ справедливо говоритъ Драгомановъ, актомъ не только натуральнымъ, но и вполне національнымъ тѣмъ болѣе, что этой присягѣ предшествовала массовая эмиграція южноруссовъ изъ-подъ Польши въ Московскія земли. Къ сожалѣнію, часть Южной Руси (Русь Галицкая) находится за нашимъ рубежомъ доселѣ. Волынь и Подолія вошли въ составъ русскаго государства лишь по 2-му раздѣлу Польши (1793 г.); царю же Алексѣю Михайловичу удалось удержать за собой на югѣ лишь воеводства Черниговское и Кіевское (по рр. Днѣпръ и Ирпень). Возсоединенныя земли вошли въ титулъ русскаго государя подъ именемъ „Малыя Россіи“; терминъ этотъ имѣлъ за собою право исторической давности. Въ XIV вѣкѣ галицко-волынской князь Юрій I, въ грамотѣ, титуловалъ себя, какъ *dux totius Russiae Minoris*. Константинопольскіе патріархи

въ томъ же XIV вѣкѣ подъ именемъ Малой Россіи („*ἡ Μικρά Ῥωσία*“) разумѣли всю Южную Русь въ противоположность Великой Руси—Московской.

§ 5. Поляки и польскіе клеветы. Съ момента возсоединенія лѣвобережной Малороссіи и Кіева съ русскимъ государствомъ и до нашихъ дней польское правительство, а позднѣе польскіе политическіе дѣятели и публицисты не переставали мечтать о реваншѣ. Нужды нѣтъ, что число поляковъ даже въ правобережной Малороссіи не превышало $3\frac{1}{2}$ —4%, а въ лѣвобережной даже 1%; нужды нѣтъ, что Малороссія сама отложила отъ польской короны и сама пожелала принести присягу русскому государю; поляки не брезгали никакими способами въ стремленіи отколотъ Малороссію отъ растущей не по днямъ, а по часамъ русской монархіи. Однако, рядовое козачество стояло слишкомъ близко къ простому народу, чтобы увлечься ненавистными для народа польскими идеалами, и лишь отдѣльные честолюбцы изъ козацкихъ старшинъ и ихъ потомковъ откликались на привабиваніе польскихъ дипломатовъ.

Войску козацкому или Запорожскому, постоянный военный лагерь котораго („сѣчь“) находился на Днѣпрѣ ниже пороговъ, русскій государь даровалъ въ 1654 году, принимая населеніе Малороссіи въ русское подданство, большія привилегіи не только экономическаго, но и политическаго характера; гетману, на прим., было даже дано право принимать иностранныя посольства (кромѣ польскаго и турецкаго). Ближайшее будущее показало всю непригодность и опасность такого государственнаго эксперимента. Уже въ 1658 году козацкій гетманъ Выговскій, польскій шляхтичъ, заключилъ въ Гадячѣ тайный договоръ съ эмиссарами польскаго короля объ отпадѣніи Малороссіи отъ Россіи и объ образованіи изъ трехъ воеводствъ (Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго) псевдоавтономнаго „Великаго Княжества Русскаго“ во главѣ съ гетманомъ, назначаемымъ Польшей съ правами сенатора на варшавскихъ сеймахъ. Вождѣнія Выговскаго и преданныхъ ему старшинъ и ополяченной шляхты не согласовались съ экономическими интересами козачества, не говоря уже о крестьянствѣ, а потому не нашли для своего осуществленія благопріятной почвы. Попытка Выговскаго не удалась. Къ началу XVIII в. Малороссія стала успокаиваться подъ фѣрулой талантливаго администратора гетмана Мазепы-Колединскаго. Иванъ Мазепа воспитывался при дворѣ польскаго короля. Сдѣлавшись гет-

маномъ Малороссіи, Мазепа снискалъ полное довѣріе Императора Петра I. Громадное тщеславіе его было, казалось, удовлетворено: достигнувъ зенита власти на своей родинѣ, онъ въ то же время былъ кавалеромъ русскаго ордена, даваемого „за вѣру и за вѣрность“, онъ носилъ на груди крестъ Андрея Первозваннаго „патрона всей земли русскої“. Но въ этой груди таилось сердце измѣнника. Мазепа былъ человѣкомъ польской культуры. На порогѣ полтавскаго боя онъ заключилъ тайные договоры съ польскимъ королемъ и со шведскимъ завоевателемъ Карломъ XII. По этимъ актамъ, вся Малороссія съ Кіевомъ, Сѣверщиною съ Черниговомъ и Смоленскъ присоединялись къ Польшѣ, Мазепа же становился властителемъ воеводствъ полоцкаго и витебскаго съ титуломъ князя и на правахъ вассала Польши. Отъ тѣхъ козацкихъ старшинъ, коимъ Мазепа „довѣрился“, текстъ договора былъ скрытъ, а цѣлью его указывалось освобожденіе Малороссіи отъ московской власти и образованіе изъ нея самостоятельнаго государства.

Полтавская викторія рѣшила судьбу и польской затѣи, и измѣнника гетмана. Мы, однако, позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на дѣятельности Мазепы въ виду того „національнаго“ ореола, которымъ окружается имя Мазепы со стороны „украинскихъ“ сепаратистовъ. По остроумному замѣчанію писателя Ф. М. Уманца (малоросса), „Мазепа и его измѣна были необходимы для проверки дѣйствительнаго настроенія народа“. „Гетманъ Мазепа“, говоритъ его біографъ проф. Костомаровъ, „держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, который, добавимъ мы, для охраны своей вельможной особы держалъ полкъ польскихъ жолнеровъ. Выводы другого историка-украинофила А. М. Лазаревскаго сводятся къ тому, что „Мазепа имѣлъ въ виду протекторатъ Польши; народъ былъ равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи и видѣлъ въ совершавшихся событіяхъ лишь старшинскую затѣю, но и старшина относилась къ замыслу Мазепы несочувственно“. „Если бы Мазепа (и Карлъ) побѣдили подъ Полтавой,—говоритъ французскій писатель де-Вогюэ,—то Мазепа лишь создалъ бы „вторую Польшу“, управляемую беспорядочной олигархіей; это государство козаковъ чрезъ нѣсколько дней распалось бы или было бы подѣлено сосѣдями“. Архи-украинофилъ М. Драгомановъ относительно національно-сознательныхъ элементовъ малорусскаго народа говоритъ очень недвусмысленно, что отъ самого митрополита Іова Борецкаго (начало XVII вѣка) вся

малорусская интеллигенція, въ томъ числѣ и козацкая, кланялась царямъ восточнымъ, какъ своимъ заступникамъ; Мазепа послѣдней эпохи и его сподвижники (Орликъ и Кость Гордіенко) были исключительными явленіями. Что рядовое козачество ни во время воссоединенія, ни позднѣе, никакой автономіи не желало, подтверждаетъ и польскій публицистъ Л. Василевскій.

Заслуга Мазепы предъ Россіей заключается въ томъ, что онъ раскрылъ правительству глаза на необходимость ликвидировать институтъ гетмановъ, могущій грозить цѣлости государства. Эта ликвидация протянулась до 1734 г. Затѣмъ администрація Малороссіи олицетворялась новымъ коллегіальнымъ „правленіемъ“. Правда, съ 1750 по 1764 г. гетманство, въ лицѣ гр. Кирилла Разумовскаго, было возобновлено, но носило уже чисто бутафорскій характеръ. Постепенно Малороссія въ административно-судебномъ отношеніи уравнивалась съ прочими областями Имперіи. Такую нивеллировку можно только привѣтствовать какъ съ государственно-правовой точки зрѣнія, такъ и ради насущнѣйшихъ интересовъ малорусскаго крестьянства. Привилегіи, полученныя Хмельницкимъ и старшинами на Переяславской радѣ, опирались не на историческую традицію, а на моментъ временной удачи козаковъ въ борьбѣ съ Польшей. Большинствомъ этихъ привилегій козаки пользовались „безъ году недѣлю“, доведя страну до состоянія весьма близкаго къ анархіи. Уже первыя десятилѣтія по „воссоединеніи“ показали, что козацкіе старшины, подобно древнимъ преторіанцамъ, жили въ атмосферѣ политическихъ интригъ, крамолы, сутяжничества и клеветы; они эксплуатировали народъ и стремились къ автономной олигархіи для удовлетворенія своихъ аппетитовъ и своего тщеславія.

Параллельно съ уничтоженіемъ привилегій, козацкая шляхта превращалась въ русскихъ дворянъ и обзаводилась приличнымъ числомъ крѣпостныхъ душъ, что ее съ судьбою и примиряло. Находились, однако, и во второй половинѣ XVIII вѣка поклонники малорусской автономіи. Черниговскій помѣщикъ Г. А. Полетика представилъ въ 1765 г. правительству меморіаль, составленный яко бы на основаніи доставленнаго ему знаменитымъ писателемъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ текста лѣтописи подъ названіемъ „Исторія Руссовъ или Малой Россіи“. Въ настоящее время наукой доказано, что эта исторія была написана, вѣроятно, самимъ Полетикой съ ясной политической тенденціей представить козаче-

ство и весь малорусскій народъ, какъ автономную единицу, которая съ Литвой, Польшей и, наконецъ, Россіей соединялась и должна быть соединена на основахъ „свободные со свободными, равные съ равными“. Доказана также наличность въ трудѣ Полетики цѣлаго ряда подложныхъ историческихъ документовъ. „Исторія Руссовъ“ была „передѣлана“ его сыномъ (питомцемъ Виленскаго польскаго университета) и въ началѣ XIX вѣка распространилась въ писанныхъ копіяхъ среди малорусскаго дворянства. На „Исторіи Руссовъ“ базировались также авторы исторіи Малороссіи: Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ, чѣмъ значительно обезцѣнивается научное значеніе этихъ трудовъ. Кромѣ „Исторіи Руссовъ“, существовала еще рукописная исторія, сочиненная Худорбой „очень вольно и противъ русскаго правительства“. Худорбы—черниговскіе дворяне „изъ польской шляхты“.

Въ 70-хъ гг. XVIII вѣка появился анонимный памфлетъ, подъ назв. „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, гдѣ Малороссія рассказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги, оказанные ею русскому народу и государству и дающія ей *право на нѣкоторую автономію*. Малороссія ведетъ свой родъ *отъ древнихъ козаровъ (хозаръ)* и рассказываетъ, что она сначала *управлялась своими вождями*, потомъ подчинилась польскимъ королямъ и, наконецъ, добровольно отдалась подъ власть російскихъ государей. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 г., съ гетманства Леслава Лянцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, Свирговскій, Богданко, Шахъ и Конашевичъ. *Все эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы*. Такъ увѣряетъ насъ памфлетистъ. Столь тенденціозное начало исторической части памфлета съ опредѣленныхъ лицъ обнаруживаетъ въ авторѣ либо симпатіи къ полякамъ, либо польское вліяніе; не менѣе, если не болѣе тенденціозное допущеніе о различномъ этнографическомъ корнѣ для малороссовъ и великороссовъ дѣлаетъ „Разговоръ“ прототипомъ историческихъ гипотезъ поляка Духинскаго и нашего современника, львовскаго профессора Грушевскаго, съ сущностью и тенденціей которыхъ мы ознакомимся ниже. Здѣсь напомнимъ только, что историкъ XVIII в. Ригельманъ, въ своей „Лѣтописной Повѣсти о Малой Россіи“, также укорялъ малорусскихъ козаковъ въ сочиненіи своей родословной отъ народовъ Роксоланскихъ, Скифовъ и Кимвровъ, ибо они—козаки—„хотятъ себя усиленно представить,

яко бы и до нынѣ были подлинно по тѣмъ древнимъ народамъ вольные и ни къ кому не принадлежащіе“.

Въ 1791 г., предъ 2-мъ раздѣломъ Польши, извѣстный писатель Капнистъ (горячій малорусскій патріотъ, судя по его „Одѣ на рабство“) совершаетъ таинственное путешествіе въ Берлинъ и, именуя себя уполномоченнымъ своихъ соотечественниковъ (малороссіянъ), обращается къ прусскому канцлеру Герцбергу съ вопросомъ, могутъ ли его земляки, доведенные до крайняго отчаянія тиранніей русскаго правительства, рассчитывать на помощь Пруссіи, чтобы сбросить русское ярмо и возстановить старый козацкій строй. Дипломатъ Герцбергъ, извѣстный инициаторъ перваго раздѣла Польши, былъ незыблемымъ сторонникомъ прусско-русскаго сближенія, а потому отвѣтилъ Капнисту отказомъ. Ближайшее будущее показало всю беспочвенность самозванной авантюры Капниста, инспирированной, быть можетъ, его друзьями изъ польскихъ помѣщиковъ кievской губерніи, по выбору коихъ онъ въ 1785—7 годахъ состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Предпринятое въ концѣ XVIII вѣка Императоромъ Павломъ частичное возстановленіе старыхъ учрежденій гетманщины было встрѣчено малорусскою интеллигенціей, уже отвыкшей отъ нихъ, очень холодно.

Свѣжая рана, нанесенная Польшѣ оторваніемъ отъ нея въ 1793 г. Кіевщины, Подолии и Волини, направляла въ XIX вѣкѣ политическія мечты польскихъ патріотовъ къ надеждѣ на реваншъ. Пропагандой идеи „Вольной Руси“ особенно усердно занимался на грани XIX вѣка князь Августъ Яблоновскій. Въ 1812 году, когда Наполеонъ былъ предъ Смоленскомъ, польскій генераль, князь Юсифъ Понятовскій предлагалъ ему выслать часть арміи въ Малороссію и обѣщалъ поднять тамошнее малорусское населеніе. Тогда (да и тогда ли только) среди поляковъ существовало убѣжденіе, что Россію легче всего побѣдить, если у нея будетъ отнята Малороссія.

Въ 1824 году представитель польскаго „Патріотическаго Союза“ князь Яблоновскій велъ дѣятельные переговоры съ южнорусскими декабристами. Въ началѣ 1825 г. состоялся въ Житомирѣ съѣздъ польскихъ и русскихъ заговорщиковъ, подъ именемъ „славянскаго собранія“. Изъ русскихъ были здѣсь, въ числѣ прочихъ, Сергѣй и Ипполитъ Муравьевы-Апостолы и поэтъ Рылѣевъ. Въ этомъ засѣданіи полякъ Оома Падурра доказывалъ необходимость „для дѣла общей свободы“

возстановить независимость Малороссіи, изъявивъ готовность въ такомъ направленіи вести пропаганду въ народѣ, напоминая ему его прежнюю „козацкую славу“. Всѣ присутствовавшіе и поляки, и русскіе—одобрили эту мысль. За выполнение ея принялся помѣщикъ-украинофилъ Вацлавъ Ржевусскій; вмѣстѣ съ Падуррой онъ принялся за распространеніе среди южнорусскаго населенія мысли о независимости Малороссіи.

„У. Д.“
32—33.
§ 6. Чарторійскій, Чацкій и Духинскій. Въ правобережной Малороссіи само правительство русское, въ первой четверти прошлаго столѣтія, способствовало культурному отчужденію населенія отъ общерусскихъ идеаловъ постановкою просвѣщенія на антигосударственныхъ началахъ. Въ 1803 г. образованъ былъ Виленскій учебный округъ изъ областей, присоединенныхъ отъ Польши при раздѣлахъ послѣдней. Попечителемъ этого округа до 1823 года состоялъ личный другъ Императора Александра I-го князь Адамъ Чарторійскій, совмѣщавшій эту должность съ должностью министра иностранныхъ дѣлъ. Для характеристики этого высшаго сановника Россійской Имперіи достаточно указать, что въ 1805 году Чарторійскимъ былъ оффиціально выработанъ планъ возстановленія польско-литовскаго государства въ политической уніи съ Россіей; въ 1815 году этотъ „попечитель учебнаго округа“ участвовалъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ въ качествѣ негласнаго [защитника Польши; во время польскаго мятежа 1830 года мы видимъ его уже президентомъ революціоннаго ржонда. Изъ всего этого видно, что Виленскій учебный округъ находился съ 1803 по 1823 годъ въ „надежныхъ“ рукахъ. Ближайшимъ просвѣтителемъ правобережной Малороссіи былъ другъ попечителя Тадеушъ Чацкій, состоявшій визитаторомъ (ревизоромъ) училищъ въ губ. кievской, подольской и волынской. Училищный уставъ былъ выработанъ Чацкимъ при участіи извѣстнаго польскаго террориста Гугона Коллонтая; въ 1805 году состоялось открытіе классической гимназіи въ г. Кременцѣ, переименованной въ 1819 году въ лицей. О національномъ характерѣ этого учрежденія можно судить по тому, что оно притягивало въ свои стѣны польскую учащуюся молодежь изъ Австріи и Пруссіи, а въ 1831 году, когда полученъ былъ указъ о закрытіи лицея, тамъ не нашли ни одного ученика: всѣ ушли въ повстанцы.

Изъ среднеучебныхъ заведеній Юго-Западнаго края непоследнее мѣсто принадлежало въ ту эпоху базилианскому (уніатскому) училищу въ г. Умани кievской губерніи. Въ немъ

учителя-поляки учили, что Россія—за Днѣпромъ, а здѣсь Украина, населенная особой вѣтвью польскаго народа—украинской. Одинъ изъ учениковъ этого училища, ополяченный малороссъ Францъ Духинскій, выступилъ (какъ мы упоминали выше) съ цѣлой „научной“ гипотезой; сплетенной изъ польскихъ политическихъ мечтаній.—По утвержденію Духинскаго, „москали“ (великоросы) не принадлежатъ къ славянскому и даже къ арійскому племени, а составляютъ наравнѣ съ монголами отрасль племени туранскаго и напрасно присваиваютъ себѣ имя русскихъ, которое принадлежитъ по справедливости только малороссамъ и бѣлоруссамъ, близкимъ къ полякамъ по своему происхожденію. По Духинскому, естественная граница туранскаго племени—Днѣпръ, Двина и „рѣчки Финляндіи“; интересъ арійской Европы требуетъ возстановленія славянскаго польскаго государства, которое охватило бы родственныя полякамъ племена мало-и бѣлоруссовъ.

§ 7. Масоны и „Братство народной службы“. Попечителемъ другого учебнаго округа—харьковскаго, обнимавшаго лѣвобережную Малороссію и новороссійскія губерніи, состоялъ въ первой четверти прошлаго вѣка другой другъ Чарторійскаго графъ Северинъ Потоцкій, замѣщавшій кафедры юнаго харьковскаго университета профессорами-поляками. Согласно польскимъ источникамъ, въ эту эпоху „въ Харьковѣ и Полтавѣ у нѣкоторыхъ ожили *планы отдѣленія лѣвобережной Малороссіи отъ Россіи*; планы эти нашли себѣ выраженіе въ *полтавской масонской ложѣ „Любовь къ истинѣ“*, основанной въ 1818 году; управляющимъ мастеромъ этой ложи былъ Новиковъ, правитель канцеляріи извѣстнаго малороссійскаго генераль-губернатора князя Н. Г. Волконскаго, принявшаго фамилію Репнина и покровительствовавшего позднѣе поэту Т. Шевченкѣ. Въ томъ же 1818 году основана была въ Кіевѣ масонская ложа „Соединенныхъ славянъ“, предшествовавшая тайному декабристскому обществу съ тѣмъ же названіемъ. Самою характерною чертою кievской ложи было желаніе объединить масоновъ, принадлежавшихъ къ двумъ славянскимъ народностямъ края: русской и польской. Знакомъ этой ложи былъ крестъ; на крестѣ была надпись на *польскомъ* языкѣ: „jedność slowiańska“.

Нѣсколько позднѣе, послѣ польскаго мятежа 1831 года среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ возникъ для возстановленія Польши кружокъ „Братство народной службы“, въ программу котораго входила, между прочимъ, борьба съ пра-

„У. Д.“
31 и
49—50.

вославіємъ и соединеніе поляковъ со всѣми другими славянскими народами, расположенными къ свободѣ. Къ этой партіи принадлежали: Янскій, Цѣлинскій (уроженецъ Волыни), Семеновко (католикъ, сынъ православнаго гвардейскаго офицера, женатаго на полькѣ), Адамъ Мицкевичъ, Владиміръ Терлецкій и др. Душою этого кружка былъ сначала Янскій. Кружокъ Янскаго и Мицкевича (какъ его обыкновенно называли) нашель вскорѣ покровителей и въ Западной Руси, провоцировавшихъ мысль о созданіи литературнаго языка изъ малорусскихъ говоровъ. Мицкевичъ льстиво называлъ малорусскій языкъ самымъ пріятнымъ для слуха языкомъ и считалъ Украину „землей неразгаданныхъ предназначеній, *посредницею между Польшей и Россіей*“. Особенно стоялъ за этнографическую и политическую самостоятельность Малороссіи Семеновко, надъ которымъ подшучивали, называя его изобрѣтателемъ „новаго русскаго народа“. Въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ ходилъ по рукамъ малорусскій переводъ одного сочиненія Мицкевича, въ которомъ слово „Польша“ замѣнялось словомъ „Украина“, и послѣдняя представлялась порабощенною „москалемъ“; изъ этого видно, что парижскій кружокъ имѣлъ вліяніе и на искаженіе этнографическихъ понятій въ Малороссіи.

Рядомъ съ этимъ шла своеобразная эволюція среди польскихъ писателей Западной Руси. Тѣ поляки, которые происходили изъ колонизованной западно-русской аристократіи и шляхты и не вполне утратили связь съ массой населенія, объявляли себя (въ большинствѣ случаевъ—лицемѣрно) принадлежащими къ малорусской народности. Наибольше видными представителями польской украинской школы были писатели Антонъ Мальчевскій, Северинъ Гоцинскій и Богданъ Залѣсскій; послѣдній недвусмысленно называлъ себя сыномъ „матки Украины и отчизны Польши“. Въ одномъ изъ стихотвореній Залѣсскій предсказывалъ, что Малороссія тогда лишь будетъ счастлива, когда поляне приднѣпровскіе побратаются съ привислянскими полянами. Историкъ польской литературы Третьякъ характеризуетъ поэзію Б. Залѣскаго, какъ „продолженіе старыхъ попытокъ къ политическому и религіозному братанію разноплеменныхъ элементовъ бывшей Речи Посполитой“. По мнѣнію Третьяка, эти попытки можно назвать „третьей уніей—поэтической“.

Украинофильство польскихъ писателей соединялось съ чисто-польской точкой зрѣнія на прошлое малорусской народности. Козакъ польскихъ украинофиловъ былъ козакъ

на службѣ у Речи Посполитой. Увлеченіе малорусской народностью и козачествомъ создало среди поляковъ политическое направленіе, такъ называемое „козакофильство“ или „хлопоманію“. Это было демократическое теченіе, особенно развившееся среди польской молодежи передъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ.

Со многими конкретными проявленіями польской работы, направленной къ разрушенію единства русскаго народа, мы познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Глава III.

Украинофильство въ Россіи.

§ 8. Этнографическое украинофильство. На зарѣ XIX в. среди малороссовъ появился рядъ любителей, писавшихъ болѣе или менѣе удачныя литературныя произведенія на родномъ нарѣчій. Собственно, уже съ XVIII вѣка могутъ быть отмѣчены такія попытки въ видѣ интермедій и виршей (поздравительныхъ, шуточныхъ, любовныхъ), но спросъ на такую литературу былъ не великъ, а лексическій ея багажъ крайне бѣденъ. Продолжателемъ малорусскихъ виршей явился И. П. Котляревскій, авторъ „Оды до князя Куракина“ и „Перелицованной Енеиды“, для которой онъ воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой русской „Энеиды наизнанку“ Осипова; въ своихъ драматическихъ опытахъ—„Наталкѣ Полтавкѣ“ и, особенно, „Москалѣ-чаривникѣ“—(подражаніе русской пьесѣ Курганова) онъ продолжаетъ, въ юмористическихъ роляхъ, традицію малорусскихъ интермедій. Въ виду того, что Котляревскому предоставляется позднѣйшими, да и нынѣшними украинофилами ампула отца „новой“ малорусской (украинской) литературы, необходимо отмѣтить, что языкъ его „Энеиды“ богатъ русскими лексическими позаимствованіями и не свободенъ отъ русскихъ какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ подмѣсей. „Энеида“ появилась въ свѣтъ въ 1798 году. Подражателями Котляревскаго были харьковскіе поэты: В. Масловичъ, помѣщавшій съ 1816 года малорусскія стихотворенія въ имъ же издаваемомъ сатирическомъ журналѣ „Харьковскій Демокритъ“ и П. П. Гулакъ-Артемовскій (студентъ харьковскаго университета, впоследствии рек-

„У. Д.“
29—30
и 34.

торъ его), печатавшій съ 1818 года плоды своей малорусской музы въ харьковскомъ же періодич. органѣ „Украинскій Вѣстникъ“. Большую популярность приобрѣла басня Гулака „Панъ та собака“, представляющая передѣлку двухъ стихотвореній польскаго писателя Красицкаго (Pan i pies“ и „Pan nie wart sługi“). Поступивъ въ число студентовъ харьковскаго университета, Гулакъ-Артемовскій одновременно занялъ тамъ въ 1818 г. преподавательскую кафедру польскаго языка и польской литературы. Произведенія позднѣйшихъ малорусскихъ писателей Квитки и Гребенки представляютъ нѣкоторый бытовой интересъ и отличаются чистотой народной рѣчи. Литературное значеніе ихъ ничтожно.

Читающая публика дала малорусскимъ писателямъ, изслѣдователямъ фольклора и собирателямъ народныхъ пѣсенъ кличку украинофиловъ. Къ этнографическому и литературному украинофильству сочувственно относились въ Россіи, съ одной стороны, романтики славянофильскаго оттѣнка, что дало поводъ менѣе дальновиднымъ наблюдателямъ опредѣлять украинофильство, какъ „малорусское славянофильство“; съ другой стороны, на сторону украинофильства сталъ въ 40-хъ гг. нарождающійся русскій социализмъ. Извѣстное тайное общество петрашевцевъ, стремившееся перестроить Россію на социалистическихъ началахъ, не выработало опредѣленнаго плана преобразования Россіи, но, разрабатывая программу своихъ дѣйствій, предполагало опираться на инородческіе сепаратизмы и дѣйствовать рука объ руку съ финляндскими, прибалтійскими, сибирскими, польскими и малороссійскими сепаратистами. Это обстоятельство создало и въ украинофильствѣ политическое теченіе.

„У. Д.“
34—48. § 9. **Украинофильскій псевдо-федерализмъ кирилло-мефодіевцевъ.** Наиболѣе видными изъ старшихъ представителей украинофильства были Костомаровъ, Шевченко и Кулишъ. Въ 1846 г. они образовали тайный панславистскій республиканскій кружокъ подъ имен. Кирилло-Мефодіевскаго братства и въ основу программы положили федерацію автономныхъ славянскихъ штатовъ изъ отдѣльныхъ русскихъ областей, Чехіи, Болгаріи, Сербіи и Польши. Для такой федераціи изъ Россіи предполагалось выкроить 14 штатовъ, въ томъ числѣ бѣлорусскій и два малорусскихъ. Всѣ столицы (не исключая Петербурга), по проекту, упраздняются; сеймъ собирается въ Кіевѣ. Намъ интересуется, конечно, не самый проектъ дѣлежа Россіи, а та эволюція „украинофильства“, которая по-

вела его на путь политическихъ комбинацій во вкусѣ варшавскаго Народнаго Ржонда. Болгарія и Сербія были за тридевять земель; Чехія въ болѣе тѣсныхъ, чѣмъ нынѣ, нѣмецкихъ объятіяхъ; членомъ славянской федераціи предполагалось сдѣлать и Кавказъ, тогда еще непокоренный. Практически дѣло сводилось, очевидно, къ желанію дать автономію Польшѣ и сострять два гегемонныхъ малороссійскихъ штата. При ликвидаціи тайнаго кружка пострадали болѣе прямодушные Костомаровъ и Шевченко; Кулишъ съумѣлъ выйти почти сухимъ изъ воды.

Кулишъ, количественно весьма плодовитый малорусскій писатель, въ началѣ 40-хъ гг. учительствовалъ на Волыни въ Луцкѣ и Ровно, городахъ чисто польской культуры; по переходѣ на службу въ Кіевъ, онъ очень близко сошелся съ польскими писателями Свидзинскимъ, Руликовскимъ, а главное,—съ Мих. Грабовскимъ; послѣдній—одинъ изъ питомцевъ Уманской базилианской школы, былъ, по воззрѣніямъ, предтечею Духинскаго и твердилъ направо и налево о правѣ „украинскаго люда“ на автономію. Кулишъ называлъ себя только „литературнымъ“ малорусскимъ сепаратистомъ, но въ своихъ литературно-историческихъ трудахъ позволялъ себѣ чисто политическіе приемы: такъ, въ своемъ малорусскомъ сборникѣ „Украина“, изданномъ въ 1843 году, онъ помѣстилъ малороссійскія думы изъ „Запорожской Старины“ Срезневскаго, при чемъ дѣлалъ въ текстѣ думъ измѣненія, дополненія и цѣлыя вставки тенденціозно-политическаго характера, принаровленные къ политическому памфлету „Исторія Руссовъ“. Изъ дальнѣйшихъ его литературно-политическихъ упражненій можно упомянуть составленіе „Грамматки“ (малорусскаго букваря), введеніе въ употребленіе своего правописанія („кулишовки“), коимъ искусственно рылся ровъ между малорусской и русской книгой, а также (весьма слабые) переводы на малорусское нарѣчіе западноевропейскихъ классиковъ. Къ этой же категоріи работъ относится переводъ Библии. Переводъ появился во Львовѣ „на русько-украинской мовѣ“ и блещетъ вульгаризмами и многочисленными полонизмами; такъ, напр., высоко-поэтическое библейское выраженіе „Да уповаеть израиль на Господа“ переведено у него чрезъ карикатурное „Хай дуфае Сруль на Пана“.

Гораздо интереснѣе другой кирилло-мефодіевецъ, талантливый народный лирикъ Тарасъ Шевченко; его малороссійскія стихотворенія извѣстны, болѣе или менѣе, всему рус-

скому читающему обществу, среди котораго онъ и раньше, и теперь насчитываетъ многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей; и намъ думается, что къ такому отношенію есть вполне достаточныя основанія, которыя будутъ намъ понятны, если мы оцѣнимъ языкъ и форму его поэтическихъ произведеній.

Другъ и литературный опекунъ Шевченка Кулишъ даетъ о поэзіи его такой отзывъ. „Малороссійскіе стихи Шевченка ближе нашихъ народныхъ пѣсень и ближе всего, что писано по-малороссійски, *подходятъ къ языку великорусскому*... поэтъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ плачей, пѣснопѣній и пророчествъ изъ духа и слова своего племени, другую простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣвернорусскаго... сквозь безчисленныя варіаціи слова, порожденныя не народными вліяніями, онъ видитъ слово русское въ его родномъ складѣ рѣчи и овладѣваетъ имъ по праву кровнаго родства съ сѣверно-русскимъ племенемъ. Но въ тоже время чудесный инстинктъ, свойственный только великимъ поэтамъ, заставляетъ его брать изъ другого языка только то, что составляетъ *общую собственность* того и другого племени. Вотъ почему языкъ его стихотвореній богаче, нежели у всѣхъ его предшественниковъ; вотъ почему этотъ языкъ больше понятенъ для великороссіянъ, нежели наши народныя пѣсни и сочиненія другихъ (малорусскихъ) писателей“. Къ тому же выводу пришелъ въ 1862 г. ученый украинофилъ П. Житецкій, по словамъ котораго поэзія Шевченка является наслѣдіемъ прошлаго и свидѣтельствомъ настоящаго. Какъ далекое прошлое, когда малорусская народность еще не отдѣлилась отъ общаго славянскаго рода, такъ и то прошлое, когда она составляла *одно цѣлое* съ великорусскою,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Народность и безъискусственность лирики Шевченка общеизвѣстны.

Учитывая все вышеизложенное, мы поймемъ безъ объясненій и доказательствъ утвержденіе проф. Дашкевича, что малорусскій языкъ Шевченка понятенъ всѣмъ русскимъ, и поднимемъ подъ протестомъ критика и публициста А. М. Скабичевскаго противъ переводовъ стихотвореній Шевченка на русскій языкъ, ибо Скабичевскій справедливо считалъ произведенія Шевченка общимъ достояніемъ всего русскаго народа. Что же дѣлалъ Шевченко, когда подъ перо его просились выраженія, труднопередаваемыя или непередаваемыя вовсе при помощи малорусскаго нарѣчія? Въ первомъ случаѣ

онъ пополнялъ свой лексическій запасъ словами церковно-славянскаго и литературнаго русскаго языка; во второмъ—онъ прямо переходилъ на послѣдній. На русскомъ языкѣ Шевченко написалъ количественно чуть ли не больше, чѣмъ по-малорусски, при чемъ на русскомъ языкѣ онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности: и поэмы, и повѣсти, и драмы. Изъ русскихъ произведеній Шевченка интересна мелодрама „Невѣста“, гдѣ изображенъ малорусскій бытъ XVII вѣка *народнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ*, но съ полнымъ *сохраненіемъ оборотовъ* роднаго малорусскаго языка. Здѣсь Шевченко выступаетъ въ роли новатора и ассимилятора различныхъ народныхъ нарѣчій обширной русской родины, въ каковой роли плодотворно работали до него Прокоповичъ и Яворскій, Ломоносовъ и Капнистъ, а послѣ него безсмертный Н. В. Гоголь, который развилъ и углубилъ всѣ прекрасныя и здоровыя элементы старинной малорусской литературы, а также ввелъ въ русскій языкъ много малорусскихъ словъ и оборотовъ.

По содержанію своему насъ интересуютъ изъ произведеній Шевченка лишь такія, гдѣ онъ проявлялъ *политическій* южно-русскій сепаратизмъ (въ сепаратизмѣ *литературномъ* онъ никогда грѣшнень не былъ). Есть много основаній думать, что Шевченко при сочиненіи тенденціозныхъ произведеній жилъ въ значительной степени чужимъ умомъ. Такъ, малорусскій писатель Гребенка выправлялъ для печати первое изданіе „Кобзаря“ (въ 1840 г.) и особенно много потрудился надъ „Тарасовой могилой“. Позднѣе П. Кулишъ передѣлалъ такія крупныя пьесы Шевченка, какъ „Наймычка“, „Назаръ Стодоля“ и „Неофиты“; въ произведеніяхъ этихъ Кулишъ „додѣлывалъ недодѣланное“; еще болѣе важному (спеціально тенденціозному) искаженію подвергъ Кулишъ „Посланіе Шевченка къ Основьяненку“, ставшее нынѣ боевымъ лозунгомъ украинской партіи; отдавая въ печать автобіографію Шевченка, Кулишъ вставилъ туда чуть ли не цѣлыя страницы тенденціозной отсебятины. Кулишъ знакомилъ Шевченка съ малороссійскими думами, имъ же, Кулишемъ, фальсифицированными; неудивительно, что на произведеніяхъ Шевченка отражается и излюбленная Кулишомъ „Исторія Руссовъ“ псевдо-Конисскаго. Самъ поэтъ жаловался, „що дався пиддуриты и писавъ за чужою *намовою* вирши поганы“.

Не была свободна поэзія Шевченка и отъ польскихъ вліяній и даже воздѣйствій. Поэзія ранняго періода находится

въ тѣснѣйшей связи съ польской литературой, съ произведе- ніями, особенно революціонными: Мицкевича, Чайковскаго, Залѣскаго и Гоцинскаго. Вліяніемъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей легко объясняется „антимосковское“ настроеніе Шевченка. Политическіе стихотворные памфлеты „Сонъ“ и „Великій Лѣхъ“, а также многія мелкія стихотворенія Шевченка написаны подъ очевиднымъ вліяніемъ мицкевичевскихъ „Дзядовъ“ и „Книгъ пилигримства“. Читая „думы“ Шевченка, поражаешься близостью ихъ формы къ „думамъ“ польскихъ поэтовъ: Францишка Карпинскаго (1741—1825), Мавриція Го- славскаго и Генриха Яблонскаго (1818—1869). Находясь въ 1857 году въ Новопетровскомъ фортѣ, Шевченко познако- мился и сдружился со ссыльными польскими писателями Сѣ- раковскимъ, Желиховскимъ (Антоній Сова) и Брониславомъ Залѣскимъ. Можно думать, что это знакомство вызвало рѣ- шительный поворотъ въ идеяхъ и взглядахъ Шевченка. Такъ, въ поэмѣ „Гайдамаки“ онъ прославлялъ Гонту и Желѣзняка, какъ національных богатырей, изображалъ „ляховъ“ причи- ной всѣхъ бѣдъ Украйны. Со времени же пребывания въ Ново- петровскомъ фортѣ, въ лирѣ Шевченка уже нѣтъ такихъ тоновъ; напротивъ, онъ высказываетъ негодованіе по адресу Хмельницкаго за то, что тотъ потянулъ Украйну на Востокъ, а не на Западъ.

Третій членъ Кирилло-Мефодіевской троицы, знаменитый историкъ-этнографъ Н. И. Костомаровъ былъ самымъ талант- ливымъ и наиболѣе порядочнымъ изъ всей этой компаніи. Въ Харьковскомъ университетѣ, который до 1831 г. обслужи- вался профессорами и русскими, и польскими, Костомаровъ сошелся съ украинофилами Квиткой и Гулакъ-Артемовскимъ. Въ 1843—44 г., будучи учителемъ Ровенской гимназіи (на Во- лыни), онъ сблизился съ польскими націоналистами, которые всячески старались приручить юнаго историка-украинофила. Въ это время Костомаровъ очень увлекался сочиненіями Миц- кевича. Особой любовью его пользовались „Dziady“. Въ 1846 г. Костомаровъ очень часто видѣлся со старикомъ-полякомъ Зе- новичемъ, бывшимъ проф. Кременецкаго лицея, мечтавшимъ о всеславянской республикѣ. Наконецъ, недавно опубликовано содержаніе составленной Костомаровымъ „Книги Бытія укра- инскаго народа“. Это—своего рода философія исторіи, напи- санная подъ сильнымъ вліяніемъ „книги польскаго народа и польскаго пилигримства“ Мицкевича. Въ 1861 году Костома- ровъ опубликовалъ сочиненіе „Двѣ русскія народности“, ко-

торое является евангелиемъ южнорусскаго сепаратизма по оцѣнкѣ какъ поклонниковъ, такъ и противниковъ этого дви- женія. Двѣ русскія народности сливались, въ глазахъ Косто- марова, въ высшее національное, „единство русскаго народа“. Дѣля русскую исторію на періоды, онъ отъ Кіевскаго періода переходилъ къ владимірскому и московскому, что съ точки зрѣнія современной украинской партіи является страшной ересью; въ своихъ характеристикахъ малорусскаго племени Костомаровъ неоднократно подчеркиваетъ его *неспособность къ политической жизни* и высказываетъ увѣренность, что воссоединеніе Малороссіи съ Россіей закончило навсегда са- мостоятельную политическую карьеру Малороссіи.

Въ юности Костомаровъ дѣлалъ жалкія попытки пере- водить на малорусскій языкъ чужихъ классиковъ (Байрона). Затѣю эту онъ скоро оставилъ, исходя изъ тѣхъ справедли- выхъ соображеній, что русскій языкъ знакомъ малорусской интеллигенціи не хуже, чѣмъ родное малорусское нарѣчіе. Съузилъ онъ впослѣдствіи и взглядъ на малорусское печатное слово, признавая его жизнеспособность лишь въ качествѣ под- литературы русскаго языка, пригодной, по его выраженію, „для домашняго обихода“. Статьи свои онъ писалъ исключи- тельно по-русски и созданіе литературнаго малорусскаго языка признавалъ вредной утопіей.

§ 10. Украинфильское народничество. Въ половинѣ про- шлаго столѣтія вся масса малорусскаго народа, по выраженію извѣстнаго украинофила Стешенка, двигалась, хотя и медлен- ными шагами, къ сліянію въ одно цѣлое съ великорусской частью Россіи; первою опасностью для этой эволюціи явилась кучка малорусской интеллигенціи—„мефодіевцы“. Послѣ раз- грома „братства“ мефодіевцы почти совсѣмъ притихли, но по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ. На разсвѣтѣ ре- формъ александровскаго царствованія кружокъ воскресаетъ въ Петербургѣ, но, вмѣсто панславистскаго федерализма, про- повѣдуетъ малорусское народничество, а въ первую очередь стремится къ школьному и внѣшкольному просвѣщенію ма- лороссовъ не на русскомъ языкѣ, а на малорусскомъ нарѣ- чіи. Извѣстные уже намъ Кулишъ и Костомаровъ издають въ 1861—62 гг. въ столицѣ партійный ежемѣсячникъ „Основу“; статьи въ журналѣ печатались какъ по-малорусски, такъ и на русскомъ литературномъ языкѣ. Руководящія статьи много- глаголиваго Кулиша дышали яркимъ обскурантизмомъ: онъ призывалъ интеллигенцію уподобиться образу (малорусскаго)

„У. Д.“
55—59.

простолюдина; онъ доказывалъ, что въ Малороссіи экономическое положеніе народа такъ идеально хорошо, что не нуждается въ улучшеніи; онъ ратовалъ противъ „чугунокъ“, которыя-де народу совершенно не нужны.

Въ 1861 году кружокъ „Основы“ задумалъ облагодѣтельствовать малорусскихъ крестьянъ оффиціальнымъ изданіемъ „Положенія 19 февраля“ на малорусскомъ нарѣчїи.хлопоты Кулиша (имѣвшаго связи) увѣнчались успѣхомъ, и 15 марта 1861 г. воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переводъ. Работа закипѣла: Кулишъ, при сотрудничествѣ Костомарова, Маркевича, Бѣлозерскаго и друг., выработалъ (т. е. сочинилъ) юридическую терминологію. Печатаніе перевода не пошло, однако, дальше корректурныхъ листовъ, представленныхъ на одобреніе Государственнаго Совѣта; послѣднему стало ясно, что переводъ никуда не годенъ. Въмѣсто непонятныхъ крестьянину юридическихъ терминовъ и другихъ выраженій оффиціального (русскаго) текста, которые могъ ему легко растолковать любой мѣстный интеллигентъ (священникъ, мировой посредникъ) въ малорусскомъ „перекладѣ“ кишмя-кишѣли и полонизмы, и исковерканные руссизмы, смыслъ которыхъ составлялъ секретъ изобрѣтателей и ни для какой степени грамотности читателя-малоросса не могъ быть вразумительнымъ. Основяне должны были отказаться отъ своего смѣлаго, но фантастическаго плана заговорить къ народу новыми и въ тоже время понятными словами. Работа осталась незаконченной.

Судьба „Основы“ была также печальна: просуществовавъ менѣе двухъ лѣтъ, журналъ прекратился и, притомъ, „не отъ злключеній, а отъ истощенія силъ“. Кромѣ журнала, предназначеннаго для интеллигенціи, украинофилы занялись въ Петербургѣ и въ Кіевѣ изданіемъ популярныхъ брошюрокъ на малорусскомъ нарѣчїи, которыя они называли „метеликами“ (мотыльками). Нѣкоторые украинофилы, съ сумкою на плечахъ ходили изъ села въ село и продавали, а то и даромъ раздавали эти брошюры. Въ 1859—60 гг. появились и малорусскіе школьные учебники: букварь Шевченка, граматка Кулиша и „щотныця“ (ариѳметика) Конисскаго. Присосались украинофилы и къ появившимся на югѣ воскреснымъ школамъ, гдѣ повели преподаваніе на малорусскомъ нарѣчїи. Министръ народнаго просвѣщенія Головинъ склонялся даже къ допущенію малорусскаго преподаванія во всѣ низшія школы юга Россіи. Съ цѣлью (соотвѣтственнаго) подготовленія народныхъ учителей была въ Кіевѣ открыта „Временная педа-

гогическая школа“. Параллельно со школою организовалось въ Кіевѣ „Общество Друзей Народа“, члены котораго бесѣдовали другъ съ другомъ только по-малорусски, а педагогическая школа не только „не жахалась“ (не боялась) малорусской рѣчи, но даже отпечатала на казенный счетъ малорусскія басни („Байки“) Глѣбова. Вѣроятно, къ этому періоду относится и разсылка правительствомъ десяти тысячъ малорусскихъ букварей по сельскимъ школамъ.

Неудивительно, что аппетиты украинофиловъ разыгрались: нѣкоторые изъ нихъ стали добиваться введенія малорусскаго языка въ школы на югѣ Россіи уже не какъ вспомогательнаго, а какъ главнаго предмета. Головинъ шелъ и этому преступному требованію на встрѣчу, но честь народнаго просвѣщенія была спасена другими вѣдомствами. На благословеніе Св. Синода представленъ былъ малорусскій переводъ Евангелія, исполненный Морачевскимъ; Синодъ благословенія на печатаніе перевода не далъ, ибо нашелъ такой переводъ излишнимъ при наличности русскаго перевода, вразумительнаго и для малороссовъ. Кіевскій генераль-губернаторъ Анненковъ призналъ самую затѣю „опасной и вредной“ потому, что существованіе особой малорусской литературы, дозволеніе которой вытекаетъ изъ дозволенія Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ, повлечетъ за собою ослабленіе связей Малороссіи съ Россійскою державой. Мысль, высказанная Анненковымъ, не осталась подъ спудомъ, и 20 января 1863 года состоялось Высочайше одобренное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева о приостановкѣ печатанія книгъ религіозныхъ, популярно-научныхъ и учебныхъ на малорусскомъ языкѣ, такъ что примѣненіе этого языка оказалось разрѣшеннымъ лишь для изящной словесности. На протестъ со стороны украинофильствующаго Головина Валуевъ писалъ, что, по его мнѣнію, *замыслы малороссовъ* (склонныхъ къ литературному сепаратизму) *не только совпадаютъ съ намѣреніями поляковъ, но и чуть ли не вызваны польскою интригой*. Въ другой бумагѣ Валуева высказывается подозрѣніе, что украинское движеніе инспирируется „политическими замыслами Польши“ и базируется на „сочиняемомъ“ нѣкоторыми малороссіянами такъ называемомъ *украинскомъ языкѣ*.

Въ томъ же 1863 году послѣдовало запрещеніе малорусскаго преподаванія въ народныхъ школахъ. Относительно воскресныхъ школъ и „Временной педагогической школы“ выяснено было, что тамъ подъ видомъ просвѣщенія шла война

противъ русской культуры нерѣдко рядомъ съ сѣянiемъ революціонныхъ демагогическихъ идей. Учрежденiя эти были, по этому, постепенно ликвидированы.

„у. д.“
50—52. § 11. **Польскій мятежъ 1863 г.** Въ началѣ 60-хъ гг. усилились со стороны поляковъ попытки разжечь въ юго-западной Руси украинофильское движеніе для использования его въ своихъ польскихъ цѣляхъ. Готовясь къ мятежу, поляки усердно культивировали южно-русскій сепаратизмъ, ибо знали свое слабосиліе и рассчитывали руками и боками малороссовъ побороть Россію и возстановить Польшу. Повстанческій генераль Мирославскій взывалъ къ единомышленникамъ полякамъ: „Бросимъ пожаръ и бомбы за Днѣпръ и Донъ, въ сердце Россіи. Пускай уничтожатъ ее. Раздуемъ ненависть и споры въ русскомъ народѣ. Русскіе будутъ рвать себя собственными когтями, а мы будемъ расти и крѣпнуть“. Въ Малороссіи же, преимущественно правобережной, распространялись поляками прокламаціи, трактовавшія о совмѣстныхъ судьбахъ „историческаго трилистника“ (Польши, Литвы и Западной Руси). Распространяя въ 1863 г. въ Западной Руси революціонную „Золотую Грамоту“, польскій Народовый Ржондъ соблаговолилъ въ ней признать національную самобытность южнороссовъ и всѣ ихъ права, а также „даровалъ (?) народу южнорусскому всѣ общественныя и политическія права, за которыя этотъ народъ боролся цѣлыя столѣтія“.

Польскія заигрыванія съ малороссами кончились для поляковъ, какъ извѣстно, плачевно. Народъ самъ принялся усмирять польскій мятежъ, да и украинофилы отъ поляковъ отвернулись, чему могло быть нѣсколько причинъ. Украинофилы, зная настроеніе крестьянской массы, могли предвидѣть провалъ польской затѣи; могли они и бояться данайскихъ даровъ, зная, по опыту своихъ предковъ, цѣну польскимъ обѣщаніямъ и посуламъ; не чувствовали они, наконецъ, симпатій къ польскимъ помѣщикамъ и за тѣ доносы, коими послѣдніе засыпали русское правительство по поводу социаль-демократической пропаганды лѣвыхъ украинофиловъ въ селахъ.

„у. д.“
62—63. § 12. **Кіевская Громада.** Послѣ правительственныхъ „veto“ и репрессій 1863—64 гг. украинофильство не замерло, а лишь притаилось и, приспособляясь къ новому правительственному курсу, приняло новыя формы. Кіевская „Громада“ (такъ называлъ себя организованный г. Михальчукомъ кружокъ украинофиловъ, преимущественно студентовъ и педагоговъ) имѣла въ своей средѣ къ началу 70-хъ гг. нѣсколько талантливыхъ

партизановъ, которые, запасшись научными дипломами, посвятили весь животъ свой защитѣ и пропагандѣ гипотезы-теоріи польскаго эмигранта Духинскаго въ той ея части, которая отрицала у малороссовъ общность происхожденія съ великороссами, а въ рѣчи малороссовъ—родственную близость съ великорусскимъ языкомъ, т. е. „громадяне“ ученые стремились доказать самобытность малорусскаго племени и его „языка“. Сплотились вокругъ этого знамени профессоръ исторіи В. Антоновичъ (изъ ополяченной малорусской семьи) и М. Драгомановъ, филологи Житецкій и Михальчукъ, а также этнографъ Чубинскій. Въ 1873 г. кіевская громада открыла „Юго-Западный отдѣлъ“ русскаго географическаго общества. Отдѣлъ, нося вѣвѣску научнаго учрежденія, былъ, въ сущности, генеральнымъ штабомъ политическаго украинофильства. По словамъ публициста Франка, кіевское украинофильство этого періода не было заключено въ тѣсныя рамки партикулярныхъ усилій кабинетныхъ ученыхъ: оно развивалось въ болѣе или менѣе живой связи съ либеральными элементами русскими и польскими. Послѣ поѣздокъ молодого проф. Драгоманова въ Австрію въ „научныя“ командировки, имъ созданы были украинофильскіе очаги во Львовѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ стали печатать (для подпольной пропаганды въ Россіи) малорусскія социалистическія брошюры популярнаго характера; русскимъ правительствомъ установлена была связь между этой литературой и дѣятелями кіевской „громады“. „Юго-Западный отдѣлъ“ своеобразныхъ „географовъ“ былъ закрытъ; малорусская печать была подвергнута, по указу 18 мая 1876 года, строгимъ и весьма цѣлесообразнымъ ограниченіямъ, а Драгомановъ вынужденъ былъ покинуть Россію навсегда.

Недюжинная личность и кипучая дѣятельность М. Драгоманова оставила рѣзкіе слѣды на украинофильскомъ движеніи, а потому платформа этого публициста заслуживаетъ вниманія. Драгомановъ былъ съ юныхъ лѣтъ до могилы социалистомъ-федералистомъ; отсюда логически вытекали постулаты его о политической автономіи Польши, Литвы, Бѣлоруси, Малороссіи, и т. д. На украинофильство, въ смыслѣ національномъ, онъ смотрѣлъ лишь, какъ на орудіе своей пропаганды. Такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ онъ, идя по стопамъ педагоговъ Ушинскаго и Водовозова, отстаивалъ націонализацию малорусской низшей школы будто бы по чисто педагогическимъ соображеніямъ, но уже въ 1877 г., сидя въ Женевѣ, раскрылъ свои карты, и доказалъ, что *націоналізація народ-*

ных училищъ малорусскихъ необходима для федерационнаго распада Россіи, для уничтоженія единства и сплоченности русскаго народа, какъ великодержавной единицы въ Европѣ. Автономію національную безъ политической самостоятельности онъ считалъ абсурдомъ, а для завоеванія политической автономіи совѣтовалъ малороссамъ войти въ союзъ съ „недержавными націями“ въ Россіи. Въ чувствахъ и интересахъ національныхъ украинофиламъ, по убѣжденію Драгоманова, бесполезно искать руководящихъ идей для общественной работы, и „украинское движеніе не можетъ имѣть серьезнаго общественнаго значенія, пока не станетъ на политическую почву; это нужно такъ и знать и не дурить ни себя, ни другихъ“. Со своимъ, нужно признаться, чисто академическимъ безпристрастіемъ, прямолинейный Драгомановъ рисуетъ украинофиламъ ту благодѣтельную роль, какая выпала на долю русскаго правительства въ строеніи историческихъ судебъ Малороссіи. Московское царство, поясняетъ Драгомановъ, выполняло и наши національныя задачи, съ тѣхъ поръ какъ исторія сложилась такъ, что мы сами для себя не могли ихъ выполнять; такими задачами были освобожденіе нашего края отъ ига татарско-турецкаго и отъ подданства польскаго. „Я прошу кого угодно, иронически восклицаетъ женевскій эмигрантъ, представить себѣ культурную Украину съ набѣгами татаръ за ясыремъ (на полтавщинѣ это было еще въ 1739 году), съ турками въ Азовѣ и на лиманахъ, безъ Одессы, Таганрога и т. д.... А если такъ, то нужно же признать, что *московское царство выполнило элементарную географически-національную задачу Украины*“.

„у. д.“
64—65.
68—69.
§ 13. Цензурныя правила 1876 и 1881 гг. Закономъ 18-го мая 1876 года наложены были на малорусскую письменность слѣдующія ограниченія: 1) воспрещенъ ввозъ малорусскихъ книгъ и брошюръ изъ-за границы; 2) воспрещено печатаніе и изданіе малорусскихъ произведеній и переводовъ, кромѣ а) историческихъ документовъ и памятниковъ (съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ) и б) произведеній изящной словесности (безъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія) и 3) воспрещены малорусскія представленія и чтенія, а также слова при нотахъ.

Указъ 1876 года явился планомѣрнымъ государственнымъ актомъ, стремившимся удержать малорусскую письменность въ возможной близости къ малорусской народной рѣчи и воспрепятствовать искусственному введенію въ эту письменность

неологизмовъ и употребленію правописанія, отличающагося отъ изучаемаго въ государственной школѣ. Къ сожалѣнію, система, принятая правительствомъ, не была имъ проводима съ достаточной послѣдовательностью. Въ октябрѣ 1881 года снятъ былъ запретъ съ малорусскихъ спектаклей и чтеній, по ходатайству двухъ генералъ-губернаторовъ: харьковскаго и кіевскаго, изъ коихъ послѣдній добивался въ своей докладной запискѣ полнаго снятія ограниченій съ малорусскихъ литературныхъ произведеній. Кіевская молва приписывала авторство этой записки проф. В. Антоновичу, который съ 1863 г. по 1880 г. состоялъ при начальникѣ края. Вредъ отъ такихъ „некоординированныхъ движеній“ русской государственной политики, забывающей сегодня то, что вчера еще казалось установленнымъ принципиально, самъ по себѣ великъ, но онъ еще болѣе усугублялся отъ различныхъ снисхожденій и поблажекъ, а также отъ различнаго толкованія ограничительныхъ правилъ (иногда приближавшагося къ попустительству) со стороны отдѣльныхъ органовъ правительственной власти.

Правилами 1881 года сюжеты малорусскихъ пьесъ были поставлены въ извѣстныя рамки. Къ представленію разрѣшались только пьесы, гдѣ выводились дѣйствующія лица изъ народа, и запрещались всѣ произведенія, гдѣ выводились лица изъ интеллигенціи (такъ называемыя „сюртучныя“ пьесы); не пропускались цензурою и пьесы со сколько-нибудь замѣтною національно-политической окраской. Эти ограниченія, которыя къ эпохѣ „свободы слова“ (1906 г.) постепенно ослабѣвали, были созданы инстинктомъ государственнаго самосохраненія: для „сюртучныхъ“ персонажей украинофилы-драмодѣлы должны ковать сотни несуществующихъ „украинскихъ“ словъ, должны создавать новый „украинскій языкъ“, ибо на малорусскомъ нарѣчьи ни одинъ интеллигентъ діалоговъ не поведетъ. Пропаганда же искусственнаго „украинскаго языка“ являлась и является краеугольнымъ камнемъ національно-политическаго сепаратизма.

§ 14. Малорусская литература конца XIX вѣка. Малорусская беллетристика за тридцатилѣтіе (1876—1906 г.) развивалась въ предѣлахъ Россіи вяло и имѣла ограниченный кругъ читателей—партизановъ украинофильства. Тенденціозные беллетристы и украинофилы-публицисты, по цензурнымъ условіямъ, оказались на родинѣ лишенными слова и печатались (какъ это мы узнаемъ въ слѣдующей главѣ) за кордономъ—во Львовѣ. Языкъ украинофиловъ-беллетристовъ былъ тѣмъ

„у. д.“
70—73 и
75.

болѣе дикимъ и произвольнымъ, чѣмъ болѣе удалялись они подобно драматическимъ авторамъ сюртучныхъ пьесъ отъ бытописанія крестьянства и мелкаго мѣщанства. Если у беллетриста хватало примитивной честности на то, чтобы держаться малорусской народной рѣчи, не прибѣгая къ „ковкѣ“ новыхъ „украинскихъ словъ“, то получался удивительный результатъ: они писали по-русски на малорусскій ладъ. Особенно замѣтно это обстоятельство у поэтовъ, какъ, напр., у плодовитаго Ко-нисскаго и у талантливаго харьковца Як. Щеголева.

Въ погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ пакгауза малорусской литературы украинофилы нерѣдко прибѣгали къ переводамъ съ чужихъ языковъ, не считаясь ни съ ничтожнымъ спросомъ на такія произведенія, ни съ необходимостью сочинять новыя слова, непонятныя даже ближайшему кружку единомышленниковъ переводчика. Наглость этихъ горе-культурниковъ дошла до того, что появились даже переводы съ русскаго языка.

§ 15. „Кіевская Старина“ и школа Антоновича. Съ 1882 г. въ Кіевѣ началъ издаваться на русскомъ языкѣ ежемѣсячный журналъ „Кіевская Старина“, посвященный южно-русской исторіи, археологіи и этнографіи. Иногда въ этомъ изданіи, просуществовавшемъ почти 25 лѣтъ, помѣщались весьма цѣнныя монографіи выдающихся мѣстныхъ профессоровъ, но это были лишь оазисы среди тенденціозной украинофильской стряпни. Подборъ матеріала дѣлался какъ будто и въ интересахъ науки, но лишь постольку, поскольку выводы авторовъ не противорѣчили партійнымъ заданіямъ украинофильства. Редакціонный комитетъ „К. Старины“, руководителями котораго былъ самъ Антоновичъ и его другъ филологъ П. Житецкій, служилъ цитаделью для кіевскихъ „громадянъ“, но была у нихъ и лабораторія, откуда пополнялись кадры украинофильства новыми работниками. Такой лабораторіей служили долгіи ряды лѣтъ частныя курсы (южнорусской исторіи), которые проф. Антоновичъ читалъ для молодежи въ своей частной квартирѣ, въ конспиративной обстановкѣ. Собирались тамъ немногіе изъ его университетскихъ слушателей, а также гимназисты и, особенно, семинаристы старшихъ классовъ. Изъ „слушателей“ Антоновича болѣе выдающіеся попадали на кафедры, какъ талантливый профессоръ Д. Багалъй (въ Харьковѣ), профессоръ М. Грушевскій (сперва въ Кіевѣ, потомъ во Львовѣ); другіе (какъ В. Науменко) сѣяли просвѣщеніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, третьи становились

пастырями духовными, публицистами, народными учителями. Такъ украинофильство распространялось, если и не въ глубь, то въ ширь.

Съ 1887—8 гг. южнорусскіе украинофилы слились со своими единомышленниками въ Галиціи въ одну политическую „украинскую“ партію подъ знаменемъ „Соборной Украины“, послѣ чего съ обѣихъ сторонъ послѣдовало въ 1893—1905 г. нѣсколько политическихъ выступленій. Исторія происхожденія украинской партіи требуетъ предварительнаго ознакомленія съ культурной жизнью Червоной Руси въ XIX вѣкѣ.

Глава IV.

Народничество и украинофильство въ Восточной Галиціи.

§ 16. Полонизація русскаго населенія и галицкое народничество. Наши земляки въ предѣлахъ Австро-Венгріи составляютъ почти сплошное сельское населеніе Восточной Галиціи, западной Буковины и 3 уѣздовъ (комитатовъ) сѣверо-восточной Венгріи. Занимаемую территорію они зовутъ Русью, а себя—русскими или руснаками; синонимомъ слова „русскій“ иногда служитъ слово „русинъ“, употребляемое только въ единственномъ числѣ. Языкъ свой наши братья зовутъ также не иначе, какъ русскимъ. Въ старыхъ латинскихъ актахъ Польши слово „русскій“ переводилось черезъ ruthenus; этотъ терминъ облюбовали, въ примѣненіи къ русскому населенію, австрійскіе, а за ними и другіе нѣмцы, называя малороссовъ рутенами или рутенцами. Поляки, вздорно ухватившись за упомянутое слово „русинъ“, придумали такія абсурдныя выраженія, какъ „русинскій“ народъ или „русинскій“ языкъ, что филологически соотвѣтствовало бы такимъ словечкамъ, какъ „датчанинскій“, „англичанинскій“ или „славянинскій“.

Восточная Галиція, находясь съ 1386 г. подъ властью Польши, перешла въ 1772 г. подъ скипетръ Габсбурговъ. Высшіе классы населенія восточной Галиціи къ концу XVIII вѣка были ополячены. Остались вѣрны русской народности только мелкіе ремесленники, крестьяне и сельское духовенство. При императорѣ Іосифѣ II, въ 1787 г., во львовской униатской семинаріи и богословскомъ факультетѣ университета польскій и

нѣмецкій языкъ преподаванія былъ замѣненъ церковно-славянскимъ. Все это длилось недолго. Съ 1790 г. снова усиливается антинародное настроеніе интеллигенціи, и польскій языкъ звучитъ повсемѣстно; въ 1808 г. славяно-русское преподаваніе изгоняется изъ учебныхъ заведеній. Постепенно іезуитско-шляхетское направленіе стало охватывать и низшее духовенство. Первые проблески дремавшей національной идеи обнаружались въ г. Перемышлѣ, гдѣ каноникъ Иванъ Могильницкій пытался въ 1816 году основать научно-просвѣтительное общество; это общество, одобренное правительствомъ, не вошло въ жизнь вслѣдствіе интригъ поляковъ. Вскорѣ австрійская администрація всецѣло перешла на сторону поляковъ. Галицкій намѣстникъ Ганеръ, подъ вліяніемъ епископа (поляка) Анквича рекомендуетъ замѣнить употреблявшуюся тогда (до 1850 г.) при печатаніи русскихъ книгъ кириллицу польскимъ алфавитомъ. Здѣсь, конечно, играли исключительную роль опасенія, питаемая правительствомъ по поводу возможнаго культурнаго сближенія червоноруссовъ съ остальнымъ русскимъ народомъ. Такія же неудачныя попытки пропагандировать латинскую азбуку въ галицко-русской письменности имѣли мѣсто въ 1835 и 1859 гг.

Въ 1820-хъ гг. Галиціи коснулась эпоха т. наз. славянскаго возрожденія, которая у поляковъ совпала съ подготовкой мятежа 1831 г., а у русскихъ проявилась въ борьбѣ противъ полонизма, въ попыткахъ отмежевать духовные интересы своего племени отъ польской культуры. Люди зрѣлаго ума, далекіе отъ политики (червоноруссы Зубрицкій и Левицкій) работали надъ постепеннымъ переносомъ на галицкую почву общерусскаго языка и письменности; другимъ путемъ пошелъ кружокъ учащейся львовской молодежи во главѣ съ Марк. Шашкевичемъ, Як. Головацкимъ и Варгилевичемъ („Русская Троица“); кружокъ этотъ, подъ вліяніемъ чтенія польскихъ поэтовъ украинской школы, сдѣлалъ въ началѣ 30-хъ гг. попытку создать литературу на народномъ нарѣчій. Попытка была задумана австропольской администраціей. Сближенію галицкой интеллигенціи съ русской письменностью много способствовали поѣздки во Львовъ знаменитаго русскаго историка М. Погодина. Нашлись и противники этого сближенія, сочувствовавшіе кіевскимъ кирилло-мефодіевцамъ. Такъ, въ 1846 г. львовскій униатскій епископъ Яхимовичъ и Як. Головацкій совѣтуютъ австрійскому правительству опереться на русиновъ

или рутеновъ, могущихъ вліять на малороссовъ въ Россіи, — въ цѣляхъ антирусской политики.

Въ 1848 г. правительство, разойдясь временно съ поляками, создало во Львовѣ „Головную (южно)русскую Раду“. Рада эта, въ которой участвовало много униатовъ-канониковъ изъ монастыря ст. Юрія, получила прозвище „святоюрской“; ей поручено было, по Высочайшему повелѣнію, вводить въ народныя и среднія училища „рутенскій“ преподавательскій языкъ; учреждена была во львовскомъ университетѣ кафедра этого языка; повелѣно было печатать на томъ же (червонорусскомъ) языкѣ „Вѣстникъ законовъ“. За отсутствіемъ „рутенскаго“ языка, мандатъ остался невыполненнымъ. По закрытіи „Рады“ въ 1851 г. русская интеллигенція во Львовѣ сплотилась вокругъ основанныхъ Радою просвѣтительнаго издательства „Галицко-Русской Матицы“ и „Народнаго Дома“ съ его бібліотекой-читальней, собственной газетой „Зоря Галицкая“ и собственной типографіей.

§ 17. **Украинофильство во Львовѣ.** Борьбу съ національ-
ными русскими тенденціями святоюрцевъ предпринялъ еще „У. Д.“
въ 1848 г. прибывшій изъ Франціи во Львовъ польскій эми- 85—93.
грантъ Генрихъ Яблонскій, родомъ изъ Малороссіи, хорошо знакомый съ тогдашнимъ украинофильскимъ движеніемъ. Онъ убѣждалъ поляковъ, что они неразумно поступаютъ относительно галичанъ и что вмѣсто того, чтобы отрицать ихъ національность, лучше *прививать* у нихъ *сознаніе національной отдѣльности отъ великороссовъ* для солидарной дѣятельности противъ Россіи. Образовалась партія „Соборъ Рускій“ изъ польскихъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ галичанъ, именовавшихъ себя „Gente Rutheni, natione Poloni“. Издаваемая партией на малорусскомъ языкѣ, но латинскимъ шрифтомъ газета проповѣдывала борьбу противъ москалей. Партии не повезло. Въ 50-хъ гг., послѣ русско-венгерской компаніи, растетъ въ Галиціи русское національное движеніе; для борьбы съ нимъ униатскій митрополитъ, вышеупомянутый Яхимовичъ пишетъ въ 1860 г. пастырское посланіе противъ „великорусскихъ“ выраженій въ проповѣдяхъ и школѣ во избѣжаніе „духовнаго общенія католическаго и вѣрноподданнаго галицко-русскаго народа съ народомъ, который враждебно относится къ католической церкви и къ общему составу нашего отечества“.

Въ началѣ 60-хъ гг. австрійское правительство и поляки получили, въ своей борьбѣ противъ русскаго движенія въ Га-

лиціи, помощь съ востока. Въ 1861—2 гг. во Львовѣ появились книжки петербургской „Основы“, „Кобзарь“ Шевченка и другія мелкія произведенія русскаго украинофильскаго рынка. Началось слѣпое подражаніе кievскимъ украинофиламъ, увлеченіе воскресными школами, малорусскими (яко бы популярными) брошюрами и т. п. Молодежь складывалась въ кружки—„громады“, распѣвала думы о козачествѣ, а часть ея мечтала даже о самостоятельной козацкой республикѣ. Юноши щеголяли въ козацкомъ платьѣ, при чемъ, никогда не видѣвъ настоящихъ козаковъ, копировали ливрею панскихъ лакеевъ (гайдуковъ или козачковъ). Въ вопросѣ о языкѣ галицкіе украинофилы совершаютъ каррикатурный скачекъ. Бросаютъ свои прежнія заботы о мѣстномъ нарѣчій, такъ какъ это де языкъ „хлоповъ“, и пытаются писать на малорусскомъ нарѣчій (довольно отличномъ отъ діалектовъ галицко-русскихъ)—потому только, что это былъ языкъ „благородный, на которомъ говорило когда-то гетманство“. Такимъ образомъ, „малорусскій“ языкъ кievскихъ и харьковскихъ писателей былъ на галицкой почвѣ явленіемъ искусственнымъ и пропагандировался далеко не по демократическимъ соображеніямъ.

Съ 1862—4 гг. въ Галиціи появилась малорусская пресса, гдѣ сотрудничали украинофилы изъ Россіи (Кулишъ, Конисскій) и польскіе бѣглецы-повстанцы. Развилось и мѣстное антирусское украинофильство. Малороссы, пишетъ (62 г.) галичанинъ Климковичъ, должны протестовать противъ тождества съ москалями, имѣя на востокѣ Европы особую миссію: западные славяне вмѣстѣ съ малороссами отбросятъ сѣвернаго опекуна къ Пекину. Славянская Австрія, пишетъ сынъ Марк. Шашкевича Владиміръ, отброситъ Москву,—опаснѣйшаго врага прочихъ славянъ,—на Сѣверъ. Малорусская газета поляка-эмигранта Свѣнцицкаго „Siolo“ (1864—5 гг.) осыпаетъ Россію площадной бранью и вводитъ терминъ „украинско-русскій“—какъ суммарное понятіе о малороссахъ и галичанахъ. Въ 1868 г. галицкое нарѣчіе входитъ на правахъ оффиц. языка въ школы. Тренія между галицкими украинофилами (народовцами) и поляками сглаживаются въ 1867—8 гг. пріѣхавшій во Львовъ Кулишъ и кладетъ начало львовской „Просвітѣ“—украинофильскому просвѣтительному обществу. Въ 1873 году возникаетъ во Львовѣ такое же литературное „общество имени Шевченка“—на деньги изъ Кіева, послѣ переговоровъ галицкихъ поляковъ съ Антоновичемъ въ 1870 г. чрезъ Драгоманова. До конца 80-хъ гг. эти учрежденія чахли, а русскій націонализмъ

въ Галиціи неудержимо росъ. Львовская Просвита имѣетъ задачей изданіе популярныхъ книгъ и брошюръ и организацію библиотекъ-читаленъ по селамъ. Получивъ отъ своихъ фундаторовъ хорошую антирусскую закваску, она вѣрно придерживается старыхъ лозунговъ и доселѣ. Такъ, приведенныя нами цитаты изъ „творовъ“ Климковича и В. Шашкевича покажутся многимъ современнымъ читателямъ безумнымъ бредомъ или случайной поэтической вольностью зарвавшихся юныхъ писакъ. Между тѣмъ, заимствованы онѣ изъ изданія львовской „Просвиты“, имѣвшаго мѣсто въ 1911 г., при чемъ „Просвита“ выдаетъ авторамъ такой аттестатъ объ себя: „Климковичъ вразъ (вмѣстѣ) съ Володиміромъ Шашкевичемъ... приготовили грунтъ до дальшой, успешнѣйшой работы на народнымъ поли“.

§ 18. Ростъ русской культуры въ Галиціи и ея разгромъ. Украинфильству, какъ явленію въ Галиціи беспочвенному, грозило культурное банкротство и смерть отъ худосочія; подъ недвусмысленнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія народовцы, въ началѣ 70-хъ годовъ, отказались даже въ своихъ изданіяхъ отъ фонетической кулишовки и перешли къ (прежнему) этимологическому правописанію. Старающіеся подлаживаться къ польской администраціи украинофилы или народовцы получили прозвище „мягкихъ“, русской же національной партіи достался эпитетъ „твердыхъ“, т. е. непримиримыхъ. Изолированное положеніе дало этой партіи вѣру въ свои силы, а учрежденное ею въ 1875 г. „Общество имени М. Качковскаго“—антагонистъ львовской Просвиты—пріобрѣло большую популярность въ селамъ. Душою русской партіи былъ талантливый популяризаторъ и кооператоръ свящ. Наумовичъ. Его дѣятельности обязаны своимъ существованіемъ почти всѣ читальни, возникшія въ Галиціи между 1871—78 гг. Вообще изъ 160 читаленъ, основанныхъ по селамъ за этотъ восьмилѣтній періодъ, только шесть было устроено народовцами. Просвита за первое пятилѣтіе своего прозябанія имѣла только двухъ членовъ крестьянъ, тогда какъ въ „Обществѣ Качковскаго“ въ первые же три года (1875—77) было 1645, 4791 и 6123 члена—преимущественно крестьяне.

Формальный и безпощадный походъ противъ русской культуры въ Галиціи, рѣзко поднявшій фонды еле прозябавшаго украинофильскаго народничества, начатъ былъ австрійскимъ правительствомъ послѣ берлинскаго конгресса 1878 г. Австрія и Германія заключили тайный договоръ противъ Россіи, и Австрія принялась искоренять въ своихъ восточныхъ

„У. Д.“
90—91
и 474.

областяхъ „русскую опасность“. Изъ Вѣны во Львовъ прислали нѣмца Лебля съ экзекуціонно-диктаторскими полномочіями. Вскорѣ арестованы были редактора всѣхъ (шести) русскихъ газетъ во Львовѣ и тысячи крестьянъ и чиновниковъ по всей Галиціи. Митрополитъ Іосифъ и многіе русскіе дѣятели были изгнаны; другіе—лишены должностей. Митрополія, консисторія, школы, монастыри оказались въ рукахъ іезуитовъ и украинофиловъ-народовцевъ.

Глава V.

Украинство въ Галиціи.

„У. Д.“
95—99. § 19. Бадени и Антоновичъ. Бисмаркъ и „Правда“. Въ концѣ 80-хъ гг. глава кievской Громады, проф. Антоновичъ разочаровался въ наличныхъ плодахъ своей украинофильской, почти тридцатилѣтней пропаганды и пришелъ къ заключенію, что подпольное украинофильство на Югѣ Россіи чахнетъ подъ широкимъ потокомъ общерусской культуры; отсюда явился логическій выводъ сдѣлать ареной открытыхъ выступленій и систематической публичной проповѣди сосѣднюю Галицію. Имѣя связи съ польской аристократіей Юго-Западнаго края, Антоновичъ вступилъ въ переговоры съ польскими правящими сферами Галиціи; переговоры имѣли цѣлью соглашеніе (угоду) поляковъ съ народоуцами; послѣднимъ было уступлено поляками полдюжины кресель въ вѣнскомъ рейхсратѣ и обѣщана поддержка украинофильскаго движенія съ тѣмъ, чтобы украинофилы стали въ вопросахъ религіозныхъ на римско-католическую почву, а въ вопросахъ національно-политическихъ на почву федераціи народностей бывшей „исторической Польши“. Угода, жало которой направлено было обѣими сторонами противъ Россіи и русской культуры, состоялась въ 1890 г.; подготовка угоды велась газетой „Правдой“ съ членомъ кievской Громады Конисскимъ въ качествѣ редактора. Инспирировалась „Правда“ намѣстникомъ Галиціи Казиміромъ Бадени и германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ; по инициативѣ послѣдняго и, очевидно, подъ звонъ прусскихъ марокъ, газета выступила даже съ проектомъ самостоятельнаго *кievскаго королевства подъ польскимъ скипетромъ*.

Кievскіе режиссеры галицкихъ маріонетокъ приступили немедленно къ исползованію тѣхъ „культурныхъ“ подачекъ

какія Украина-Русь выпрашивала себѣ отъ австро-польскихъ покровителей. По инициативѣ Антоновича и К^о львовское „О—во имени Шевченка“ реорганизовалось и съ 1892 года превратилось, съ разрѣшенія польской администраціи, въ „Научное“. Годомъ раньше появились научныя „Записки“ о—ва. Первый томъ былъ составленъ главнымъ образомъ въ *Кievѣ*, средства на изданіе дали также „земляки изъ Украины“. Въ 1894 году при львовскомъ университетѣ открыта была кафедра исторіи Южной Руси, „съ преподаваніемъ на руско-украинскомъ языкѣ“; это нововведеніе было также слѣдствіемъ соглашенія между кievской громадой и австрійскими поляками; кафедра была предоставлена русскому подданному и питомцу кievскаго университета (любимому ученику Антоновича) Михаилу Сергѣевичу Грушевскому, который немедленно занялся: 1) созданиемъ книжнаго „украинско-рускаго“ языка, 2) реформой южнорусской (украинско-русской) исторіи и 3) созданиемъ новой „украинско-русской“ политической партіи.

§ 20. Новый языкъ. За выработку украинско-рускаго языка принялось „Научное общество имени Шевченка“, въ предсѣдатели коего г. Грушевскій попалъ фактически съ перваго же года своего пребыванія во Львовѣ. Имѣя своимъ заданіемъ эволюционировать вплоть до украинско-русской академіи наукъ, Общество ни однимъ изъ готовыхъ языковъ не могло воспользоваться, ибо въ результатѣ получилась бы нѣмецкая, русская или польская академія. Оставалось выдумать такой языкъ, который бы обслуживалъ территорію „отъ Тиссы до Кубани“. „Записки“, а съ 1898 года и основанный г. Грушевскимъ во Львовѣ же „Литературно-Науковий Вістник“ имѣли половину сотрудниковъ (если не болѣе) изъ Россіи. Казалось бы естественнымъ, поставить на первую очередь заботу о нуждахъ малороссовъ (большинства) и подчинить такому постулату интересы галичанъ (меньшинства). Реформаторы, однако, справедливо опасались приближенія къ литературному общерусскому языку, которое, идя параллельно со школьной и соціальной культурой народа, превратило бы всю работу новыхъ просвѣтителей въ ребяческую и бесплодную затѣю. Учитывая это, они приналегали на червонорусское нарѣчіе, а для выраженія сложныхъ и отвлеченныхъ понятій черпали полной рукой изъ польскаго языка.

Говоры Галиціи подводятся учеными подъ три главныхъ діалекта: подгорскій, гуцульскій и лемковско-бойковскій. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра тянется центральный галицкій

діалектъ подгорскій, легшій въ основу „украинско-рускаго“ искусственнаго языка; къ Западу и Югу онъ граничитъ съ гучульскимъ и бойковскимъ діалектами. Нами указано было, что въ говорахъ Галичины встрѣчаются рядомъ сѣверномалорусскія и южномалорусскія черты, и что первыя изъ нихъ являются историческимъ мостомъ къ говорамъ бѣлорусскимъ и великорусскимъ. Наукой доказано нынѣ, что даже въ первой половинѣ XVII в. всѣ говоры Галичины принадлежали къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію, и лишь во время козацкихъ войнъ туда привнесены были южно-малорусскіе элементы.

Въ діалектѣ подгорскомъ, и въ горскихъ діалектахъ сохранились примѣты древняго звукового строя (звуковые архаизмы). Кромѣ того, въ горскихъ діалектахъ очень много архаизмовъ морфологическихъ: прошедшее описательное, старинный творительный падежъ множеств. числа. Во всей Галиціи распространено отдѣленіе мѣстоимѣнія „ся“ отъ глагола („ся бою“), энклитическія формы мѣстоимѣній („ми, ти, си“) и т. п.

Горскіе діалекты, защищенные природой отъ иноязычныхъ вліяній, интересны и въ лексическомъ отношеніи. Легко убѣдиться, что здѣсь народъ сберегъ, почти на протяжении тысячелѣтій многія дравне-русскія слова, утерянныя современной малорусскою рѣчью, но сохранившіяся, болѣе или менѣе неизмѣнно, въ нарѣчіи великорусскомъ.

При наличности такихъ, правда, стирающихся ежегодно архаизмовъ народной рѣчи въ Карпатской Руси, стремленіе послѣдней къ выросшимъ на церк.-славянской основѣ русскому слову, русской наукѣ и русской культурѣ должно быть признано природнымъ и даже инстинктивнымъ, а отнюдь не навѣяннымъ извнѣ и не случайнымъ; можно зашутать, оплевывать и душить это движеніе, какъ это дѣлають австрійскіе нѣмцы, поляки и партія Грушевскаго, но объяснять его „русскими рублями“ было бы филологическимъ невѣжествомъ. Партія, напр., жалуется на Лемковщину, которая, со своимъ горскимъ діалектомъ, является неприступной „москвофильскою“ твердыней для „украинскихъ“ политическихъ и культурныхъ организацій. Этотъ обездоленный край частично ословачивается и ополячивается, т. е. денационализируется, но къ „украинско-русской мовѣ“ симпатій все-таки не обнаруживаетъ; дѣти Лемковщины, за отсутствіемъ молока русской матери, питаются грудью кормилицы, но отворачиваются отъ искусственной питательной смѣси, фабрикуемой по руско-украинскому рецепту.

Рецептъ этотъ довольно сложенъ. Въ основаніе украинскаго языка, какъ упомянуто выше, положенъ подгорскій діалектъ, говоры котораго наиболѣе засорены польскими и нѣмецкими словами. Подмѣсь малорусскихъ діалектовъ—подольско-волинскаго и украинскаго, къ чему сотрудники львовскихъ изданій изъ Россіи были весьма склонны, допускалась съ большими предосторожностями: каждое малорусское слово или фраза, въ коихъ замѣчаемы были общерусскіе признаки, либо браковались, либо подвергаемы были калѣченію. Охотнѣе всего руско-украинскіе реформаторы перекраивали на свой ладъ готовыя польскія слова и постепенно превратили свой языкъ, быть можетъ и неожиданно для самихъ себя, въ польско-галицкій жаргонъ. Образцами заимствованія польскихъ словъ могутъ служить самое названіе общества (Наукове Товариство), а также слова: часописъ (журналъ), штука (искусство), складачъ (наборщикъ), аркушъ (листъ бумаги), впливъ (вліяніе), вѣдмо (призракъ), згѣла (совѣтъ), половичный (половинный), уставичный (безпрестанный). Нерѣдки слегка измененныя польскія слова: книгарня (księgarnia), приємне вражине (przyjemne wrazenie), потягъ (pociąg), видрожденне (odrodzenie), варунокъ (warunek), вынятокъ (wyjątek), попудь (popęd), потварь (potwarz), skutokъ (skutek) и т. д. Вотъ, напр., цѣлая фраза изъ статьи проф. Грушевскаго. Украинцамъ, по его мнѣнію, „*потрибна тильки діяльність, витривалість, поважанье до себе й до свого народу*“. Въ переводѣ на польскій языкъ эта „украинская“ фраза звучала бы такъ: „*potrzebna tylko działalność, wytrwałość, poważanie do siebie i do swego narodu*“. Морочить ли г. Грушевскій въ своихъ попыткахъ писать на „родномъ“ языкѣ только читателей или и себя вмѣстѣ съ ними, судить не беремся. Приводимъ также отрывокъ изъ открытаго письма на двухъ языкахъ (польскомъ и украинскомъ), помѣщеннаго галичаниномъ д-ромъ Триліовскимъ въ 1906 г. въ краковскомъ журналѣ „Krytyka“:

Jak kolosalnie szkodzą sprawie postępu, sprawie szerzenia kultury te... oburzające szykany, jak na przykład zakaz (noszenia) odznak siczowych, prześladowanie za pochody i t. d., na które ukraiński naród we wschodniej Galicyi jest narażony.

Як кольосально шкодять справі поступу, справі ширеня культури те... обурюючи шикани, от як на приклад закази відзнак січових, переслідуване за походи и т. ин., на які український народ е наражений у східній Галичині.

Записки львовскаго „общества имени Шевченка“ уже съ 1892 г. стали помѣщать статьи съ такъ наз. фонетическимъ правописаніемъ, и одновременно же Общество совместно со львовскимъ педагогичнымъ товариствомъ возбудило ходатайство предъ правительствомъ о введеніи фонетики въ школы и оффиціальныя изданія. Среди галицкой интеллигенціи вопросъ этотъ поднялъ цѣлую бурю; большинство (русская партія) стояли за „историческое“ (этимологическое) правописаніе. Петиціи протеста противъ фонетики собрали 50.000 подписей, но угода съ поляками принесла и здѣсь пользу народовцамъ: польскіе дѣятели похлопотали въ Вѣнѣ, и съ 1895 г. фонетическая орѳографія признана министерствомъ народнаго просвѣщенія за оффиціальное правописаніе для Галиціи и Буковины. Ходатайства о фонетикѣ мотивированы были не столько научными и педагогическими *соображеніями*, сколько *политическими*; между послѣдними прямо указывалось, что для Галицкой Руси „и лучше, и безопаснѣе не пользоваться тѣмъ самымъ правописаніемъ, какое принято въ Россіи“. Виновники этой реформы, повидимому, не подумали о томъ, какія грустныя послѣдствія она должна имѣть. Фонетическое правописаніе внесло расколъ въ малорусскую литературу Галичины и Буковины, такъ какъ многіе патріоты и ученые общества отказались принять фонетику и продолжаютъ печатать малорусскія книги (для простаго народа) старымъ этимологическимъ правописаніемъ. Кромѣ того, правописная реформа сдѣлала вообще книжную малорусскую рѣчь менѣе понятной для тѣхъ галичанъ, буковинцевъ и угро-руссковъ, говоры которыхъ представляютъ характерныя звуковыя отличія отъ подгорскаго діалекта, лежащаго въ основѣ литературнаго языка. Наконецъ, парализующее вліяніе галицкой фонетики на элементарное знакомство съ церковно-славянскимъ чтеніемъ, а, слѣдовательно, и со старинной южнорусской литературой, освѣщено въ статьѣ украиномана галичанина Франка, появившейся въ прошломъ году. Къ аномаліямъ нашего школьнаго образованія, говоритъ Франко, относится ужасное небреженіе къ изученію нашей старины, неразрывно связанному со знаніемъ церковно-славянскаго и древнерусскаго языка. *Введеніе фонетики*, какъ обязательнаго правописанія въ галицкихъ школахъ, *повело несомнѣнно къ тому, что* наша молодежь выноситъ изъ средней школы гораздо *меньше знакомства съ древними формами и древней письменностью* нашего народа, чѣмъ прежде. Другими словами, такой знатокъ южнорусской лите-

ратуры, какъ Франко, признаетъ фонетическое писаніе *факторомъ антинаціональнымъ* или, правильнѣе сказать, — *де-націонализирующимъ*.

Маститый литераторъ-украинофилъ Нечуй-Левицкій считаетъ фонетику подражаніемъ правописанію *польскому* и *сербскому*. По аттестаціи г. Левицкаго, галицкая орѳографія — смѣшна, диковинна и не покоится на какихъ-либо научныхъ основаніяхъ; эту глупость премудрую, эти ребусы наименовали фонетическимъ правописаніемъ.

§ 21. Реформа южнорусской исторіи. Если созданіе языка возложено было кievской громадой на коллегіальную львовскую институцію, лишь руководимую г. Грушевскимъ, то заботы о реформѣ исторіи ввѣрены были предсѣдателемъ громады, историкомъ Антоновичемъ, непосредственно М. Грушевскому, который и талантливостью и партійной энергіей, по меньшей мѣрѣ, не уступалъ своему руководителю. Задача сводилась не только къ тому, чтобы доказывать самобытность украинско-рускаго (южнорусскаго) народа и отдѣльность его отъ другихъ русскихъ племенъ (бѣлоруссовъ и великоруссовъ), но и къ провозглашенію его возможно большей абсолютной древности и относительнаго старшинства (надъ прочими русскими племенами), его, наконецъ, *гегемоніи* (военной и культурной) надъ этими племенами въ прошломъ. Такъ именно представлялъ себѣ южнорусскую историческую схему непосредственный предшественникъ Грушевскаго Антоновичъ, который отъ себя отклонялъ честь ея опубликованія, ибо считалъ это дѣломъ преждевременнымъ въ виду громаднхъ пробѣловъ изъ-за недостаточности матеріала и т. п. Такіе пустяки г. Грушевскаго не остановили. Въ 1898 году онъ опубликовалъ I томъ своей „Исторіи Украины-Руси“, напутствуя этотъ трудъ девизомъ „Познайте (увѣсьте) истину, и истина освободитъ вы“, позаимствованнымъ у кирилло-мефодіевцевъ, у которыхъ этотъ девизъ красовался на печати братства. Эмблема эта предупреждаетъ читателя, что авторъ принадлежитъ къ защитникамъ южно-русской федералистической идеи, и что онъ пишетъ свое сочиненіе для практическихъ (партійныхъ) цѣлей. Исторіи выпущено доселѣ въ свѣтъ 7½ томовъ.

По мѣткому отзыву польскаго историка Ф. Равиты-Гавронскаго, г. Грушевскій уже въ заглавіи, не считаясь съ данными исторической науки, выступилъ съ совершенно произвольной терминологіей. Онъ игнорируетъ то обстоятельство, что не было никогда государства, которое бы именовалось

Украиной-Русью; этимъ онъ заявляетъ историческія претензіи и къ Россіи, и къ Австріи, и къ бывшей Речи-Посполитой, такая тенденція смѣшна, преждевременна, необоснована и расходится съ истиной. Желая импонировать объемомъ своего труда, авторъ началъ свою исторію чуть ли не отъ Адама. Онъ притягиваетъ на сцену скифовъ, неуровъ, меланхтоновъ, антовъ, готовъ, алановъ, будиновъ, фракійцевъ и хозарь; чуть ли не всѣ эти бродячіе народы и народцы обрисовываются, какъ „щирые украинцы“ или, по крайней мѣрѣ, какъ предки послѣднихъ. Дойдя до временъ историческихъ, историкъ принимается совершенно серьезно за исторію Украины-Руси, хотя со временъ Карамзина (да и раньше бывали смѣльчаки), каждый историкъ категорически утверждалъ, что та эпоха была началомъ исторіи современной Россіи. Въ смѣшное положеніе ставитъ себя человекъ, который съ великимъ трудолюбіемъ старается свить веревку изъ песку.

Краеугольнымъ камнемъ исторіи г. Грушевскаго является тезисъ, будто кievское государство (княжескій періодъ), его законы, бытъ и культура были созданиемъ не русской, а „украинской“ національности, а у великорусской народности эти законы и культура являются лишь подражаніемъ, и отчасти, продолженіемъ „украинской“ культуры. Началомъ исторической эпохи для своего украинскаго народа, профессоръ принимаетъ IV вѣкъ нашей эры; появленіе княжеской власти въ Кіевѣ относитъ къ началу VIII вѣка или къ еще болѣе ранней эпохѣ; подъ Русью онъ разумѣетъ украинское государство, столицей коего—украинскій городъ Кіевъ. Не трудно догадаться, какая скромная роль отграничивается въ исторіи бѣлоруссамъ и великороссамъ при такомъ украинскомъ империализмѣ автора. Характерно, что полякъ Равита-Гавронскій, не взирая на свое руссофобство, обвиняетъ г. Грушевскаго въ субъективности, доведенной до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего описываемые факты и событія пріобрѣтаютъ очень часто характеръ *фантазіи на историческія темы*, а ихъ интерпретація переходитъ либо въ публицистику, либо въ подчиненіе исторіи политикѣ.

Изъ любезности къ нѣмцамъ и, быть можетъ, изъ благодарности къ Бисмарку за проектъ кievскаго королевства, профессоръ выпустилъ часть своего труда въ нѣмецкомъ переводѣ; результатомъ былъ хвалебный отзывъ извѣстнаго отрицателя русской національной культуры, берлинскаго проф. Брикнера. Печаталъ г. Грушевскій и популярныя перера-

ботки своего труда, а также издалъ въ 1902 г., на русскомъ языкѣ „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Большинство рецензентовъ „Очерка“ не находятъ возможнымъ согласиться съ выводами автора. Такъ, въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена была благопріятная и дружественная рецензія И. Житецкаго, который, однако, говоритъ опредѣленно, что тезисъ г. Грушевскаго о созданіи „украинской національностью“ кievской государственности и культуры высказанъ черезчуръ рѣшительно и смѣло, чтобы не сказать болѣе, и связать этотъ тезисъ съ выводами многихъ серьезныхъ русскихъ изслѣдователей (напр., Ключевскаго или Милокова)—совершенно невозможно. Самъ Грушевскій сознается, что, выпуская свой „Очеркъ“, онъ ожидалъ болѣе рѣзкой оппозиціи, нежели это послѣдовало. Случилось нѣчто иное: „Очеркъ“, гдѣ изложеніе популярно и аргументація отсутствуетъ, былъ удостоенъ со стороны Императорской Академіи Наукъ Уваровской преміи.

Для характеристики г. Грушевскаго добавимъ, что онъ въ своихъ трудахъ не брезгаетъ прибѣгать къ некрасивымъ дѣйствіямъ, именуемымъ подлогами. Такъ, въ популярномъ изданіи его Исторіи Украины цитируются, подъ видомъ подлинныхъ былинъ (Владимірова цикла), рифмованныя передѣлки ихъ или, лучше сказать, поддѣлки подъ какую-то *славяно-малорусскую* рѣчь. Мы отлично понимаемъ, что подлинный языкъ русскаго былиннаго эпоса неприятенъ гг. Грушевскимъ, какъ живой укоръ и обличеніе ихъ гипотетическихъ доктринъ, но удобно ли давать вмѣсто подлиннаго текста свой кустарный суррогатъ подъ фигурой умолчанія и, притомъ, называя эти образцы то былинами, то *пѣснями*, т. е. тѣмъ, что будто бы когда-то пѣлось?

§ 22. М. Грушевскій—политикъ. Въ концѣ 1890-хъ гг. „у. д.“ галицкая интеллигенція дѣлилась на четыре партіи: приблизительно равныхъ по силѣ народовцевъ (укаинофиловъ) и русскихъ (руссофиловъ), а также радикаловъ, разбившихся на кружки, и нарождающихся социаль-демократовъ (соціалистовъ). Отъ неправды и обмановъ, чинимыхъ поляками, „угода“ расплзлась по швамъ, и въ 1897 г. предъ выборами въ парламентъ народовцы заключили съ русской партией блокъ. Такое сближеніе грозило и кружку М. Грушевскаго, и стоящей за его спиной кievской громадѣ весьма вѣроятными сюрпризами. Лучшія, болѣе молодыя силы русской партіи не хотѣли мириться съ пассивностью стариковъ („рутенцевъ“), считавшихъ червоноруссовъ за особое племя „рутеновъ“; молодежь

открыто признавала своихъ земляковъ за часть единого русскаго народа, принялась за изученіе литературнаго русскаго языка, стала пропагандировать его въ публицистикѣ. Кружокъ М. Грушевскаго, вся антирусская дѣятельность котораго въ Галиціи покоилась на насажденіи въ народныхъ школахъ „украинско-рускаго“ языка и сохраненіи тамъ фонетики, отлично понималъ, что союзъ реформирующей русской партіи съ народовцами опасенъ и украинско-русскому языку, и школьной фонетикѣ—двумъ китамъ, легшимъ въ основаніе платформы г. Грушевскаго и его единомышленниковъ. Слѣдовательно, вопросъ о расторженіи союза народовцевъ съ русской партіей былъ вопросомъ жизни и смерти для дѣла г. Грушевскаго.

Чтобы подогрѣть украинофильство народовцевъ, профессоръ устраиваетъ въ 1898 г. празднованіе 100-лѣтней годовщины выхода въ свѣтъ „Энеиды“ Котляревскаго, провозглашая эту дату за юбилей „литературнаго возрожденія Украины“. Грушевскій шлетъ, по случаю этого празднества, въ Россію тучу приглашеній отъ имени „обиженнаго исторіей украинско-рускаго народа, второго по численности въ славянщинѣ, который поднимается изъ своего униженія“. Львовскую демонстрацію почтили адресами изъ Россіи, между прочимъ, второе отдѣленіе академіи наукъ, Харьковскіе университетъ и историко-филологическое общество и Черниговское земство. Львовскія торжества послужили поводомъ къ сближенію Грушевскаго съ галицкими радикалами.

Въ концѣ 1898 года кievская громада пробовала спасти положеніе кружка Грушевскаго, склонивъ поляковъ въ Галиціи къ новому сближенію съ украинофилами-народовцами. Съ этой цѣлью украинофилы торжественно отпраздновали въ Кіевѣ юбилей поэта Мицкевича; шагъ этотъ оказался безплоднымъ, и уже съ 1899 г. М. Грушевскій принялся за организацію новой политической партіи въ Галичинѣ, которая приняла имя національно-демократической. Въ программу партіи входили: борьба съ поляками въ Галиціи за равноправіе, полный непримиримый разрывъ съ „руссофилами“ и, наконецъ, унаслѣдованіе заповѣди Драгоманова *о содѣйствіи федеративнымъ и автономическимъ стремленіямъ въ Южной Россіи*. Послѣдній тезисъ былъ формулированъ г. Грушевскимъ такъ: „Нашимъ идеаломъ должна быть *независимая Русь-Украина*, въ которой бы всѣ части нашей націи соединились въ одну современную культурную *державу*, мы (поэтому) будемъ среди російскихъ украинцевъ поддерживать

такія стремленія, которыя ведутъ къ преобразованію російской державы изъ самодержавной и централистической въ державу конституціонно-федералистическую, основанную на автономіи народностей“.

Новая партія явилась слияніемъ народовцевъ съ радикалами; г. Грушевскій и его единомышленники присвоили ей имя украинской или все-украинской; имя украинофиловъ оставлено, какъ презрительная кличка для литературныхъ сепаратистовъ, не требующихъ политической автономіи. Терминъ Украина (вмѣсто прежняго Украина—Русь) г. Грушевскій ввелъ для обозначенія всей территоріи, гдѣ живетъ въ Европѣ южнорусское племя: Малороссіи, Новороссіи, Галичины съ Буковиной и Угорской Руси. Само собою разумѣется, что украинскимъ онъ сталъ звать и тотъ украинско-русскій языкъ, который вырабатывался подъ эгидой львовскаго „научнаго общества“. Лозунгомъ г. Грушевскаго явилось литературное, культурное и политическое возрожденіе того фантастическаго украинскаго народа, который еще съ IV вѣка управлялся, будто бы, своими украинскими князьями; Польша и Россія были, съ его точки зрѣнія, въ равной мѣрѣ узурпаторами украинской государственности и поработителями „украинцевъ“. О русской культурѣ онъ писалъ (въ 1898 г.), что ея „обличье Украины нынѣ загрязнено и обезображено, но настанетъ свѣтлый, прекрасный день, когда на украинской землѣ не будетъ *врага-супостата*“.

§ 23. Сѣчи, Соколá и культъ ирредентизма. Съ 1900 г. „у. д.“ галицкіе радикалы организуютъ по селамъ пожарныя дружины „Сѣчи“, которыя Грушевскій правильно считаетъ политическими клубами. Сѣчевики костюмируются на манеръ запорожцевъ, а на сборахъ поютъ пѣсни съ укорами Богдану за то, что онъ отдалъ Украину „поганымъ москалямъ“ и съ клятвами „создать свободную, самостоятельную Украину отъ Тиссы до Кубани“. По мѣстечкамъ и городамъ національно-демократы организовали сокольство. На знамени львовскаго сокола съ одной стороны гербъ Галиціи съ надписью „Все вперед“, а съ другой гербъ Кіевскаго воеводства и подпись „Борітеся—поборете“. Сокольскій маршъ призываетъ галичанъ къ походу на берега „батьки Днѣпра“.

Въ томъ же 1900 году организовался во Львовѣ главный штабъ революціонной украинской фракціи, издававшей газеты „Гасло“ и „Селянин“ и переправившей въ 1903—04 гг. въ Южную Россію 50 пудовъ агитаціонной литературы.

Въ 1902 году члены фракціи стояли во главѣ крестьянскихъ волненій въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Съ 1905 г. фракція приняла программу „автономіи Украины“, а въ 1906 г. издавала въ Петербургѣ мѣсячникъ „Вільну Украину“.

Галицкіе соціалъ-демократы, въ теоріи космополиты чистѣйшей воды, выступили еще въ маргѣ 1899 года съ публичной программой украинскаго ирредентизма (на Бернскомъ съѣздѣ). „Они знаютъ, что въ Австріи живетъ лишь часть украинскаго народа, а за кордономъ значительное большинство его терпитъ національное безправіе, а потому они, украинскіе соціалъ-демократы, домогаются національной свободы для своей націи, чтобы *объединенный* и освобожденный украинскій народъ сталъ въ ряду народовъ въ качествѣ равноправнаго члена“. Въ партійной пѣснѣ галицкихъ соціалъ-демократовъ есть куплетъ: „Двинется и наша родина, *одна* сильная, свободная Украина“.

Въ послѣдніе годы систематическую проповѣдь ирредентизма и культа Мазепы (мазепинства) ведетъ въ своихъ народныхъ изданіяхъ львовская „Просвита“. Въ календарѣ ея на 1910 годъ составители не хотятъ описывать полтавскихъ торжествъ 1909 года, ибо „у нихъ сердце шемитъ и болитъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ“, ибо „это былъ юбилей 200-лѣтняго издѣвательства надъ украинскимъ народомъ“; календарь съ удовольствіемъ отмѣчаетъ что въ Галиціи день полтавскаго юбилея былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посвященъ чествованію памяти Мазепы. Въ путеводителѣ по Кіеву „Просвита“ восхваляетъ Мазепу и грозитъ Россіи отпаденіемъ Малороссіи. Въ изданной „Просвитою“ брошюрѣ о гетманѣ Мазепѣ измѣна его называется „борьбой за святое дѣло“, а самъ измѣнникъ именуется „благодѣтелемъ своего народа“. Календарь „Просвиты“ на 1911 г. сожалеетъ, что малороссы не поняли своего великаго гетмана Мазепу и не поддержали его въ борьбѣ противъ россіянъ—своихъ *вѣчныхъ враговъ*; при чемъ одинъ изъ поэтовъ пророчествуетъ, что великая Сѣчь воскреснетъ отъ Дону до Карпатъ. Наконецъ, календарь на 1912 г. поучаетъ галичанъ, что „Россія—царство рабства для украинскаго народа“, и приглашаетъ ихъ (галичанъ) вмѣстѣ съ братьями (малороссами), стоять, не щадя живота и не пугаясь мученій и кандаловъ, за возвратъ Украинѣ святой свободы. Въ послѣдніе годы проповѣдь украинскаго ирредентизма распространяется и въ православной Буковинѣ. Такъ, въ народномъ календарѣ „Товариш“ на 1911 г. Украина и бывшая сто-

лица украинскаго государства Кіевъ призываются къ освобожденію отъ московскаго ярма. Брошюра „Русини а Москали“ (съ польскимъ союзомъ „а“ вмѣсто „и“ въ заголовкѣ) предназначена для простонародья, которое ею поучается, что есть на свѣтѣ „четыре отдѣльныхъ народа“: 1) русины-украинцы, 2) бѣлоруссы, 3) новгородцы и 4) москали; что „днѣпровское козачество возникло для защиты украинцевъ отъ москалей“, и что „Украину нужно освободить отъ московской наглости“.

Вліятельный львовскій публицистъ и поэтъ Франко, въ гимнѣ „Не пора“ призываетъ малороссовъ „перестать служить москалямъ и не щадить жизни въ упорномъ бою, чтобы завоевать Украинѣ свободу“; въ другой пѣснѣ Франко поетъ, что Украина отъ Дона до Сана и Буга полна ренегатовъ, но народъ украинскій встряхнетъ Кавказомъ, опояшется Карпатами, прокатитъ по Черному морю кличъ свободы и почувствуетъ себя хозяиномъ въ своемъ домѣ и на своемъ полѣ. Въ недавнемъ трудѣ своемъ Франко называетъ Полтавскій бой „погромомъ Украины“, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что „автономныя козацкія традиціи ведутъ къ новому возрожденію всего украинскаго народа“.

Въ позапрошломъ году членъ рейхсрата Сѣнгалевичъ заявилъ въ публичной рѣчи, что украинцы стоятъ теперь исполнской толпой въ *тридцать милліоновъ*, оживленные однимъ огненнымъ лозунгомъ „Свободная Украина“. Огонь разгорается по всей Украинѣ... у всѣхъ есть непреклонная вѣра въ будущность народа во *всеукраинской совокупности и объединеніи*. Товарищъ Сѣнгалевича по палатѣ проф. Днѣстрианскій на другомъ митингѣ повѣдалъ, что „украинцы“ стремятся съ помощью австрійскаго правительства, исправить ошибку великаго Богдана, именно—оторвать Украину отъ москалей и основать свое особое украинское королевство.

Глава VI.

Походъ украинства на державную Русь.

§ 24. Пособничество академіи наукъ. Превращеніе украинофильства въ „сознательное украинство“ не ограничилось, разумѣется, предѣлами Галиціи; расплодилось немало „сознательныхъ украинцевъ“, т. е. партизановъ украинноманіи, и у

„У. Д.“
138—156.

насъ въ Россіи. Начало XX вѣка дало имъ возможность не только выльзть изъ подполья, но и обзавестись неожиданнымъ могучимъ союзникомъ. Дѣло въ томъ, что недавнее смутное время на Руси ознаменовалось тремя принципиальными выступлениями академіи наукъ въ защиту украинскаго языка и присвоенной ему орѳографіи. Агитація, поднятая сторонниками украинской партіи въ Россіи, выразилась въ рядѣ петицій объ отмѣнѣ цензурныхъ ограниченій 1876 и 1881 гг.; петиціи были приняты очень благосклонно предсѣдателемъ комитета министровъ графомъ Витте. Послѣдній запросилъ и получилъ въ началѣ 1905 г. благопріятное заключеніе академіи наукъ. Тогда же во Львовѣ вышелъ украинскій переводъ записки особой академической комиссіи, работавшей по этому вопросу. Въ Россіи подлинный текстъ записки опубликованъ лишь въ 1910 г. Комиссія состояла изъ 3 филологовъ (г.г. Корша, Фортунатова и Шахматова), 2 археологовъ и 2 біологовъ. Записка является сплошной апологіей южно-русскаго литературнаго сепаратизма. По своей непродуманности или пристрастности этотъ удивительный (хотѣлось бы думать—апокрифическій) документъ является сплошнымъ недоразумѣніемъ. Записка объединяетъ подъ понятіе „малорусскаго языка“ три совершенно различныхъ объекта: языкъ западно-русскихъ актовъ, языкъ Шевченка и новый украинскій языкъ. Записка опирается на авторитетъ филологовъ Лаврова и Соболевскаго, труды коихъ, въ дѣйствительности, противорѣчатъ предпосылкамъ авторовъ записки. Записка ставитъ тезисъ, будто русскаго языка нѣтъ, а есть лишь литературный великорусскій языкъ, т. е. пригодный для однихъ великороссовъ. Между тѣмъ, не трудно убѣдиться, что данное положеніе далеко не является безспорной аксіомой. Проф. Ламанскій (защитникъ украинофиловъ) заявилъ, что русскій литературный языкъ, „по своему происхожденію и образованію, есть общее достояніе Великой, Малой и Бѣлой Руси; мысль о немъ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій, есть *мысль ложная*“. Славистъ Будилевичъ, характеризуя русскій „образованный“ языкъ, констатируетъ, что „взаимодѣйствіе *всѣхъ областныхъ* различій въ выработкѣ этого языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, имѣющими болѣе узкую діалектическую почву; правда, количество вкладовъ *въ общій* языкъ, сдѣланныхъ съ XVIII вѣка различными великорусскими, несравненно больше, чѣмъ со стороны различій малорусскихъ, благодаря чему и самый типъ нашего языка, значительно

ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ; но эта близость не доходить до тождества и не исключаетъ важности услугъ, оказанныхъ общему языку бѣлоруссами и малоруссами: они имѣютъ вслѣдствіе того полное право называть этотъ языкъ плодомъ и своихъ усилій на поприщѣ общественно-литературномъ. Забыты запиской и признанія украинофила Кулиша. См. § 3. Другой тезисъ записки касается фонетическаго правописанія, будто бы *неизбѣжнаго* въ малорусской письменности; между тѣмъ, Житецкій клеймитъ это правописаніе, какъ „плодъ борьбы литературныхъ партій“, а формула Булича гласитъ, что „всѣ системы правописанія имѣютъ только практическое, а не научное значеніе“ (жизнь же говоритъ противъ тезиса записки). Записка убѣждена, что такія, напр., слова, какъ „лобъ“ и „мельникъ“ непонятны малороссамъ, а между тѣмъ, первое фигурируетъ въ малорусскихъ поговоркахъ, какъ напр., „чужій лобъ скубши, треба и свого наставити“, а слово „мельникъ“— популярное фамильное произвище въ тысячахъ южныхъ сель. Записка, давая цитату словъ *ксендза* изъ комедіи Бомарше, наводитъ читателя на ложное предположеніе, что комедіи Бомарше писаны не для парижской, а для варшавской или краковской сцены. Всѣ эти филологическія красоты записки блѣднѣютъ предъ попыткой авторовъ ея сойти съ дороги умозаключеній на путь совѣтовъ и экспериментовъ. Записка требуетъ „свободы самоопредѣленія“: „свободное развитіе малорусской письменности,—говоритъ записка,—въ лучшемъ случаѣ выработаетъ одинъ общій для всѣхъ малорусовъ литературный языкъ; въ худшемъ, малорусы, не сознавъ своего литературнаго единства, погубятъ свою письменность въ безплодныхъ несогласіяхъ и раздорахъ“. Такой „біологическій“ способъ, способъ эксперимента есть вивисекція юной народной души, вивисекція еще болѣе юной народной грамотности: „пусть, моль, паны дерутся, а у хлопцевъ пусть чубы болятъ“! Еще одинъ упрекъ по адресу авторовъ записки: послѣдовательность должна была заставить ихъ добиться, чтобы Академія съ 1905 г. именовала свое II отдѣленіе „Отдѣленіемъ“, по меньшей мѣрѣ „двухъ русскихъ языковъ“ (великорусскаго и украинскаго), разъ само „Отдѣленіе русскаго языка“ признало, что такого языка нѣтъ.

Другое проявленіе активнаго украинофильства со стороны нашей академіи выразилось въ 1904 г. въ допущеніи вторымъ ея отдѣленіемъ въ свой „Славянскій Сборникъ“ трехъ статей г. Грушевскаго на ново-украинскомъ языкѣ, при новой же

ороографіи, чѣмъ какъ бы предрѣшалась отмѣна ограниченій 1881 г. Еще болѣе значенія имѣетъ „научное“ заступничество академіи предъ Св. Синодомъ въ пользу необходимости распро-
см. § 10. страненія малорусскаго перевода евангелія, сдѣланнаго Мора-
чевскимъ и редактированнаго комиссіей при академіи наукъ, а также Подольскимъ, нынѣ Тульскимъ владыкой Парфеніемъ. За время 1906—1912 гг. изъ синодальной типографіи выпу-
щено болѣе 200 тыс. экземпляровъ этого перевода съ примѣ-
неніемъ, по иниціативѣ 4 академикомъ, и фонетическаго право-
писанія. Внесеніемъ двойственности въ ороографію ученое
учрежденіе наше открыло этотъ, по истинѣ, „крестовый по-
ходъ“ противъ элементарной педагогики, не говоря уже о
пропагандѣ культурнаго раскола. Въ смыслѣ языка переводъ
сдѣланъ весьма неудовлетворительно.

Вся эта многогранная иниціатива, проявленная нашимъ
высшимъ ученымъ ареопагомъ и выразившаяся въ составленіи
Записки, въ допущеніи въ академическій Сборникъ статей
М. Грушевскаго на украинскомъ языкѣ, въ содѣйствіи появ-
ленію украинскаго Евангелія и въ легализаціи фонетическаго
правописанія въ Россіи, имѣла мѣсто на протяженіи одного
полугодія (осень 1904 г.—весна 1905 г.). Для украинской пар-
тіи, о существованіи которой академія могла и не подозрѣ-
вать, научная санкція украинофильства оказалась какъ нельзя
болѣе кстати.

„У. Д.“
157—158. § 25. Появленіе украинской прессы. Законъ о свободѣ
печати (24 ноября 1905 г.) создалъ въ Россіи десятки мыль-
ныхъ пузырей—органовъ украинской прессы (не только на
югѣ, но и въ столицахъ); даже украинскій клубъ (громада)
второй Гос. Думы издавалъ украинскую газетку подъ назв.
„Рідна Справа. Вісти з Думи“. Большинство этихъ органовъ
не дожило до нашихъ дней и погибло отъ худосочія и без-
денежья. Революціонные органы, какъ „Вільна Украина“
въ Петербургѣ, „Хлібороб“ въ Лубнахъ (на Полтавщинѣ)
умерли насильственной смертью; одинъ изъ нихъ газета „Гро-
мадська Думка“ въ Кіевѣ воскресла подъ другимъ именемъ
(„Рада“).
см. § 23.

„У. Д.“
159—162. § 26. Агитація львовскаго гастролера. Въ 1906 г. всту-
пилъ въ Петербургъ увѣнчанный академическими лаврами и
симпатіями профессоръ Грушевскій; трибуной ему служилъ
основанный партизанами „Украинскій Вѣстникъ“, гдѣ профес-
соръ излагалъ программу украинской партіи. По его словамъ,
Россія—тюрьма народовъ, и добровольныхъ жителей въ ней

меньшинство, а большинство состоитъ изъ угнетенныхъ народ-
ностей. Сохраненіе единства русскаго народа, точнѣе—созда-
ніе такого единства, никогда не существовавшего, является
безнадежнымъ дѣломъ. Старый стягъ православія, самодержа-
вія и народности погниль. Реформа украинскихъ земель тре-
буетъ переустройства Россіи въ свободный союзъ народовъ на
началахъ національно-территориальной автономіи. Украинскія
земли должны имѣть свои органы областного законодатель-
ства и самоуправления, свой украинскій сеймъ, свое церков-
ное управленіе; украинскія дисциплины должны войти въ курсъ
среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а народная школа
должна быть украинизирована. Сопричисливъ украинцевъ въ Рос-
сіи къ „покореннымъ народамъ“, г. Грушевскій указываетъ на
„неубѣдительность увѣреній представителей этихъ народно-
стей, что онѣ останутся вѣрными единству и нераздѣльности
Россіи; неосновательны такія заявленія и со стороны сочув-
ствующихъ имъ представителей русскаго общества. Клятвы
на кандалахъ, даваемые невольниками предъ ихъ выпускомъ
на свободу, не внушаютъ довѣрія; жизнь стихійно возьметъ
верхъ надъ трактатами и формулами“. Въ заключеніе, лидеръ
украинства наставительно подчеркиваетъ: „Полная самосто-
ятельность и независимость является послѣдовательнымъ логи-
ческимъ завершеніемъ вопросовъ національнаго развитія и
самоопредѣленія всякой народности“.

Такова была платформа украинства при первыхъ высту-
пленіяхъ его предъ русской аудиторіей.

„У. Д.“
163—168. § 27. Натискъ на русскую школу. Въ „дни свободъ наши“
доморощенные „сознательные украинцы“ стали вводить у насъ
реформу школы по австро-галицкому шаблону. Въ 1906—07 гг.
были явочнымъ порядкомъ введены курсы „украинской“ лите-
ратуры въ университетахъ Кіева, Харькова и Одессы. Въ двухъ
послѣднихъ лекціи читались, притомъ, на украинскомъ языкѣ:
великороссомъ Сумцовымъ и прив.-доцентомъ А. С. Грушев-
скимъ, братомъ профессора-агитатора. Вокругъ легализаціи
украинскихъ кафедръ по литературѣ, исторіи и языку под-
нята была большая шумиха и украинской партіей со своими
мѣстными поддужными и вообще оппозиціонными элементами.
Часть студентовъ сплотилась при этомъ въ партійно-украин-
скіе кружки; въ Кіевѣ солидарно шумѣли и всѣ студенты-
поляки.

Вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ очень раздувался
въ прессѣ проф. Грушевскимъ. На дѣлѣ все сводилось лишь

къ митинговой и газетной рекламѣ для привлеченія освобожденно-настроенной толпы въ ряды украинской партіи.

Появились на украинскомъ языкѣ элементарные учебники. Были попытки, вскорѣ пресѣченныя, ввести украинское преподаваніе въ народныя школы (въ подольской, полтавской, харьковской, херсонской и черниговской губ.). Въ Кіевѣ, Одессѣ и Каменецъ-Подольскѣ въ средне-учебныхъ частныхъ школахъ пробовали преподавать украинскій языкъ, но родители учащихся не пошли этимъ пробамъ на встрѣчу, хотя учебники (въ Одессѣ) были снабжены разрѣшительной грамотой пепечителя округа. Въ Подольской епархіи духовенство, управляемое украинофиломъ епископомъ Парфеніемъ, испросило у Св. Синода въ ноябрѣ 1907 г. разрѣшеніе преподавать украинскую грамматику (?) во всѣхъ школахъ епархіи; такое разрѣшеніе, нынѣ отмѣненное, послѣдовало относительно Винницкой церк.-учит. школы и епархіальной семинаріи, гдѣ украинскій языкъ, литература и исторія преподавались еще въ 1908 году.

Глава VII.

Современная пресса украинской партіи въ Россіи.

§ 28. Повременныя изданія на украинскомъ языкѣ. Периодическая печать въ Россіи на львовской мовѣ насчитываетъ нынѣ 14 органовъ; изъ нихъ 12 изданій кіевскихъ и 2 иногороднихъ; правописаніе во всѣхъ—фонетическое. По признанію одного органа этой печати, качества ея невысоки. Языкъ газетныхъ и журнальныхъ статей „кованный“; онъ не можетъ удовлетворить читателей, знакомыхъ съ красивой малорусской рѣчью; для выраженія многихъ понятій не хватаетъ словъ, а въ другихъ случаяхъ существующія слова незнакомы писателямъ. Почти всѣ сознательные украинцы состоятъ сотрудниками хотя одного органа своей печати и, въ качествѣ сотрудниковъ, получаютъ даровые экземпляры изданія; *бесплатно же* шлются эти изданія политическимъ *ссылнымъ*, уроженцамъ юга Россіи (а иногда, прибавимъ мы, и въ народныя школы). Изъ всего тиража „украинскихъ“ периодическихъ изданій на удовлетвореніе „настоящихъ“ платныхъ подписчиковъ идетъ такое ничтожное количество экземпляровъ, что собираемой

подписной платой не окупаются и расходы по приобрѣтенію бумаги для печатанія органа. То обстоятельство, что украинскія периодическія изданія все-таки держатся, объясняется исключительно матеріальной поддержкой состоятельныхъ людей—*меценатовъ* своего рода. Кромѣ того, нѣкоторые украинскіе органы, предъ началомъ новаго подписного срока, обращаются къ подписчикамъ со слезными воззваніями о присылкѣ пожертвованій.

Наиболѣе распространеннымъ органомъ является ежедневная газета „Рада“, выходящая съ конца 1906 года; она явилась прямымъ продолженіемъ социаль-революціонной „Громадской Думки“, погибшей насильственной смертью; нынѣ „Рада“ буржуазно-украиноманскій органъ; сверхъ того, она пропитана систематическимъ юдофильствомъ и склонна иногда къ блоку съ русскими поляками. Къ вопросамъ религіознымъ она вполне индифферентна, но не прочь, ради краснаго словца, поугатъ русскую церковь римскимъ папой. Такъ, она написала однажды завѣдомую неправду, будто „унія съ Римомъ“ находитъ для себя на Югѣ Россіи все больше и больше сторонниковъ среди украинскихъ интеллигентныхъ классовъ и даже въ простомъ народѣ. Исторію Кубанскаго козачества газета рисуетъ также своеобразно. „На протяженіи полувѣка,—говоритъ „Рада“,—*козакамъ приходилось защищать свой край* не только отъ чечни, но и отъ *поползновеній чужого государства російскаго*, которое по временамъ останавливало свой, быть можетъ, черезчуръ благосклонный взглядъ на хлѣбородныхъ кубанскихъ поляхъ“. Въ нынѣшнемъ году газета (№ 72) выдала любопытную аттестацію „сосѣднимъ“ культурамъ російской и польской; обѣ онѣ, на украинскій масштабъ, оказываются „измѣнчивыми“ (?), неклассичными, незаконченными и шаткими, не нашедшими еще своей дороги“, а формы этихъ культуръ „слабы“ (!) и „невыработаны“.

Съ 1907 г. въ Кіевѣ же издавалась еженедѣльная социаль-демократическая гусеница „Слово“, изъ нея вышла, подъ опекой М. Грушевскаго, куколка „Село“, переименовавшаяся въ „Засів“; въ нынѣшнемъ году изъ куколки вылетѣлъ ежемѣсячный мотылекъ „Дзвін“—органъ сознательныхъ украинскихъ марксистовъ, отличающійся отъ прочихъ 13 украинскихъ собратьевъ сравнительной чистоплотностью и прямодушіемъ.

Въ 1906 году въ подольской губерніи стала выходить еженедѣльная газета „Світова Зірниця“ (Утренняя Звѣзда),

перенесенная позднѣе въ Кіевъ. Издавалась она на деньги польскихъ помещиковъ; редакторъ-издатель ея также полякъ. Газета посвящаетъ часть статей сельской коопераціи, часть— беллетристикѣ изъ народнаго быта. Языкъ нѣкоторыхъ статей близокъ къ народному и содержитъ много словъ книжныхъ общерусскихъ; другія статьи засорены коваными словами по львовскому рецепту.

Появленіе въ послѣдніе годы значительнаго числа крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ послужило для украинской партіи толчкомъ къ созданію еженедѣльной народной газеты „Рілля“. Выходитъ она съ 1910 г., посвящая половину статей прикладной агрономіи, а остальныя боевому украинскому націонализму со злобными выступленіями противъ общерусской культуры и общерусскаго слова.

Еженедѣльная газета „Рідний Край“, возникшая въ Полтавѣ въ бурные дни (конецъ 1905 г.), по переносѣ въ Кіевъ стала понемногу отставать отъ политики, осмѣлилась помѣстить пару статей, глядящихъ евреевъ противъ шерсти, и приобрѣла привкусъ украинофильства добраго стараго времени. Если бы не фонетическій маскарадъ буквъ, то многіе рассказы въ ней (изъ народнаго быта) можно было бы читать не безъ удовольствія; но чистотѣ языка она, въ этихъ случаяхъ, стоитъ на недосыгаемой для другихъ украинскихъ органовъ высотѣ.

Левіафанъ украинской журналистики, мѣсячникъ „Літературно-Науковий Вістникъ“ насчитываетъ уже 16-й годъ жизни; съ 1898 года онъ издавался во Львовѣ, а въ 1907 году перенесенъ въ Кіевъ. Какъ органъ М. Грушевскаго, онъ отражалъ всѣ потуги сепаратизма и ирредентизма. Выйдя въ послѣднее время изъ-подъ ферулы львовскаго профессора, журналъ не нашелъ ему талантливаго замѣстителя. Этика органа упала, а нечистоплотность возросла. Такъ, въ мартѣ настоящаго года журналъ въ хроникѣ пустился на шантажъ: взявъ изъ стенограммы засѣданій Гос. Думы фразу объ „интересахъ русскаго народа, литовскаго и латышскаго племени“, журналъ выбросилъ изъ этой фразы запятую и тѣмъ превратилъ эту фразу въ бессмыслицу съ тою цѣлью, чтобы автора фразы (русскаго націоналиста) обозвать, какъ вамъ понравится,— „безнадежнымъ идіотомъ“.

Литературно-научный журналъ „Українська-Хата“ выходитъ съ 1909 года. Сборную Украину журналъ исповѣдуетъ, но политикой мало занимается, а увлекается литературнымъ модернизмомъ. Обслуживается онъ молодыми силами, а такъ

какъ молодежи свойственна искренность, то журналъ за свою правду, которая „колетъ очи“ фарисействующимъ лидерамъ украинства, состоитъ не въ чести у „Вістника“ и „Рады“.

Украинскій педагогическій (!) журналъ „Світло“ выходитъ съ 1910 года. Въ программу свою журналъ поставилъ пропаганду „просвѣщенія“ на украинскомъ языкѣ и всѣхъ практическихъ способовъ для проведенія этого нововведенія въ жизнь. Всѣмъ намъ извѣстно,—писала „Рада“—насколько нуженъ намъ этотъ журналъ: онъ *объединяетъ* проводниковъ народнаго просвѣщенія *учителей и указываетъ имъ путь* къ настоящему просвѣщенію нашего люда. Мы склонны считать журналъ „Світло“ наиболѣе вреднымъ изъ всѣхъ органовъ украинской партіи въ Россіи. Построенная на софизмахъ, критика южнорусской школы и программа ея украинизаціи лишены и вѣскости, и доказательности; но журналъ стремится попасть въ руки народнаго учителя, челоуѣка не всегда съ достаточно-глубокимъ критеріемъ. Отнимая у учителя вѣру въ святость выполняемаго долга, онъ толкаетъ его на путь подпольнаго служенія антигосударственной культурѣ. Одна изъ книжекъ журнала уничтожена по судебному вердикту за призывъ къ организаціи тайныхъ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ и по украинскимъ учебникамъ.

Дѣтскій журналъ „Молода Украина“, издаваемый съ 1908 г. при газетѣ „Рідний Край“, исходитъ изъ того же преступнаго положенія, что и журналъ „Світло“; цѣлью обоихъ изданій является желаніе отстранить юное малорусское поколѣніе отъ русской книги. Въ родителяхъ этого поколѣнія такая затѣя нашла себѣ вполне справедливую оцѣнку: тиражъ журнала весьма мизеренъ.

О „Запискахъ“ украинскаго научнаго общества въ Кіевѣ, см. §§ 54 и 57. равно какъ и о спеціальномъ еженедѣльникѣ „Наша кооперація“, существующемъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Съ декабря 1910 г. выходитъ въ Екатеринославѣ двухнедѣльная газета „Дніпрові Хвилі“. Изданіе это предназначено для народа, которому систематически втолковывается, что малороссы отдѣльный народъ, а Украина есть *край, поработенный* сперва поляками, а потомъ *московщиной*.

Въ текущемъ году народилось 3 новыхъ изданія: полтавскій народный медицинскій журналъ „Житте і Знанне“, издаваемый о-вомъ фельдшероу и акушероу и обѣщающій „возродить“ своихъ подписчиковъ; кіевскій иллюстрированный

журналъ „Сяйво“, который „кохается въ штукѣ“, т. е. обѣщаетъ нарядить древнегреческихъ музъ въ плахты и запаски, и, наконецъ, еженедѣльникъ „Маяк“. Малорусское слово „Маяк“ соотвѣтствуетъ не реальному сооруженію, красующемуся на обложкѣ журнала, а понятію—призракъ. Призрачны, дѣйствительно, задачи журнала, публикующаго „Украинскій катехизисъ“; призрачны и его обѣщанія „звертать увагу“, т. е. обращать вниманіе „на мову“. Для обогащенія „мовы“ журналъ занимается плагіатами, и напечатавъ *русскія* присловья фонетической орфографіей, именуется ихъ уже „украинскими прислівьями“; таковы, напр., присловья, помѣщенные въ №№ 18, 23 и 30: „Любовь зла—полюбишь и козла“, „Птицу красятъ перья—человѣка разумъ“, „Коротко да ясно, оттого и прекрасно“ и „Страшно любить цыганъ сало, да (та) бѣда, что дали мало“. Призрачны мечты журнала доказать такими способами существованіе украинскаго языка.

„У. Д.“
185.
§ 29. Двужычная пресса. Новый украинскій языкъ и фонетическое правописаніе проникли и въ нѣкоторыя русскія газеты Юга. Назовемъ органъ харьковскаго сельско-хоз. о-ва газету „Хлѣборобъ“, симферопольскую газету „Тавричанинъ“ и 4 газеты уѣздныхъ земствъ полтавской губ.: „Гадяцкую Газету“, „Золотоношскій Вѣстникъ“, „Лохвицкое Слово“ и „Хорольскій Вѣстникъ“. Попадались украинскія статьи также въ кievской газетѣ „Огни“, органѣ христіанскаго социализма.

См. § 59. О двужычной кооперативной газетѣ „Муравейникъ“ („Комашинѣ“) рѣчь будетъ ниже.

„У. Д.“
186—190.
§ 30. Русская и иноязычная пресса. Съ прошлаго года „сознательные украинцы“ основали въ Москвѣ собственную трибуну—русскій ежемѣсячникъ „Украинскую Жизнь“. Журналъ этотъ учитъ, будто терминъ „Украина“ принятъ самимъ населеніемъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ 99% южнорусскаго населенія даже не подозрѣваетъ о существованіи такого термина. Доказывается ли терминомъ „Поволжье“ существованіе „поволжской“ націи, журналъ этимъ не интересуется, но ему очень хочется увѣрить себя и другихъ въ существованіи „украинскаго“ народа. Въ текущемъ году журналъ охарактеризовалъ украинское движеніе, какъ „судорожныя усилія многомилліоннаго украинскаго народа жить и развиваться“, а попытки гетмановъ Выговскаго и Мазепы заставить малороссовъ измѣнить русскому дѣлу журналъ имѣлъ преступную наглость назвать „неудачными попытками украинскаго народа скинуть съ себя чужое (!) иго“. Страдая отъ рожденія своего рода „на-

ціональнымъ“ дальтонизмомъ и притомъ, повидимому, въ неизлѣчимой формѣ, журналъ обнаруживаетъ признаки другого заболѣванія—расовой слѣпоты. „Славянство, заявляетъ „Укр. Жизнь“ съ апломбомъ, никакихъ общихъ задачъ не имѣетъ“. Полагаемъ, что одной этой фразой очерчивается и фізіономія журнала, и его партійно-эгоистическая платформа.

Изъ русской прессы благосклонностью къ украинскому движенію отличаются „Русское Богатство“, „Историческій Вѣстникъ“, педагогическій журналъ „Школа и Жизнь“, „Вѣстникъ Европы“ и народническіе „Завѣты“; изъ столичной ежедневной прессы сюда примыкаютъ: „Рѣчь“, „Русская Молва“ и „Петерб. Новая Газета“, а также горячіе защитники украинства, какъ сепаратизма, польскій „Dziennik Petersburski“ и нѣмецкій „St. Petersburg. Herald“.

Западную Европу партія информируетъ уже 10 лѣтъ чрезъ свой вѣнскій органъ „Ukrainische Rundschau“; отсюда часто дѣлаетъ перепечатки берлинская пресса, именуемая „новоявленныхъ украинцевъ нѣмецкими друзьями“. Въ эпоху Полтавскихъ торжествъ 1909 г. „Rundschau“ информировало руссофобскимъ шипѣніемъ нѣсколько лондонскихъ газетъ и почти всю стокгольмскую прессу, которая вообще весьма благосклонна къ украинскому движенію. Въ нынѣшнемъ году наши кievскіе и львовскіе публицисты украинскаго толка помѣстили рядъ статей въ парижскомъ интернаціональномъ органѣ федералистовъ—„Annales des nationalités“.

§ 31. Непериодическая печать. По свѣдѣніямъ за послѣднее пятилѣтіе на книжный рынокъ южной Россіи поступаетъ „У. Д.“
190—196.
въ годъ 200—250 книгъ и брошюръ на украинскомъ языкѣ въ количествѣ 500—650 тыс. экз. (центръ издательства—Кіевъ); около 25% всего количества изданій приходится на лубочную литературу, въ большинствѣ придерживающуюся пока народнаго малорусскаго нарѣчія и общерусскаго правописанія.

По словамъ спеціалиста по украинскимъ литературнымъ дѣламъ, письменника г. Ефремова, писаннымъ три года назадъ, нигдѣ число писателей не стоитъ въ такой диспропорціональности съ числомъ людей вообще сознательныхъ, какъ въ средѣ украинцевъ; выраженіе „нація литераторовъ“ не покажется гиперболичнымъ, если мы учтемъ процентъ писателей по отношенію ко всѣмъ сознательнымъ украинцамъ; въ украинскіе дѣятели можно очень легко попасть, достаточно написать два—три слабенькихъ стихотворенія, одну—двѣ повѣсти или нѣсколько замѣтокъ о вопросахъ, не стоящихъ выѣден-

наго яйца; если же человекъ создавалъ цѣлый десятокъ стихотвореній, то сразу становился нашимъ „извѣстнымъ“ и „многообъщающимъ“..... и писатели росли и растутъ у насъ, какъ грибы въ дождливую пору. Неудивительно, поэтому, скажемъ мы, что украинская изящная литература качественно очень слаба, ибо создается она не литераторами по призванію, а всѣми „сознательными“ украинцами—поголовно. Многие изъ нихъ мало знакомы съ народною рѣчью, большинство прибѣгаетъ къ собственнымъ неологизмамъ и пишетъ безъ соблюденія правилъ грамматики. Эпидемія виршенлетства усиливается съ каждымъ годомъ: Увлечение „краснымъ письменствомъ“, унаслѣдованное „украинцами“ отъ эпохи ограниченій 1876 г., бросаетъ ихъ на бездарное компиляторство (драмат. произведеній) и на полуграмотные переводы; къ старымъ (львовскимъ) переводамъ съ русскаго языка (Костомарова, Мордовцева и друг.) прибавились недавно переводы гоголевскихъ „Ревизора“, „Женитьбы“ и „Тараса Бульбы“ (два варианта); сверхъ того, растетъ съ каждымъ годомъ число украинскихъ переводовъ съ западноевропейскихъ и польскаго языковъ, а также съ еврейскаго жаргона. Параллельно съ этимъ, производство популярно-научныхъ брошюръ приходитъ въ упадокъ. Объясняется это обстоятельство, быть можетъ, тѣмъ, что, по признанію „Рады“, главнымъ покупателемъ украинскихъ книгъ является интеллигенція. Въ народѣ хорошій сбытъ имѣютъ лишь многочисленныя перепечатки „Кобзаря“ Шевченка, но вѣдь „Кобзарь“ написанъ задолго до изобрѣтенія „украинскаго языка“.

Перепечатки классиковъ (Шевченка, Глѣбова, Квитки, Гребенки и т. д.) можно было бы назвать дѣломъ безвреднымъ, если бы онѣ не сопровождалась искаженіемъ правописанія подлинниковъ, что является варварствомъ по отношенію и къ авторамъ, и къ публикѣ. Отмѣчаемъ съ удовольствіемъ вышедшее нынѣшнимъ лѣтомъ въ Кіевѣ 3-е изданіе „Малороссійскихъ повѣстей“ Квитки съ сохраненіемъ (общерусскаго) правописанія подлинника.

Популярныя украинскія брошюры, за исключеніемъ немногихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ, всѣ проникнуты тенденціями племеннаго сепаратизма и всѣ исковерканы тенденціозной фонетической орфографіей.

§ 32. „Кобзарь“ Шевченка и сочиненія Кулиша. Перепечатка стихотвореній Т. Шевченка играетъ нынѣ важную (количественную и, еще болѣе, качественную) роль въ книжной

продукціи украинской партіи въ Россіи. Шевченка народъ любить и цѣнить только, какъ лирика, но это обстоятельство мало интересуется украинскую партію; она умышленно и настойчиво вводитъ во всѣ изданія его произведеній стихи „нецензурные“ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Шевченко нуженъ украинской партіи, какъ картонный политическій паяцъ (плясавшій иногда подъ антирусскую дудку своихъ польскихъ друзей); съ сочиненіями Шевченка, поэтому, соответственнно и распоряжаются. Приступая къ первому полному изданію „Кобзаря“ въ Россіи (1907 г.), украинская партія поручила редакцію изданія видному партійному дѣятелю В. Доманицкому; послѣдній, по крылатой обмолвкѣ „Рады“ (1912. 254), вторично *открылъ* Шевченка. Изъ ученой критики Романчука по поводу редактуры Доманицкаго (львовскія „Записки“ 1912 г.) мы узнаемъ, что инныя „открытія“ Доманицкаго имѣли характеръ тенденціозныхъ изобрѣтеній. Мы уже знаемъ, что первыми Колумбами живого Тараса были Гребенка и Кулишъ; см. § 9. Оказывается, что „Кулишъ и при посмертномъ изданіи поэзій Шевченка дѣлалъ на свой ладъ произвольныя поправки“. Своеобразна и „редакторская“ работа Доманицкаго: укоризну поэта по адресу козаковъ, изъ-за чего они бились съ поляками, татарами и москалями, Доманицкій передѣлываетъ, выбрасывая москалей и замѣняя ихъ (вторично!) татарами, ибо онъ не считаетъ борьбу съ москалями заслуживающей упрека; въ другомъ мѣстѣ Доманицкій придаетъ буколической картинѣ о крестьянахъ, которые „Жито себѣ сѣютъ“ характеръ социал-демократическаго воля—„Панамъ жито сѣютъ“; встрѣтивъ въ текстѣ русское слово „лучше“, руссофобъ Доманицкій замѣняетъ его украинскимъ „краще“ и т. п.

Недаромъ журналъ „Українська Хата“ возмущается, что сознательные украинцы часто Шевченка *препарируютъ* по своему вкусу, приспособляютъ его къ своимъ интересамъ; изъ его произведеній дѣлаютъ вывѣски для своихъ лавчонокъ, создаютъ „культъ“ его. Здѣсь—и извращеніе мыслей поэта, и *переименованіе* духа его творчества, даже—*текста* его „Кобзаря“. *Придумываютъ* такую *отсебятину*, отъ которой душу воротить, и развѣшиваютъ вездѣ грязное тряпье со своими умозаключеніями, а потомъ собираютъ несвѣдующій „народъ“ на поклоненіе *яко бы* Шевченку.

Интересно совершенно противоположное, но не менѣе тенденціозное отношеніе украинской партіи къ произведеніямъ батька украинофильства, П. Кулиша. Партія и ея „книгарни“

(въ своихъ каталогахъ) бойкотируютъ новое *полное* собраніе сочиненій Кулиша, выходящее въ Кіевѣ подъ редакціей украинофила же Каманина, и бойкотируютъ... ради полноты. По мнѣнію партіи, не всѣ произведенія Кулиша, въ виду его ошибокъ и заблужденій заслуживали, опубликованія. Заблужденія и ошибки „Горячаго Кулиша“ (литературный псевдонимъ писателя) заключались въ томъ, что онъ, уйдя изъ-подъ польскаго вліянія, вѣровалъ и исповѣдывалъ „одну влстительную Русь съ Москвой и Кіевомъ во взаимныхъ объятіяхъ“. Отмѣтимъ кстати, что въ рубрикѣ драматическихъ произведеній каталоги „книгарень“ не упоминаютъ о Кулишѣ вовсе, хотя его „Драматическая Трилогія“ могла бы съ честью занять мѣсто на малорусской сценѣ, а художественная святочная интермедія „Иродова Морока“ („Хлопоты Ирода“) имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться любимой пьесой для простонароднаго театра.

У. Д. 202—218.
См. § 17 и 20.
§ 33. Украинскіе учебники для малороссовъ. Мы упоминали выше, что въ Галиціи украинскій языкъ введенъ правительствомъ въ качествѣ школьнаго, что и создало тамъ появленіе ряда руководствъ какъ самого языка, такъ и по различнымъ наукамъ на этомъ языкѣ. Попытки изданія такихъ руководствъ имѣли мѣсто и въ предѣлахъ Россіи.

О популяризаціи г. Грушевскимъ въ Россіи своихъ трудовъ по исторіи Украины мы уже говорили; компиляторами его работъ явились здѣсь Б. Гринченко и А. Ефименко; оба автора ничего новаго въ свой трудъ не внесли. Въ 1907 году вышла въ свѣтъ въ Россіи на украинскомъ языкѣ „Исторія Украины“, составленная покойнымъ украинофиломъ Аркасомъ; подлиннаго „Аркаса“ никто, однако, не читалъ: его, какъ и Тараса Шевченка, обработалъ все тотъ же Доманицкій. Вышедшее въ прошломъ году 2-е изданіе подверглось новой переработкѣ Доманицкаго, который хотѣлъ его *сдѣлать мощнымъ фундаментомъ украинской національно-политической сознательности* въ средѣ широкихъ народныхъ слоевъ. По смерти редактора корректурный экземпляръ изданія былъ утерянъ, и его работу закончили единомышленники галичане: сознательности отведено почетное мѣсто, но даже дружественная критика („Світла“) отмѣчаетъ въ книги „невѣрныя, неправдивыя и неточныя иллюстраціи и карты, фантастическіе портреты и не точности въ текстѣ; чистота языка нарушена тяжелыми оборотами въ дополненіяхъ, сдѣланныхъ галицкими редакторами“.

Ближайшая дисциплина, тѣсно связанная съ исторической гипотезой М. Грушевскаго, это, такъ называемая, исторія украинской литературы. Писатели украинской партіи затыгиваютъ подъ украинскій флагъ всѣ древнерусскіе памятники: былины Владимірова цикла, Слово о полку Игоревѣ, Изборникъ Святославовъ, лѣтопись „Нестора“ и т. д. Первая исторія украинской литературы принадлежитъ перу Е. Огоновскаго, предшественника М. Грушевскаго по предсѣдательскому креслу во львовскомъ научномъ обществѣ. Она появилась въ 80-хъ годахъ, построена была на партійно-тенденціозномъ фундаментѣ и отличалась грубыми отклоненіями отъ исторической правды, что указано было своевременно А. Н. Пыпинымъ въ „Вѣстникѣ Европы“; покойный Драгомановъ также „брался доказать невѣжество и шарлатанство“ автора труда. По тому же шаблону составлялись позднѣе исторіи украинской литературы Барвинскаго, А. Грушевскаго, Лепкаго и Франка. Въ 1911 году вышла изъ печати въ Петербургѣ построенная на тѣхъ же панукраинскихъ принципахъ „Исторія украинскаго письменства“ С. Ефремова, которая обнимаетъ и всѣ древнерусскіе памятники дотатарской эпохи, а для обрисовки новаго времени пользуется лишь партійнымъ шаблономъ и о многихъ произведеніяхъ тенденціозно умалчиваетъ. Научное значеніе, точнѣе сказать—ничтожность всѣхъ этихъ трудовъ, покоится на тѣхъ же ложныхъ послышкахъ, на какихъ построена историческая гипотеза М. Грушевскаго. Попытки „украинскихъ“ авторовъ экспроприровать всю древнерусскую литературу и налѣпить на ея памятникахъ украинскіе ярлычки, нашли себѣ еще въ 1894 году оцѣнку въ отзывѣ М. Драгоманова. „Иногда причисляютъ къ украинской литературѣ, пишетъ онъ, старыя *памятники дотатарской эпохи; но эти памятники писаны были языкомъ старо-болгарскимъ, а не украинскимъ; къ тому же они очень подкрѣпляютъ „общерусскія“ теоріи*, ибо переписывались не меньше въ Новгородѣ и Суздальскомъ княжествѣ, чѣмъ въ кіевскомъ, а нѣкоторые только на Сѣверѣ и сохранились. *Это вопросъ, съ которымъ нужно быть весьма осторожнымъ*“. Осторожности этой не обнаружилъ также М. Грушевскій, издавшій въ 1912 году книгу „Культурно-національний рух на Україні въ XVI—XVII вѣкѣ“. Всѣ писатели XVI вѣка, оклеветанные авторомъ,—какъ доказано украинской же критикой, „не противопоставляли языкъ своихъ работъ языку російскому“.

Написанная львовскимъ проф. Рудницкимъ „Географія Украины“ была въ Кіевѣ подвергнута исправленіямъ, по словамъ М. Грушевскаго, въ интересахъ „чистоты украинскаго языка“; отсюда видно, что однообразныхъ нормъ этого языка нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Галиціи. Украину авторъ протягиваетъ отъ р. Тиссы до Каспія и въ Закавказье почти до соприкосновенія съ персидскими фидаями; къ украинскимъ горамъ причислены Кавказскій хребетъ и Крымская яйла; иллюстрирована географія видами военно-грузинской дороги и курортовъ крымской ривьеры. Издана книга въ 1910 году. Что касается до перевода словъ со львовскаго украинскаго языка на кіевскій украинскій языкъ, то мы не сомнѣваемся въ практической цѣлесообразности такой процедуры, но какое право имѣетъ г. Грушевскій называть этотъ самообманъ, это „толченіе воды въ ступѣ“—заботами о чистотѣ языка, очевидно—гипотетическаго украинскаго?

Больное мѣсто учебной литературы—труды, посвященные самостоятельному украинскому литературному языку. Буквари и грамматики украинскаго языка, какъ указываетъ сама украинская пресса, не однообразны ни по правописанію, ни по языку. Грамматика питомца Кіевскаго университета Е. Тимченка вѣрна традиціямъ закордоннаго „Научнаго Общества имени Шевченка“: избѣгая русской терминологіи, она бросается въ объятія польской грамматической терминологіи. Таковы термины „речівник“—имя существительное (польск. rzeczownik), „стосування“—склоненіе (stosowanie), „часівник“—глаголь (czasownik), „часування“—спряженіе (czasowanie). Мы полагаемъ, что книга Тимченка вполне заслуживаетъ похвальнаго отзыва отъ Варшавскаго научнаго Общества, къ которому ученый недавно приблизился, получивъ профессуру въ Варшавѣ. Заголовокъ составленной московскимъ проф. А. Крымскимъ „Украинской грамматики для учениковъ высш. классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья“ занимателенъ, какъ оптимистической надеждой на „аттестаты украинской зрѣлости“, такъ и пессимистическимъ отрицаніемъ бытія единого украинскаго языка хотя бы для нуждъ юга Россіи.

По мнѣнію патентованнаго украинца г. Огіенка, терминологія украинскихъ учебныхъ (и научныхъ) книгъ находится въ хаотическомъ состояніи (подобно орфографіи). У насъ, говоритъ онъ, что ни писатель, то свое собственное правописание, что ни ученый, то своя собственная терминологія. Приведа многочисленныя примѣры неудачныхъ грамматическихъ

терминовъ, г. Огіенко укоряетъ украинскихъ филологовъ и за то, что они въ своихъ грамматикахъ ухитряются искажать, ко вреду для дѣла, одинъ и тотъ же терминъ при помощи перестановки ударенія. Для обозначенія, напр., единственнаго и множественнаго чисель употребляются термины: „однина“ и „множина“ (въ грамматикѣ Крымскаго), „одніна“ и „множина“ (у Коцовскаго), и наконецъ „однина“ и „множина“ (у Смаль-Стоцкаго).

Сводя итоги сказанному, мы видимъ, что украинская партія въ Россіи, трудясь надъ сооруженіемъ зданія украинской литературы, проявляетъ рядъ политическихъ нечистыхъ приемовъ: популяризируетъ львовскую поддѣлку подъ исторію Южной Руси, подгоняетъ подъ партійную мѣрку исторію литературы и создаетъ фантастическую географію. Украинцы фальсифицируютъ своего „Кобзаря“, прячутъ подъ спудъ сочиненія П. Кулиша, передѣлываютъ своего историка Аркаса (украинофила). Они хотятъ изъ лягушки раздуться въ быка и предлагаютъ создать для малороссовъ національную школу, но всѣ попытки ихъ дать учебныя руководства для этой школы не могутъ подняться до сколько-нибудь удовлетворительнаго уровня и, прежде всего, потому, что болѣе добросовѣстные авторы замыкаются въ очень узкихъ рамкахъ (какъ проф. Крымскій въ говорахъ Приднѣпровья), а остальные, не зная мѣстныхъ говоровъ или не желая изучать ихъ научно, базируются на закордонныхъ учебникахъ, приспособленныхъ къ галицкому нарѣчію, дѣлающему, по отзыву „Світла“, эти учебники непригодными для нашего малорусскаго населенія.

Глава VIII.

Украинскій языкъ въ Россіи.

§ 34. Встрѣча съ русской культурой. Переносъ львовско-украинскаго книжнаго языка въ южную Россію начался съ 1905—6 г.г.; прививка его нашимъ читателямъ—малороссамъ идетъ пока очень туго и слабо. Являясь въ Россіи не предметомъ первой необходимости, а продуктомъ узкаго партійнаго фанатизма, украинскій языкъ, подобно сырости и плѣсени, можетъ забираться лишь въ щели и прорѣхи русской культурной постройки; какъ нѣкоторыя бактерии, онъ не вы-

„У. Д.“
220—225.

носить яркаго свѣта и хорошаго провѣтриванія, а пробирается въ темные и незащитно-невѣжественные углы. Практическій смыслъ многомилліоннаго малорусскаго сельскаго люда влечетъ его по нитямъ племеннаго родства въ нормальное общерусское русло. „Сближеніе малорусскаго нарѣчія съ говоромъ великорусскимъ“, писалъ въ 1859 году украинофилъ Лавровскій, „вполнѣ уже очевидно въ городахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ и въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближенію *охоту въ самихъ простолюдинахъ*“. Въ концѣ прошлаго вѣка проф. Н. П. Дашкевичъ, знатокъ малорусскаго языка, притомъ постоянно враждавшійся среди малорусскаго люда, категорически утверждалъ, что (малорусскій) „народъ, становясь грамотнымъ, чувствуетъ инстинктивное *влеченіе къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка* и нерѣдко интересуется болѣе произведеніями на послѣднемъ, чѣмъ малорусскими книжками“. Съ каждымъ десятилѣтіемъ, по мѣрѣ культурнаго роста Россіи, этотъ интересъ къ русскому чтенію увеличивается. Мы ограничимся здѣсь лишь парой иллюстрацій. Въ прошломъ году харьковская газета „Сніп“ опубликовала письмо своего подписчика, который „извѣрился въ необходимости развивать украинскую культуру, ибо... украинскій народъ не хочетъ читать своей литературы, украинская молодежь поднимаетъ на смѣхъ свой языкъ и національность... а украинскаго газетнаго языка народъ не понимаетъ“. Одинъ земскій агрономъ изъ Новороссіи писалъ въ томъ же 1912 году, что тамъ населеніе говоритъ почти по-русски; украинскія книги здѣсь уже непонятны. Онъ самъ раздавалъ „Розмови про сельске хазяйство“, и большинство крестьянъ возвращало ихъ обратно, высказывая сожалѣніе, что *ничего не понимаютъ*. Обыкновенно просятъ дать книгъ русскихъ“. Подтверженіемъ этого обстоятельства является также сдѣланное нынѣшнимъ лѣтомъ въ Государственной Думѣ заявленіе ея предсѣдателя М. В. Родзянко о протестахъ крестьянъ Екатеринославщины въ 1905 году противъ навязываемой имъ популярной литературы на украинскомъ языкѣ.

Общезвѣстны культурные моменты, вліяющіе на приближеніе малорусскихъ говоровъ въ Россіи къ говорамъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ (и наоборотъ) и на усвоеніе

всѣми вѣтвями русскаго народа средняго (общерусскаго) говора; таковы—школьное и внѣшкольное просвѣщеніе, самообразование, казармы, фабрики (даже тюрьмы), а также отхожіе промыслы и вообще путешествія. Къ этимъ факторамъ нужно присоединить неизбежное взаимное перебалтываніе „кацаповъ“ съ „хохлами“ и многочисленные смѣшанные браки съ „общерусскимъ“ потомствомъ въ результатѣ и съ гибридными формами рѣчи въ домашнемъ обиходѣ. Весьма сильно вліяла и вліяетъ на мѣстные народные говоры крайне извилистая и длинная линія, проходящая чрезъ губерніи: гродненскую, черниговскую, курскую, воронежскую и область Войска Донскаго и служащая этнографической границей малорусскаго племени на сѣверѣ.

§ 35. Врожденные пороки украинскаго языка. Предлагая ^{„У. Д.“} въ 1906 г. на широкихъ просторахъ Южной Руси и простымъ ^{226—228.} грамотѣямъ, и „сознательной“ интеллигенціи свою львовскую книжную стряпню, г. Грушевскій горячо превозноситъ языкъ этихъ издѣлій и заявляетъ, съ чисто рекламнымъ пошибомъ, будто „украинскій языкъ—есть *культурный органъ* одной изъ *значительнѣйшихъ* народностей Европы. Однако, уже въ слѣдующемъ году ему пришлось печатно признагся, что со стороны читателей (какъ украинофиловъ, такъ и „сознательныхъ“ украинцевъ) сыплются многочисленные протесты по поводу неудобоваримости украинскаго языка. Языкъ этотъ протестанты часто называютъ „галицкимъ“, „кованнымъ“, „твердымъ“, непонятнымъ ни народу, ни интеллигенціи; читатели негодуютъ, какъ можно называть „роднымъ“ тотъ языкъ, которому нужно учиться. Эти жалобы читателей не прекращаются доселѣ. Въ прошломъ году вышла въ свѣтъ даже специальная брошюра маститаго украинофила-беллетриста И. Нечуя-Левицкаго, посвященная острой критикѣ современнаго украинскаго языка и содержащая немало справедливыхъ упрековъ по адресу львовскаго науковаго товариства и его предсѣдателя М. Грушевскаго, пропагандирующихъ этотъ „украинскій“ языкъ у насъ въ Малороссіи для употребленія въ литературныхъ и научныхъ трудахъ. Галицкій книжный языкъ, ввозимый къ намъ въ послѣдніе годы подъ маркой украинскаго, г. Левицкій называетъ тяжелымъ и нечистымъ, сложеннымъ по латинскому или польскому синтаксису. Это—галицкая смѣсь, въ основаніе которой положенъ старый галицкій говоръ, переходной къ польскому языку, со множествомъ польскихъ словъ. Для этой „галицкой смѣси“ передѣлываютъ или прямо заимствуютъ поль-

См. §§ 1
и 2.

„У. Д.“
226—228.
267—270.

скія слова. Языкъ украинской прессы г. Нечуй-Левицкій называетъ *полонизованнымъ*; въ немъ много словъ съ малорусскими корнями, но со странными приставками, будго сдѣланными наугадъ или позаимствованными изъ польскаго языка. Проф. М. Грушевскій за основаніе своего литературнаго языка взялъ галицкій діалектъ со всѣми его старинными формами, даже съ нѣкоторыми польскими падежами; къ этому онъ прибавилъ много польскихъ словъ. Переходя къ современной украинской прессѣ въ Россіи, г. Л. останавливается на отдѣльныхъ періодическихъ изданіяхъ. Языкъ „Литературно-Науковаго Вистника“ онъ называетъ головоломнымъ, напоминающимъ какую-то чертовщину съ ботвиньей. Журналъ „Свитло“ предназначенъ для сельскихъ народныхъ учителей, а между тѣмъ они, читая его, могутъ наградить себя оттуда „всяческой лингвистической дрянью“. Наконецъ, языкъ газеты „Рады“ для малорусской публики вовсе неприемлемъ, такъ какъ онъ—смѣшонъ, чуденъ и непонятенъ.

Достается отъ маститаго украинофила и отдѣльнымъ гореписьменникамъ. Такъ, языкъ дѣтской „украинской“ писательницы Русовой, устроивавшей въ нашемъ украинскомъ клубѣ „дѣтскія утра“, г. Л. называетъ нечистымъ, больше галицкимъ, чѣмъ малорусскимъ, явно тенденціознымъ. Любопытенъ также отзывъ прямолинейнаго старца объ украинскомъ рассказѣ С. Черкасенка для дѣтей. Все это, говоритъ онъ, написано непедагогично и съ предвзятой тенденціей *приучать дѣтей и юношество на Украинѣ... къ польскимъ словамъ*.

По компетентному мнѣнію г. Левицкаго, о книжномъ украинскомъ языкѣ можно выразиться народнымъ присловьемъ: „что огородъ, то—народъ“,—что редакция, то и особый языкъ. Съ такой аммуниціей въ періодическихъ изданіяхъ и книгахъ украинская литература далеко впередъ не убѣжитъ, ибо весь этотъ галицкій и *польскій* грузъ обломить ея телѣгу. На взглядъ г. Левицкаго, этотъ грузъ—просто мусоръ, засоряющій малорусскій языкъ. Поклонниковъ галицко-украинскаго языка г. Левицкій клеймитъ именемъ „нетямущихъ“ и близорукихъ партійныхъ господъ Лемешекъ и Лемешковскихъ, созданныхъ изъ той мягкой лемешки, изъ которой прежняя Польша налѣпила себѣ когда-то добрую половину своей шляхты. Украинскимъ редакціямъ въ Россіи, наивно полагающимъ, что онѣ выработали единый украинскій языкъ для всей Соборной Украины, отъ рѣки Сана въ Галиціи до Дона и Кубани, г. Л. даетъ дружескій, но обливающий ушатомъ холодной воды со-

вѣтъ: непременно и неукоснительно переводить на малорусскій языкъ галицкія корреспонденціи. Это ударъ не въ бровь, а въ глазъ сумасбродному „украинскому“ ирредентизму.

§ 36. Причины искусственности украинскаго языка. „У. Д.“ 225—226. 239—240.
Украинофилы могутъ негодовать по поводу дефектовъ въ украинскомъ языкѣ, но съ этими дефектами онъ неразлученъ. Дѣло въ томъ, что для созданія литературнаго малорусскаго языка *нехватаетъ* необходимой предпосылки—наличности *малорусской культуры*. Только рука объ руку съ культурой можетъ данное нарѣчіе развиваться, обогащаться и превращаться въ языкъ. Въ Восточной Галиціи, странѣ старой польской культуры, вся малорусская интеллигенція прекрасно владѣетъ польскимъ языкомъ, который ей *нуженъ* на каждомъ шагу; тоже можно сказать въ пользу русскаго языка относительно малорусскаго интеллигента въ Россіи. Слѣдовательно, всякій книжный малорусскій (украинскій, если хотите) языкъ будетъ, въ зависимости отъ культурнаго словеснаго багажа автора, неизбѣжнымъ коверканіемъ либо польскаго, либо русскаго языка. Выражаясь вульгарно, такое „кованіе“ новыхъ словъ при помощи малорусской фонетики и морфологіи является бездарнѣйшимъ лингвистическимъ плагиатомъ, весьма близкимъ къ семинарской шуточнѣй латыни. Такъ, еще въ 1862 г. Кулишъ писалъ объ украинофилахъ, „что *народъ не узнаетъ въ ихъ писаніяхъ своей родной рѣчи*, а сословіе образованное видитъ въ ихъ языкѣ *извращеніе общаго письменнаго языка*“. Теперь, черезъ полстолѣтія, положеніе дѣла если и измѣнилось, то лишь къ худшему, ибо въ украинскій языкъ заложена въ неумѣренномъ количествѣ чужая польская закваска.

§ 37. Благопріобрѣтенные пороки украинскаго языка. „У. Д.“ 229—246.
Въ маленькой Галиціи украинскій языкъ марки Грушевскій и К^о, казалось, кристаллизовался въ полупольскій жаргонъ. Перешагнувъ въ 1906 г. къ намъ, онъ сталъ дробиться на варианты въ зависимости отъ русскихъ жаргонныхъ примѣсей, и этому дробленію не усматривается въ близкомъ будущемъ никакихъ препятствій.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ воспроизводить здѣсь многочисленные образцы кованныхъ словечекъ, новоизобрѣтаемой терминологіи и неудачныхъ оборотовъ и фразъ; интересующіеся могутъ найти этого добра достаточно въ нашемъ прошлогоднемъ трудѣ. Для любителей курьезовъ добавимъ пару перловъ изъ украинской прессы текущаго года.

Въ „Лит.-Наук. Вістникъ“ герой романа говоритъ героинѣ: „я выволочу себе зъ вашего шляху“, это означаетъ „я сойду съ вашей дороги“; въ „Радѣ“ выраженіе „мѣстности *не столь* отдаленныя“ переведено чрезъ „*не-съ-такъ* виддалены мисцевости“. Дальше этого идти въ безмысленномъ коверканіи русскаго языка, кажется, трудно; даже украинскій терминъ „сцаки“ (млекопитающіе) кажется послѣ этого менѣе несуразнымъ.

У современныхъ украинскихъ поэтовъ коверканіе русскихъ словъ соединяется съ такимъ незнаніемъ народной лексики, что иногда цѣлое украинское стихотвореніе не содержитъ ни одного малорусскаго слова.

Въ настоящее время украинская литература въ Россіи является въ лингвистическомъ отношеніи понятіемъ расплывчатымъ и неопредѣленнымъ. Каждый писатель пользуется автономіей въ выработкѣ языка и поступаетъ по собственному вкусу и разумѣнію. Газета „Рада“, положимъ, обѣщаетъ, что „настануть у насъ (въ Южной Россіи и Галиціи) такія времена, когда всякія распри о языкѣ прекратятся, когда будетъ одинъ литературный языкъ для всей Соборной Украины, но это уже будетъ языкъ не галицкихъ письменниковъ и не—письменниковъ руссійской Украины; пока каждый дѣлаетъ то, что ему кажется лучшимъ“. Трудно рѣшить, что перевѣшиваетъ въ этой фразѣ: скрытая ли угроза, или явная наивность. Если каждый будетъ развивать языкъ по своему вкусу, то всѣ будутъ расходиться, „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, и для будущей Соборной Украины наступитъ, еще до рожденія ея, лингвистическій удѣльный періодъ и непрерывная филологическая междуусобная брань.

Глава IX.

Фонетическое правописаніе.

§ 38. Галицкая фонетика на родинѣ. Чтобы, елико возможно, уменьшить бросающуюся въ глаза близость и даже тождество малорусскихъ словъ и цѣлыхъ выраженій съ великорусскими, партійная литература зашифровалась фонетическимъ правописаніемъ, которое съ 1895 г. стало, съ австро-польскаго благословенія, и правописаніемъ школьнымъ. Практика показала скандальный развалъ этой ненаучной авантюры.

Львовскій (украинскій) журналъ „Наша Школа“ опубликовалъ очень безотрадную для народной грамотности картину. „Въ одной лишь Галичинѣ“, говоритъ журналъ, „не считая руссійской Украины, употребляется теперь цѣлыхъ *четыре*, болѣе или менѣе различныхъ въ своей основѣ, *варианта украинской орфографіи*, которые, смѣшиваясь и переплетаясь между собой, даютъ цѣлую скалу дальнѣйшихъ орфографическихъ нюансовъ, вводя въ литературу и прессу всеобщую путаницу, а у нашей публики получается въ результатѣ *незнаніе* нашего правописанія“. М. Грушевскій еще въ 1907 г. констатировалъ тѣ же факты, но ограничился обращеніемъ къ публикѣ съ толстовской заповѣдью о непротивленіи злу Мы имѣемъ, развязно заявилъ онъ, нѣсколько вариантовъ правописанія; каждый изъ нихъ имѣетъ свои хорошія и дурныя качества. Пусть же всякій изъ насъ *придерживается* такой орфографіи, какая ему болѣе нравится; всѣ онѣ могутъ преспокойно существовать рядомъ нѣкоторое время, пока не сгладятся постепенно всѣ эти, въ сущности, незначительныя различія. Гг. Грушевскіе не хотятъ сознаться, что устранить путаницу можно лишь тогда, когда письменное слово будетъ раскрѣпощено отъ фонетическаго политиканства.

Въ популярную литературу фонетика въ Галиціи имѣетъ слабый доступъ. По свѣдѣніямъ, напр., за 1909 годъ, двѣ трети зарубежной народной литературы печатались съ соблюденіемъ обычнаго (этимологическаго) правописанія.

§ 39. Сущность фонетическаго правописанія. Общія правила украинскаго правописанія иллюстрируются рядомъ примѣровъ произношенія (на подражаніи которому зиждется фонетика) и помѣщаются въ заголовкѣ нѣкоторыхъ газетъ и передъ текстомъ брошюръ. Вотъ копія одного изъ такихъ шаблоновъ:

Читаючи треба вимовляти *и* як *ы* *риба*=рыба, *і* як *и* *сіни*=сины, *ї*=йі, *їв*=йив, *є*=йе *моє*=моёе, *е*=э *тебе*=тебе.

Кромѣ остракизма русскаго твердаго знака (замѣняемаго въ срединѣ слова апострофомъ) и русской буквы ять, львовская фонетика шалитъ, какъ видимъ, неостроумно и не безвредно, мѣняя нѣкоторыя русскія буквы ролями. Такъ, русское „э“ оборотное украинцы употребляютъ лишь въ опрокинутомъ видѣ на манеръ греческаго ε и, притомъ, для обозначенія мягкаго іотированнаго „е“ (какъ въ словахъ Ева, двое); русскую же букву „е“ они употребляютъ для обозначенія звука „э“. Изгнавъ букву „ы“, украинская фонетика замѣнила её чрезъ

„и“; для обозначенія звука „и“ употребляетъ только „і“. Не довольствуясь этимъ, реформаторы ввели сугубое „і“—съ двумя точками для обозначенія іотированнаго „і“ (подобно звуку й въ началѣ нѣмецкаго слова Jüngling). Русскій звукъ „ё“ украинцы пишутъ черезъ „ьо“ (мьод, льод). Звукъ „г“ звучитъ обычно у малороссовъ, какъ въ церковно-слав. словѣ „Господи“ (близко къ нѣмецкому h); въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда „г“ звучитъ, какъ въ русскомъ произношеніи (идентично съ нѣмецкимъ g), украинская фонетика требуетъ придѣлывать къ верхней перекладинѣ печатнаго очертанія буквы „г“ вертикальный зубъ, какъ у носорога, или же изображаетъ этотъ звукъ комбинаціею „кг“.

§ 40. Пересадна фонетики въ Россію. Украинскія газеты, выходящія въ Россіи, не приняли цѣликомъ орфографіи, выработанной львовскимъ „Науковымъ“ обществомъ, и стали примѣнять свою доморощенную „фонетику“. Еще оригинальнѣе поступилъ предсѣдатель львовскаго общества проф. Грушевскій: настоявъ на введеніи львовскаго правописанія въ „Запискахъ“ кіевскаго „Науков. Товариства“ и продолжая сохранять его въ своемъ „Литерат. Науков. Вістникѣ“, по переносѣ послѣдняго изъ Львова въ Кіевъ, г. Грушевскій въ теченіе двухъ лѣтъ издавалъ въ Кіевѣ газету „Село“, примѣняя „умышленно орфографію *промежуточную* между тою, какая употребляется украинскими газетами въ Россіи, и тою, какой пишутъ въ Галичинѣ въ школахъ и во всякихъ изданіяхъ“. Поработавъ такъ своимъ „Селомъ“ надъ крестьянами два года, профессоръ взялъ да и отпечаталъ календарь „Села“ галицкимъ правописаніемъ. Сдѣлалъ онъ это „нарочно, чтобы читатели (крестьяне) не привязывались слѣпо къ какой-либо одной орфографіи, а разбирались во всякихъ“. „Крестьяне не дѣти, цинично заявляетъ г. Грушевскій, чтобы забавляться какими то точками надъ „і“; совершенно бесполезно препираться о томъ, писать ли „здається“ или „здаеть ся“, „з'явивсь“ или „з'явивсь“, „пять“, „пять“ или „п'ять“, „ніс“ или „ніс“; дѣло народнаго просвѣщенія, благосостоянія и развитія—дѣло слишкомъ крупное и важное, чтобы его тормозить *балагурствомъ о словахъ и буквахъ*“. Послѣ такой безстыдной деклараци австрійскаго профессора, сдѣланной на русской территоріи и содержащей проповѣдь педагогическаго сумбура и просвѣтительной анархіи, можно было ожидать, что авторы „Записки Академіи Наукъ“, поспѣшившіе въ 1905 г. похвалить фонетику авансомъ, выскажутъ порицаніе г. Грушевскому,

какъ сѣятелю народной безграмотности, разъяснить, *какой именно фонетикѣ* должно малорусское правописаніе подчиниться (разъ Записка признала такое подчиненіе „неизбѣжнымъ“), и предостерегутъ южныя земства и аналогичныя имъ организаци отъ допуса въ народныя читальни и бібліотеки безграмотной украинской прессы. Къ сожалѣнію, упомянутые академики находятъ болѣе удобнымъ теперь молчать, а интересы народнаго просвѣщенія остаются беззащитными подъ антикультурными ударами экспериментирующихъ просвѣтителей-недоучекъ, онаглѣвшихъ подъ защитой авторитетной „Записки“.

На нашемъ Югѣ, гдѣ украинская книжка находится въ обращеніи рядомъ съ книгами русской и церковно-славянской, фонетическое правописаніе не только можетъ усваиваться съ большими трудностями и недоразумѣніями, но и породить сбивчивыя и туманныя представленія объ общей грамотности. Множество словъ русскихъ, при полной тождественности ихъ съ малорусскими, будутъ казаться новыми, неизвѣстными и чужими. Послѣдніе годы настолько разочаровали украинскую партію въ цѣлесобразности фонетики, что, напр., журналъ „Укр. Жизнь“ въ числѣ причинъ, препятствующихъ распространенію въ народѣ украинской популярной литературы, отводитъ „существенную“ роль фонетическому правописанію. „Крестьянинъ, прошедшій черезъ русскую школу и какъ-никакъ усвоившій себѣ въ теченіе ряда лѣтъ русскую грамоту, встрѣчаетъ, по словамъ журнала, несомнѣныя *затрудненія въ чтеніи* украинскаго текста, написаннаго по фонетическому способу, съ нѣкоторыми отличными отъ русскихъ буквами. Эта (послѣдняя) причина настолько существенна, что отражается даже на болѣе интеллигентномъ читателѣ, *затрудняя* не только процессъ его чтенія, но и самое *воспріятіе прочитаннаго*“.

Ясно, что навыкъ въ чтеніи украинскихъ книгъ, не можетъ, въ свою очередь, не затруднять чтенія книгъ русскихъ. Играетъ тутъ роль и существованіе иныхъ буквенныхъ знаковъ, и различное произношеніе однѣхъ и тѣхъ же гласныхъ. Предположимъ, что сельскій школьникъ ознакомился въ первомъ году ученія съ фонетикой, а со второго года приступитъ къ изученію этимологическаго „великорусскаго“ правописанія; возьмемъ и обратный примѣръ: малороссу, обученному грамотѣ въ русской школѣ современнаго типа, продаютъ и дарятъ брошюры на украинскомъ языкѣ. Если такой малороссъ

не откредитится отъ фонетики, а школяръ не сбѣжитъ изъ школы, то его скромный культурный багажъ будетъ построень на зыбкой почвѣ орфографическихъ компромиссовъ. Фонетика въ малорусской книгѣ допустима въ Россіи, безъ опасенія причинить вредъ и культурный ущербъ малограмотному крестьянину, лишь въ томъ случаѣ, если найдено будетъ возможнымъ изгнать этимологическое правописаніе изъ русской книги. До тѣхъ поръ фонетика въ Россіи и есть, и будетъ, независимо отъ ея теоретической обоснованности, средствомъ противъ грамотности, т. е. факторомъ антикультурнымъ.

<sup>„У. Д.“
250—252.</sup> § 41. Опасность фонетики для малороссовъ. Къ фонетикѣ вполне приложимы слова, высказанныя покойнымъ публицистомъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ еще по поводу „Кулишовки“—этого перваго варианта малорусской фонетики. „Кулишовка, писалъ онъ, есть умышленное, нарочитое отреченіе отъ родства съ современными соплеменниками и съ умственной исторіей предковъ. Украиннофиламъ приходится начинать собою культуру своего народа. Бѣдные: тѣмъ самымъ они лишаютъ себя умственной будущности; они будутъ вѣчными недоносками. Племенной сепаратизмъ въ азбукѣ,—замѣтьте, даже въ азбукѣ, не только въ языкѣ,—есть племенное умственное самоумерщвление... Сила—въ единствѣ и въ общеніи; въ общеніи единственно возможны жизнь и развитіе“.

Въ довершеніе всего, фонетическое правописаніе, какъ явленіе, призванное къ жизни политической гальванизаціей, уже теперь обнаруживаетъ въ себѣ всѣ признаки трупнаго разложенія. Рецептъ М. Грушевскаго „писать каждому такъ, какъ ему нравится“, нашель горячихъ послѣдователей и у нашихъ письменниковъ, большинство коихъ далеко не отличается по части правописанія ригоризмомъ; каждый писатель вноситъ въ фонетику индивидуальныя черты, базируясь обыкновенно на знакомствѣ своемъ съ тѣмъ или инымъ малорусскимъ говоромъ.

Въ сущности говоря, только для отдѣльныхъ говоровъ или діалектовъ и возможна выработка научно удовлетворительной фонетической орфографіи. Претензіи же львовскихъ „научныхъ“ дѣятелей создать фонетику для раіона отъ Карпатъ до Эльбруса представляютъ, по терминологіи незабвеннаго Кузьмы Пруткова, стремленіе „объять необъятное“.

Свои замѣчанія по поводу фонетическаго правописанія

мы закончимъ пожеланіемъ, чтобы правительство защитило деревню, путемъ спеціального законодательства, отъ этой язвы, могущей только тормозить *всякое* просвѣщеніе, *всякую* грамотность. Печатное слово—свободно, но малорусская деревня, съ ея школьными, земскими и кооперативными бібліотеками и читальнями должна быть застрахована отъ всякой фонетической неразберихи. Населенію, нуждающемуся прежде всего въ *элементарной* грамотности, мы не смѣемъ давать всякіе „плоды недозрѣлой науки“, ибо иначе мы будемъ этой самой грамотности ставить палки въ колеса. Мы хотѣли бы вѣрить, что всѣ воспитатели народа, прямые и косвенные, отъ крохотной школы грамоты до зданія у Чернышева моста, признають эту не хитрую истину, защитять Южную Русь отъ новыхъ вандаловъ, посягающихъ на ея юную и неокрѣпшую грамотность, и скажутъ имъ „руки прочь!“.

Глава X.

Подкопъ подъ русскую школу.

§ 42. Народный учитель Гринченко. Покушенія на пре-<sup>„У. Д.“
169—171</sup>ращеніе южнорусской школы въ малорусскую начались со-<sup>355 и
397—398.</sup>знательно еще въ украиннофильскую эпоху (буквари Кулиша и Шевченка, воскресныя школы). Въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка, когда старое украиннофильство уступало дорогу руссофобскому украинству, много ратовалъ за идею украинизаціи южно-русской школы послѣдователь Драгоманова, талантливый недоучка Борисъ Гринченко. Вся дѣятельность этой крупнѣйшей личности изъ эпохи формированія украинской партіи въ Россіи очень интересна. Въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1881 г.) Гринченко перебивалъ сельскимъ учителемъ во многихъ школахъ лѣвобережной Малороссіи и держался вездѣ конспиративной тактики, обрисованной уже послѣ его смерти въ воспоминаніяхъ его друзей и поклонниковъ. Ученикамъ своимъ Гринченко преподавалъ сразу два языка: русскій (официально) и малорусскій (секретно). Для отвода инспекторскаго глаза, ученики дрессировались имъ въ томъ смыслѣ, что давали отвѣты на томъ языкѣ, на какомъ имъ предлагался вопросъ; благодаря этому, учитель попадался при ревизіяхъ сравнительно рѣдко. Ученики Гринченка писали по-малорусски диктовку и

переложения, а также образцы писемъ къ роднымъ; неукоснительно заводилъ онъ при каждой школѣ отдѣльную малорусскую бібліотеку. Для преподаванія исторіи Гринченко пользовался какъ оффиціальными русскими, такъ и малорусскими учебниками лубочнаго изданія, при чемъ и тѣ, и другіе подвергалъ своеобразной кастраціи: тѣ страницы, откуда ученики могли вынести понятія, неудобныя для яраго автономиста-наставника (напр., о единствѣ и солидарности интересовъ всѣхъ вѣтвей русскаго народа), Гринченко вырѣзалъ, а вмѣсто нихъ вклеивалъ фальсифицированный текстъ своего сочиненія, писанный *печатными* буквами. По такому же кропотливому способу изготовлялъ онъ и малорусскія хрестоматіи; будучи сотрудникомъ (съ 1888 г.) львовской „Правды“, Гринченко доставалъ всѣми способами львовскія изданія, откуда знакомился и съ фонетикой, и съ галицко-украинскими неологизмами, дѣлясь этими знаніями со своими учениками. Болѣе способныхъ изъ нихъ онъ готовилъ къ педагогической карьерѣ: они и сейчасъ (1910 г.) *учительствуютъ* и, такимъ образомъ, *продолжаютъ на Украинѣ его дѣло*. Въ 1905—1906 гг. бывшіе ученики Гринченка принимали большое участіе въ освободительномъ движеніи, а теперь, по отбытіи наказанія, занимаются сельскою коопераціей. Легко убѣдиться, что Гринченко былъ въ душѣ не педагогомъ, а слѣпымъ обскурантомъ - агитаторомъ. Журналъ „Укр. Жизнь“ опубликовалъ въ 1912 г. письмо извѣстной харьковской дѣятельницы на педагогическомъ поприщѣ Х. Д. Алчевской; въ ея имѣніи юноша Гринченко учительствовалъ въ основанной ею народной школѣ. Возвратясь (послѣ каникулъ) изъ-за границы, г-жа Алчевская посѣтила школу и не увидѣла тамъ ни одной дѣвочки (раньше ихъ тамъ училось нѣсколько). „Оказалось, пишетъ г-жа Алчевская, что Б. Д. (Гринченко) не сдѣлалъ новаго приѣма, находя, что *не слѣдуетъ калѣчить украинскую женщину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ*“.

Съ 1893—1901 гг. Гринченко, вынужденно покинувъ педагогическую дѣятельность и устроившись на земской службѣ въ Черниговѣ, издалъ 50 популярныхъ украинскихъ брошюръ въ 200 тысячахъ экз.; много занимался онъ и публицистикой (въ русской прессѣ). Въ 1906—7 гг. вышли его „Оповідання з українск. старовини“ и (конфискованная) краткая исторія Украины подъ назв. „Як жив український народъ“, а также цѣлый рядъ „педагогическихъ“ брошюръ, изъ которыхъ брошюрка „Якої нам треба школи“ вышла въ 1912 г. третьимъ

изданіемъ. Въ ней авторъ исходитъ отъ *завѣдомо* ложныхъ посылокъ. Съ 1906 года, по его словамъ, „всѣ манифесты, правительственныя распоряженія и законы (въ Россіи) печатаются постоянно въ украинскомъ переводѣ“. Авторъ увѣряетъ, что „у *нѣмцевъ и рабочіе, и господа, и необразованные люди, и образованные—всѣ говорятъ однимъ нѣмецкимъ языкомъ* и ничего не знаютъ о „панскомъ“ и „мужицкомъ“ языкахъ; тоже самое мы видимъ у *французовъ, итальянцевъ* и другихъ народовъ: *вездѣ у каждаго народа есть свой языкъ, и на этомъ языкѣ говоритъ весь народъ—и простонародье и образованные люди*“. Будучи филологомъ-специалистомъ, Гринченко не могъ не знать о пестротѣ народныхъ діалектовъ нѣмецкихъ и итальянскихъ, отдѣляемыхъ цѣлой пропастью отъ своего литературнаго языка, равно какъ и о полномъ отсутствіи сходства между французскимъ языкомъ и рѣчью басковъ, бретонцевъ и т. д., не говоря уже о крупныхъ особенностяхъ въ отдѣльныхъ діалектахъ самого французскаго языка. Поэтому, ложь, преподносимая имъ въ популярной брошюрѣ, является самымъ грубымъ шантажемъ, темной игрой, рассчитанной на темноту читателя. Историческія популярныя брошюры Гринченка составлены по сочиненіямъ Грушевскаго и приправлены политическими взглядами школы Драгоманова. Великороссовъ Гринченко считаетъ помѣсью украинцевъ съ финнами, а языкъ ихъ—*украинско-финскимъ*.

§ 43. Доводы за украинизацію школы. Агитація за пре-^{„У. Д.“}ращеніе русской школы на Югѣ въ украинскую ведется ^{349—350.}съ 1906 года всѣми органами партійной печати и ихъ добровольными подголосками. Въ послѣдніе 2—3 года партія старается чрезъ русскую прессу воздѣйствовать на общественное мнѣніе и законодательные круги, а при помощи украинскаго печатнаго слова обрабатываетъ народныхъ учителей и грамотный сельскій людъ. Можно сказать, что на этомъ вопросѣ сконцентрированы теперь всѣ усилія украинской партіи, какъ на единственномъ рычагѣ, способномъ сдѣлаться точкой опоры для всѣхъ будущихъ построеній, намѣченныхъ украинствомъ. Успѣхи въ этомъ направленіи непосредственно увеличиваютъ число сторонниковъ партіи на Югѣ; неудачи грозятъ самому ея существованію. Украинизація школы является, слѣдовательно, не простымъ козыремъ партійной программы, а той питательной средой, откуда партія черпаетъ свои соки; прекращеніе доступа къ этимъ сокамъ—смертный приговоръ для

партіи и—превращеніе ея лидеровъ въ безвреднѣйшихъ ма-
ніаковъ-резонеровъ.

Домогательства свои на право или возможность распоря-
жаться въ южной школѣ партія подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ
аргументовъ, ссылаясь 1) на историческія школьныя традиціи
Юга, 2) на научные педагогическіе авторитеты, 3) на дефекты
современной южнорусской школы и 4) на превосходство укра-
инскаго языка надъ русскимъ въ качествѣ средства препода-
ванія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ малорусскимъ насе-
леніемъ.

у. д. 350—354. § 44. Историческая традиція. Южнорусская школьная
традиція выдвигается публицистами украинской партіи безъ
достаточныхъ основаній и въ единственной надеждѣ на малую
литературную освѣдомленность читателей. По заявленію проф.
М. Грушевскаго, „украинскій народъ (въ XVII—XVIII вв.)
создалъ своими убогими средствами густую сѣть школъ,
съ которой едва ли можетъ сравниться нынѣшняя. Харьков-
скій проф. Багалѣй приводитъ данныя о переписи 1732 года
въ Слободской Украинѣ, гдѣ оказался такой же процентъ
школяровъ по отношенію къ населенію, какой существовалъ
въ харьковской губ. въ 1882 г. О лѣвобережной Украинѣ
насъ увѣряютъ, что въ половинѣ XVIII столѣтія она была
покрыта густой сѣтью школъ: не было почти ни одного села
безъ школы; на земляхъ запорожскаго низоваго братства,
по словамъ духовнаго писателя епископа Феодосія (Макарев-
скаго, † 1885), были школы при каждой церкви.

Г. Грушевскій и его послѣдователи основываются, обык-
новенно, на дневникѣ сирійца Павла Алеппскаго (1653—4 гг.).
Переѣхавъ изъ Молдавіи въ мѣст. Рашковъ Брацлавскаго
воеводства на Подоліи, сиріецъ пишетъ: „Начиная съ этого
города (Рашкова) и по всей землѣ русскихъ, то-есть козаковъ,
мы замѣтили возбуждающую наше удивленіе прекрасную черту:
всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ
женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церков-
ныхъ службъ и церковныя напѣвы; кромѣ того, священники
обучаютъ сиротъ.... Дѣти—многочисленнѣе травы и всѣ умѣютъ
читать“. Путешественники „видѣли многочисленныя церкви,
встрѣчали вездѣ дяковъ и простой народъ съ молитвенниками“.
Брацлавское воеводство граничило на Югѣ съ т. наз. „Дикими
Полями“, а на западѣ—съ линіей турецкой оккупации, что
ставило его подъ удары турокъ и татаръ. Если вспомнить
свыше полувѣковую бурю козачьихъ возстаній противъ Короны

и усмирений, пронесшихся надъ краемъ, то трудно не заподо-
зрить автора дневника въ нѣкоторой склонности глядѣть
на окружающее чрезъ розовые очки. Предположимъ, однако,
что дневникъ фотографически точно отражаетъ былую куль-
туру Подоліи. Культура эта была, во всякомъ случаѣ, болѣе
польской, чѣмъ восточно-славянской. Составляя въ Подоліи
25% всего населенія, горожане давали краю въ XVII вѣкѣ
довольно рѣзкую польскую фізіономію. Духовенство было
здѣсь, по преимуществу, католическое или униатское. Намъ
думается, что описанія Павла относятся къ болѣе крупнымъ
мѣстечкамъ и городамъ и рисуютъ быть польскаго или поло-
низованнаго (униатскаго) населенія. Станутъ тогда понятны и
молитвенники въ рукахъ у жителей; съ такими молитвенни-
ками ходятъ въ храмъ и въ наше время въ деревняхъ Польши
и Германіи рядомъ съ грамотными также неграмотные кре-
стьяне, и никому эта старинная традиція не кажется удиви-
тельной.

Свѣдѣнія о южнорусскихъ церковно-приходскихъ шко-
лахъ XVIII в., даваемые епископомъ Феодосіемъ, оставляютъ
совершенно открытымъ вопросъ о качествѣ источниковъ, ко-
торыми онъ пользовался. Статистикѣ г. Багалѣя и даннымъ
еп. Феодосія мы противопоставимъ важное по существу разъ-
ясненіе историка Крыжановскаго (Сочин. III. 397). „Гораздо
прежде XVI в.,—говоритъ онъ, въ Южной Россіи видимъ при
церквахъ приходскихъ, а также и при монастырскихъ *школы*,
въ которыхъ дѣти прихожанъ обучаются церковному чтенію
и пѣнію, обыкновенно подъ руководствомъ дячка, въ отве-
денномъ для него домѣ... Въ XVIII вѣкѣ мы ближе знако-
мимся съ этими школами. Въ каждомъ приходѣ, въ домѣ
дячка ютится по нѣскольку мальчиковъ, преимущественно изъ
сиротъ или же бѣднѣйшихъ прихожанъ. Подъ непосредствен-
нымъ руководствомъ дячка, они изучаютъ букварь, часословъ
и псалтирь... *сельскія школы, существовавшія на югѣ Россіи
до конца XVIII ст., не были школами собственно народ-
ными: онѣ имѣли цѣлію не столько образованіе, ...сколько
приготовленіе церковно-служителей*“. Ясно, что русскую
грамотность (а тѣмъ болѣе фантастическую „малорусскую“) эти
школы дать не были способны, какъ не давали ея и мѣстныя
школы высшихъ ранговъ. По этому поводу мы совѣтовали бы
всѣмъ современнымъ поборникамъ украинизации южной школы
твердо помнить дружеское предостереженіе М. Драгоманова,
который еще 20 лѣтъ тому назадъ писалъ: „Неудобно требо-

вать, чтобы украинскому языку вернули всё его права. Неудобно, ибо в старых наших школах народный украинский (sic) язык употреблялся *очень мало* при церковномъ (т. е. *церковно-славянскомъ*) и даже польскомъ языкѣ.

„У. Д.“
356—360.

§ 45. Научные авторитеты. Украинская партія, добиваясь украинизаціи южно-русской школы, любитъ ссылаться на защитниковъ приближенія народной школы къ мѣстнымъ говорамъ изъ ареопага западно-европейскихъ и русскихъ педагоговъ. Обыкновенно при этомъ цитируются мнѣнія француза Бреалья, нѣмцевъ Ратиха, Дистервега, Бургвардта, Рихтера и Гильдебрандта и русскихъ педагоговъ Потебни, Весселя и Ушинскаго. Не трудно убѣдиться, что такія ссылки—облыжны.

Проф. Бреаль увлекался включеніемъ въ программу французскихъ школъ и изученія языка средневѣковыхъ трубадуровъ, но какъ языка *мертваго*, видя въ этомъ лишь способъ *классическаго* обученія французскому языку. Нѣмецкій писатель XVII в. Вольфгангъ Ратихъ дѣйствительно ратовалъ за школьное преподаваніе на родномъ (нѣмецкомъ) языкѣ, но это была борьба противъ господства въ школахъ чужой и мертвой латыни. Знаменитый нѣмецкій педагогъ Дистервегъ и его послѣдователь Альбертъ Рихтеръ видѣли въ діалектахъ и народныхъ говорахъ лишь *орудіе для дачи объясненій* въ начальныхъ школахъ грамоты; объ изученіи самихъ діалектовъ (школьниками) или о составленіи школьныхъ руководствъ не на литературномъ языкѣ вовсе не подымалось вопроса. Нѣмецкіе педагоги Бургвардтъ и, особенно, Гильдебрандтъ пошли дальше: они предлагали мѣстныя нарѣчія (*Muttersprache*) въ качествѣ языка преподаванія для 1—2 первыхъ группъ начальной сельской школы и для сельскихъ дѣтскихъ садовъ. Предложеніе это почти не встрѣтило сочувствія и не вышло изъ стадіи теоретическихъ кабинетныхъ разсужденій. Иначе относятся нѣмцы къ школамъ среди *чужезычнаго* населенія (кромѣ польскихъ). Въ Шлезвигѣ существуютъ первоначальныя школы съ датскимъ языкомъ преподаванія на первыхъ ступеняхъ его; по саксонскому школьному закону, въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ венды (славяне), языкомъ преподаванія въ первые годы обученія является вендскій языкъ. Тѣ же мѣры практикуются и у насъ въ школахъ для кавказскихъ инородцевъ.

Талантливый филологъ, харьковскій проф. Потебня былъ не только малороссомъ и украинофиломъ, но и фанатикомъ политическаго сепаратизма. Его нападки на русское препода-

ваніе въ Южной школѣ, его проповѣдь замѣны этого преподаванія малорусскимъ вытекали главнымъ образомъ изъ ненависти къ „кацапамъ“, которую онъ переносилъ и на русский (кацапскій) языкъ. Къ характеристикѣ проф. Потебни добавимъ, что онъ воспитывался въ Польшѣ, а его братъ участвовалъ въ польскомъ мятежѣ 1863 г., находясь въ рядахъ повстанцевъ.

Авторъ „Родного Слова“ и „Дѣтскаго Міра“ К. Д. Ушинскій, командированный въ 1862 г. за границу министромъ украинофиломъ Головиннымъ, рапортовалъ о видѣнной имъ въ Бернѣ См. § 10. „малолѣтней“ женской школѣ, гдѣ съ дѣтьми занимаются на мѣстномъ бернско-нѣмецкомъ діалектѣ; по аналогіи вспоминаетъ Ушинскій о народной школѣ въ Малороссіи, гдѣ русский языкъ усваивается дѣтьми очень плохо. Но комплектъ бернской школы состоялъ изъ дѣтей 3—6 лѣтъ, которыя, какъ подчеркнул нашъ педагогъ, „не учатся, а играютъ“; слѣдовательно, рѣчь идетъ у него не о школѣ, а о *дѣтскомъ садѣ*; притомъ Ушинскій добавляетъ, что „главной своей задачей школа ставитъ усвоеніе дѣтьми въ совершенствѣ общенѣмецкаго языка“. Да и программа „первоначальныхъ“ школъ кантона (деревенскихъ) требуетъ, чтобы дѣти (6—10 лѣтъ) „были научаемы въ отечественномъ (нѣмецкомъ) языкѣ до правильнаго и легкаго употребленія его въ рѣчи и на письмѣ“.

Русскій педагогъ Вессель, опять-таки въ головнинскую эру, высказывался, правда, „противъ обученія въ начальныхъ школахъ на чужомъ языкѣ“, видя въ этомъ методѣ „извращеніе самостоятельнаго развитія (каждаго даннаго) народа“. Аргументація Весселя построена, однако, на нуждахъ населенія, говорящаго языкомъ нерусскаго корня (татары, грузины, армяне и т. п.).

Именамъ Ушинскаго и Весселя, не подозревавшихъ, конечно, что малорусская литература станетъ рядиться въ платье жаргонно-польскаго фасона, мы можемъ противопоставить ихъ труды („Родное Слово“ перваго и „Школьныя Пѣсни“ втораго), которые приобрѣли на Югѣ громадную популярность и помимо школъ, служа прямымъ доказательствомъ доступности толковой русской книги пониманію обучающихся грамотѣ малороссовъ.

§ 46. Критика русской школы. Мудрствованія украинской партіи клонятся къ тому, чтобы доказать полную непри- „У. Д.“
360—362. годность русской школы для малороссовъ. Педагогъ Гринченко поучаетъ малорусскихъ крестьянъ такъ: „Мы невѣжественны

потому, что у насъ наука поганенькая, да и этой поганенькой науки мы не понимаемъ, ибо она на чужомъ языкѣ: у насъ по школамъ учатъ не на нашей украинской мовѣ, а на московской (панской)“. По мнѣнію педагогическаго журнала „Світло“, малорусское „дитя выходитъ изъ школы не болѣе образованнымъ, чѣмъ оно туда поступило. Растетъ количество школъ, но не растетъ народное просвѣщеніе“. Московскій „украинецъ“ А. Саликовскій требовалъ въ 1911 г. „провести коренную реформу на національномъ фундаментѣ всѣхъ украинскихъ школъ (отъ первоначальныхъ до высшихъ)“.

Вопроса о нападкахъ Б. Гринченка на „поганенькую науку“ мы не касаемся, ибо онъ не относится къ нашей темѣ. На прочіе вопли, какъ видимъ—голословные, ограничиваемся, въ подкрѣпленіе тезиса о доступности русской рѣчи малорусскимъ дѣтямъ, нѣсколькими краткими справками. Покойный проф. Н. П. Дашкевичъ, малороссъ и украинофилъ, считалъ преувеличеніемъ толки о томъ, будто „усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для украинскаго народа значительныя трудности“; по его мнѣнію, „въ школѣ и учебной литературѣ почти нѣтъ мѣста малорусскому нарѣчію“. Харьковское губернское земское собраніе въ 1911 г., обсуждая докладъ управы въ пользу украинскаго преподаванія въ начальныхъ школахъ, приняло формулу спеціальной комиссіи, которой было поручено разсмотрѣніе доклада, и которая, „въ виду разнообразія говоровъ и нарѣчій въ харьковской губ., признала *наиболѣе понятнымъ для всѣхъ языкъ русскій*“. Въ прошломъ году, при обсужденіи въ Гос. Совѣтѣ вопроса объ изгнаніи русскаго языка, какъ языка преподаванія, изъ малорусской школы, украинофилъ проф. Багалъй заявилъ, что при обученіи малорусскихъ дѣтей *въ очень глухихъ мѣстностяхъ* („въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ хуторахъ и деревняхъ, гдѣ не говорятъ по-русски“) слѣдуетъ въ теченіе перваго года допустить пользованіе малорусскимъ нарѣчіемъ *для объясненія непонятныхъ словъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ призналъ малорусское нарѣчіе *вѣтвью* русскаго языка, *весьма близкою* къ русскому литературному языку; онъ отвергалъ необходимость или пользу обученія въ школахъ малорусскому нарѣчію и призналъ, что русскій языкъ въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ не только въ городахъ, но и въ малорусскихъ селеніяхъ большіе успѣхи. И будетъ, добавимъ мы, дѣлать еще большіе тамъ, гдѣ народные учителя

добросовѣстно выполняютъ присягу и принятыя на себя обязанности.

§ 47. Подтасовка статистики. Защитники идеи украинизаціи южной школы любятъ опираться на статистику грамотности на нашемъ Югѣ, какъ на доказательство непродуктивности школьнаго просвѣщенія въ Малороссіи и Новороссіи. На эту зловѣщую статистику ссылаются и въ рефератахъ, и въ докладныхъ запискахъ, и въ публицистикѣ, и въ популярныхъ брошюрахъ. Заимствуемъ формулировку этого тезиса изъ журнала „Світло“. „Не только вѣдомостями общей переписи 1897 г.“, пишетъ „Світло“, „но и земскими обследованіями въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія доказано, что украинскій народъ, въ отношеніи грамотности, далеко отстаетъ, хотя бы, напр., отъ великорусскаго. На основаніи переписи 1897 года стало извѣстно, что на Югѣ Россіи (три украинскихъ губ., три новороссійскихъ и три юго-западныхъ) считается 19,3% грамотныхъ, а въ подольской губ. процентъ этотъ еще меньше—15,5%, между тѣмъ какъ для всей Европейской Россіи мы имѣемъ 22,9% грамотныхъ“. Конечно, указываемая „Світломъ“ разница въ 3,6%, на первый взглядъ импонируетъ; въ дѣйствительности, она для нашей цѣли малоубѣдительна. Изъ 50 губ. Европейской Россіи, великороссы во многихъ (и кромѣ южныхъ) не составляютъ большинства, а потому часть этихъ губерній для оцѣнки грамотности великороссовъ непригодна; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ 3 остзейскія, гдѣ грамотность стоитъ выше 76%, прямо затемняютъ положеніе; отчасти это можно сказать и о неудобствѣ соединять воедино грамотность низшую (которая насъ, собственно, и интересуетъ) со среднимъ и высшимъ образованіемъ, ибо тогда намъ пришлось бы имѣть дѣло и съ петербургской губ., гдѣ % грамотности подымается до 55%. Мы, поэтому, повторимъ работу „Світла“, но, чтобы не удалаться отъ сути дѣла, дадимъ погубернскія свѣдѣнія лишь о лицахъ, обучавшихся въ низшихъ школахъ, а также о лицахъ хотя бы и не школьнаго ценза, но обладающихъ элементарной грамотностью. Число такихъ лицъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи было, по переписи 1897 г., опредѣлено въ 20.320 тысячъ, что, при общемъ населеніи этихъ губерній въ 93.442 тысячи, дастъ 21,8% элементарно-грамотныхъ, т. е. немногимъ менѣе числа *всѣхъ* грамотныхъ (22,9%), приводимаго „Світломъ“ и другими источниками. Сейчасъ, мы убѣдимся, что и цифры для Юга близки къ вышецитированнымъ.

Таблица I.

Южныя губерніи.	% малоросск. населенія.	Населеніе въ тысячахъ.	Элемент. грамотн. въ тысячахъ.	% элемент.-грамотн.
Подольская	81%	3.018	450	15%
Харьковская	80%	2.492	384	15,4%
Полтавская	93%	2.778	446	16%
Волынская	70%	2.989	493	16,5%
Кіевская	80%	3.559	598	16,8%
Черниговская	66%	2.298	402	17,5%
Екатеринославская	69%	2.114	433	20,5%
Херсонская	54%	2.734	657	24,1%
Таврическая	41%	1.448	380	27,1%
Общая сумма		23.430	4.243	18,1%

На рѣзкій подъемъ процента грамотности въ трехъ новоросійскихъ губерніяхъ имѣютъ, несомнѣнно, главное вліяніе многочисленныя нѣмецкія колоніи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что элементарно-грамотные девяти южныхъ губ. составляли въ 1897 году—18,1% населенія. Идя далѣе по пути, начертанному „Свѣтломъ“, мы скакали бы, что южныя губерніи отстали на 3,7% отъ элементарной грамотности всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи. Мы предпочтемъ, однако, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, иной путь. Мы возьмемъ *подъ рядъ* десятокъ центральныхъ великорусскихъ губерній, оставляя къ Западу и Югу губерніи со смѣшаннымъ или инородческимъ населеніемъ. Этотъ поясъ мы начнемъ отъ озера Чудского на Западѣ до слиянія Самары съ Волгой на Востокѣ; онъ охватитъ послѣдовательно губерніи: псковскую, смоленскую, калужскую, орловскую, тульскую, рязанскую, тамбовскую, пензенскую, нижегородскую и симбирскую. Избрали мы эту непрерывную зону великорусской осѣлости единственно по той причинѣ, что болѣе сѣверное направленіе захватило бы промышленный московско-ярославскій районъ, который по проценту элементарной грамотности населенія (35% для ярославской и 36,6% для московской губерній) стоитъ, такъ сказать, „въ конкурса“. Восточнѣе же симбирской губерніи идутъ уже губерніи со смѣшаннымъ населеніемъ.

Таблица II.

Великорусскія губерніи.	% великороссовъ.	Населеніе въ тысячахъ.	Элемент. грамотн. въ тысячахъ.	% элемент.-грамотн.
Псковская	95%	1.122	153	13,7%
Пензенская	83%	1.470	204	13,9%
Симбирская	68%	1.528	226	14,8%
Тамбовская	96%	2.684	423	15,8%
Смоленская	90%	1.525	246	16,1%
Орловская	100%	2.034	337	16,9%
Калужская	100%	1.133	208	18,3%
Рязанская	100%	1.802	349	19,4%
Тульская	100%	1.419	279	19,7%
Нижегородская	94%	1.585	334	21%
Общая сумма		16.302	2.759	16,9%

Наши таблицы, составленныя по рецепту „Свѣтла“, говорятъ, что народная грамотность великорусскаго населенія, прослѣженная на громадномъ сплошномъ пространствѣ въ 400 тысячъ квадратныхъ верстъ, стоитъ на одинаковомъ печальномъ уровнѣ съ грамотностью малороссовъ въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Если мы сравнимъ полтавскую губернію съ тамбовской, кіевскую съ орловской, а екатеринославскую съ нижегородской, то встрѣтимся лицомъ къ лицу съ одною и тою же эндемической общерусской болѣзью—школьнымъ голодомъ или просвѣтительнымъ недоѣданіемъ. „Кацапу“ нечѣмъ похвастаться предъ „хохлою“, которому, въ свою очередь, нѣтъ повода завидовать своему „земляку“ (такъ именовали въ интермедіяхъ козаки своихъ братьевъ-великороссовъ). Какъ любятъ „украинцы“ дѣлать изъ поддѣльной „мухи“ большущаго слона, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Съ марта 1908 года въ Государственной Думѣ лежитъ подъ сукномъ законопроектъ за 37 подписями объ украинскомъ преподаваніи въ народныхъ школахъ Юга. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту сказано, будто теперь „въ средѣ украинскаго народа грамотныхъ вдвое меньше, чѣмъ въ средѣ народа великорусскаго“.

Обслѣдованія земскихъ статистиковъ Юга, на которые глухо ссылается „Свѣтло“, непригодны въ качествѣ матеріала для выводовъ по сравнительному методу. Тамъ же, гдѣ этотъ методъ удавалось примѣнить, получаютъ неожиданные результаты, съ обвиненіями противъ монополіи русскаго языка въ южной школѣ ничего не имѣющіе общаго. Въ то время какъ во многихъ великорусскихъ губерніяхъ стоитъ на очереди вопросъ объ устройствѣ народныхъ библиотекъ въ такомъ числѣ, чтобы удовлетворить потребности всего населенія, на Украинѣ такія народныя библиотеки встрѣчаются лишь изрѣдка. Такъ, напр., въ константиноградскомъ уѣздѣ полтавской губерніи на 300 тысячъ населенія приходится всего только 6 библиотекъ, тогда какъ въ пермской губерніи на каждый уѣздъ, съ такимъ же населеніемъ, имѣемъ въ среднемъ по 50 библиотекъ.

Что касается до увѣреній украинской партіи, будто украинскій языкъ пригоденъ и полезенъ въ качествѣ орудія и даже предмета преподаванія, то мы въ правѣ спросить, что именно намъ подъ этимъ названіемъ предлагаютъ. Если это будетъ родное школьнику мѣстное нарѣчіе, то ему можетъ быть отведена лишь весьма скромная служебная роль при ознакомленіи съ русскимъ (или великорусскимъ) лексическимъ матеріаломъ, но тутъ, въ качествѣ орудія объяснительнаго, нарѣчіе это будетъ входить въ русскія фразы отдѣльными словами и, такъ сказать, расплываться въ русской рѣчи; поэтому, вопросъ о преподнесеніи школьникамъ букварей и хрестоматій на этомъ нарѣчій, равно какъ и грамматикъ для его изученія, самъ собою отпадаетъ. Если же для нашей южной школы „пропонуяютъ“ языкъ современной украинской прессы, то намъ рекомендуютъ новый языкъ, съ которымъ *хотятъ сроднить* населеніе, а вовсе не родной ему. Помимо недопустимости этого языка на порогъ нашей школы ради чисто принципиальныхъ соображеній, мы напоминаемъ читателю все сказанное въ этой книгѣ раньше объ убожествѣ этого языка съ культурной точки зрѣнія и о его рѣзкой польской закваскѣ, низводящей нашъ родной Днѣпръ на степень захудалаго притока коварной Вислы.

„У. Д.“ 360 и 371. § 48. Аппетиты украиномановъ. Въ „Русск. Мысли“ 1911 г. нѣкій „Украинецъ“, полемизируя съ извѣстнымъ публицистомъ Струве, прекрасно очертилъ тѣ послѣдствія, какія повлекла бы за собой легальная украинизація низшей школы. „Надѣюсь, пишетъ онъ, что вы признаете потребность въ устрой-

ствѣ начальной украинской школы для украинскаго населенія. Но, если вы признаете эту потребность, то должны будете признать и потребность въ открытіи украинскихъ учительскихъ семинарій и въ контингентѣ преподавателей для нихъ, т. е. потребность въ созданіи средняго и высшаго образования по-украински“. Ту же мысль развилъ видный публицистъ и дѣятель украинства С. Ефремовъ. „Если мы согласимся на существованіе низшей народной украинской школы, говоритъ онъ, то должны будемъ согласиться и на вытекающее отсюда право людей продолжать образованіе и заканчивать его на родномъ языкѣ, разъ они уже начали учиться на немъ“.

Такія указанія имѣютъ высокую цѣну. Отличаясь не меньшей искренностью, чѣмъ логичностью, доводы эти должны быть и для публициста, и для государственнаго дѣятеля тѣмъ настоятельнымъ „Memento!“, которое можетъ предохранить его отъ поверхностнаго и маниловски-добродушнаго отношенія къ вопросу объ украинизаціи начальной южно-русской школы. Если кто желаетъ способствовать этому дѣлу, то пусть разочтеть, какое зданіе предполагается воздвигнуть; пусть не уподобится онъ ученику алхимика, который съумѣлъ вызвать призракъ, но не нашель потомъ формулы заклинанія, чтобы отъ этого призрака избавиться. Здѣсь, и только здѣсь зарыта собака вопроса о партикуляризаціи южно-русской школы. Не о качественномъ улучшеніи этой школы заботится украинская партія, а о томъ, чтобы съ помощью школы бороться противъ русской культуры. Такъ обстояло и будетъ обстоять дѣло, если говорить о немъ на чистоту, безъ мудрствованій лукавыхъ.

§ 49. Совращеніе народныхъ учителей. До 1906 г. школьная пропаганда украинства ограничивалась почти исключительно тѣмъ, что „сознательные украинцы“ старались занимать мѣста преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ, поставляющихъ сельскій учительскій персоналъ: въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, духовныхъ семинаріяхъ, церковно-учительскихъ школахъ и женскихъ епарх. училищахъ. Тамъ они принимались за сѣяніе идей украинства. Таковъ былъ, напр., одинъ преподаватель учит. семинаріи въ Екатеринодарѣ, который пользовался любовью воспитанниковъ и *умѣлъ вызвать* у нихъ глубокой *интересъ* къ тому, что было главнымъ содержаніемъ его жизни,—къ украинству. Украинство для него не было вопросомъ лишь языка или культуры и просвѣщенія: въ его

глазахъ оно должно было охватывать собой всѣ стороны соціально-политической и культурно-экономической жизни украинскаго народа. Преподаватель одного изъ женск. дух. училищъ въ Кіевѣ въ докладной запискѣ доказывалъ совѣту, что въ школѣ, гдѣ учатся *дочери* исключительно *батюшекъ* изъ Украины, которыя *современемъ* станутъ сами учительницами также въ украинскихъ селахъ, — уроки исторіи Украины, исторіи украинскаго языка и литературы прямо необходимы. Къ такому же типу принадлежалъ священникъ, завѣдывавшій до 1911 г. церковно-учительской школой въ г. Винницѣ.

Съ 1906 г. агитацію среди народныхъ учителей повела украинская пресса. Школьный учитель, по словамъ „Світла“, долженъ позаботиться, чтобы въ сельскихъ библіотекахъ были украинскія книжки... ибо безъ украинскихъ книжекъ земскія библіотеки ничего добраго не даютъ нашему народу. Украинскія сценическія представленія въ школѣ, по мнѣнію „Світла“, — наилучшій *учитель языка* и, притомъ, правильного, *литературнаго*... Въ современной, насквозь обрусѣвшей (зрусифицированной) школѣ на Украинѣ, *украинская пьеса* имѣетъ свою *особенную миссію*: хоть на сценѣ ученикъ услышитъ свой родной литературно-обработанный языкъ. Учителю, пріѣхавшему въ новую школу, „Світло“ даетъ инструкцію, съ чего начинать работу со школярами или со старшими парнями, окончившими школу; тутъ фигурируютъ совѣты: „научить душъ 20 молодежи, какъ разбираться въ украинской книгѣ“, „дать нѣсколько диктовокъ, чтобы хлопцы болѣе или менѣе усвоили *украинское правописаніе*“ и пріохотить ихъ къ *выпуску* украинскихъ брошюръ, книжекъ, а въ складчину и *украинскихъ газетъ*. „Рада“ втолковываетъ учителямъ, что *украинизировать школьную или ученическую жизнь* можно и безъ оффиціального разрѣшенія *частнымъ образомъ*; нужно, чтобы наша современная школьная молодежь воспитывалась *въ украинскомъ духѣ*, на украинской литературѣ и искусствѣ. Въ другой статьѣ „Рада“ приглашаетъ пользоваться пока *обходными путями*, чтобы сберечь украинскій народъ отъ національной смерти. Не забываетъ „Рада“ и будущихъ учителей и пастырей народныхъ. Духовная школа, по мнѣнію газеты, должна была бы *обучать* будущихъ священниковъ тому языку, на которомъ говоритъ народъ, т. е. *языку украинскому*; она должна была бы включить въ свою программу не только формальное изученіе языка со стороны этимологіи и синтаксиса, но и изученіе литературы украинской и исторіи

украинскаго народа; словомъ, духовная школа должна была бы украинизироваться.

За послѣдніе 3—4 года „сознательные“ народные учителя вербуютъ себѣ сторонниковъ на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ.

§ 50. Лѣтніе курсы. На лѣтнихъ учительскихъ курсахъ 1910 г. въ Петербургѣ, гдѣ число курсистовъ-малороссовъ не превышало 15% (150 на 1000), украинской пропагандой занялось „СПБ. Благотворительное Общество изданія дешевыхъ и общепользныхъ книгъ“: оно устроило украинскій отдѣлъ при курсовой выставкѣ школьныхъ учебниковъ, пособій и книгъ для самообразованія. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ учебниковъ, преимущественно изъ Галиціи, были выставлены (и продаваемы) брошюры Гринченка по украинизаціи южной школы и Записка Академіи Наукъ (аналогичной тенденціи). Въ 1911—1912 г. такія выставки украинскихъ учебниковъ были устроены на курсахъ въ Харьковѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ и Александріи (херсонск. губ.). Нынѣшнимъ лѣтомъ для полтавскихъ курсистовъ такая выставка была устроена въ помещеніи земской управы, гдѣ читалась часть лекцій.

Харьковскіе курсисты 1911 г. выработали (одобренный позднѣе земскимъ собраніемъ) каталогъ для народныхъ библіотекъ; украинскій его отдѣлъ предназначенъ какъ для *крестьянъ*, такъ и для сельской интеллигенціи (*священниковъ, учителей, фельдшеровъ* и проч.). Кромѣ обычныхъ отдѣловъ, украинскій каталогъ вмѣщаетъ *школьные учебники и періодическія изданія*; кромѣ книгъ, изданныхъ въ Россіи, есть въ немъ и *галицкія книги*; не забыты и переводы на украинскій языкъ произведеній *чужихъ* литературъ (въ томъ числѣ русской). На собесѣдованіяхъ курсистовъ кое-кто изъ учителей сообщилъ, что ими практикуются классныя переложенія не только русскія, но и украинскія; одинъ учитель держалъ на собесѣдованіи рѣчь по-украински, извиняясь, что за 10 лѣтъ своей науки говорить по-русски не научился (?).

На полтавскихъ курсахъ 1911 г. читалась специальная исторія Южной Руси. Здѣсь развязный, но хромающій по части логики лекторъ поучаетъ курсистовъ, что для всей исторической территоріи украинскаго народа въ наукѣ въ настоящее время входитъ въ употребленіе названіе Украина, это — съ одной стороны; съ другой — онъ увѣряетъ, что по имени территоріи удобнѣе и правильнѣе и самый народъ, который творилъ на ней свою исторію и представлялъ изъ себя одно

этнографическое цѣлое, называть украинскимъ. Къ прошлому году земская управа „по желанію учителей“ открыла украинскій отдѣлъ музея наглядныхъ пособій. Уже въ русской части каталога музея мы видимъ, въ отдѣлѣ исторіи—2 экземпляра „Очерковъ“ М. Грушевскаго, въ *отдѣлѣ педагогики*—агитаціонную брошюру Б. Гринченка „*На безпросвѣтномъ пути. — Обь украинской школѣ*“. Спеціальный отдѣлъ каталога („Книги на украинскомъ языкѣ“) содержитъ 15 названій учебниковъ языка и 6—по исторіи (въ томъ числѣ подозрительную, въ смыслѣ легальности, брошюру „Як жив укр. народ“); возмутительнѣе всего послѣдняя рубрика этого отдѣла („Разнаго содержанія“), куда допущены тенденціозныя брошюры „Народні вчителі і вкраїнська школа“ и „Якои нам треба школи“. Въ этомъ диковинномъ „музеѣ наглядныхъ пособій“ фигурировалъ, на правахъ учебника („підручника“) и журналъ

см. § 28. „Світло“.

Херсонское учительство, на курсахъ 1911 г., чрезъ свою „комиссію двухклассныхъ школъ“, вынесло резолюцію для поученія земства: „Беря во вниманіе, что въ *существующихъ руководствахъ по исторіи* либо совсѣмъ ничего нѣтъ обь исторической жизни украинцевъ, либо *преподносится фальсификатъ самой низкой марки*, нужно организовать параллельно съ преподаваніемъ російской исторіи *отдѣльное преподаваніе исторіи Украины по учебникамъ, одобреннымъ комиссіей*“. Нужно ли добавлять, что комиссія одобрила въ качествѣ учебника „исторію“ Грушевскаго.

Кіевскіе курсисты 1911, 1912 и настоящаго года пользовались традиціонной, бесплатной пароходной прогулкой по Днѣпру, при чемъ ежегодно наблюдалась карикатурная демонстрація этнографическаго украинофильства: учителя бесѣдовали другъ съ другомъ, за малыми исключениями, исключительно на украинской мовѣ.

„у. д.“
374—379.

§ 51. Учительскія демонстраціи. Показателемъ того, что значительная часть южнорусскаго учительства исповѣдуетъ львовскій катехизисъ украинскаго отщепенства, являются стадныя демонстративныя выступленія. Курсисты кіевского учебнаго округа послали лѣтомъ нынѣшняго года изъ Кіева, за 210 подписями, адресъ галичанину-русофобу Ив. Франку (автору украинскаго революціоннаго гимна „Не пора“); они „желаютъ видѣть его, великаго сына Украины, еще долгіе годы во главѣ видрожденія (т. е. возрожденія) родной страны; они всѣ съ нимъ—своимъ учителемъ—идутъ въ одну громаду,

скованные святой думкой, они ломаютъ скалу и т. д.“ Кружокъ „Подольскихъ“ учителей, въ день похоронъ педагога Б. Гринченка (1910 г.), „присоединилъ свои горькія слезы къ слезамъ всей Украины надъ гробомъ великаго поборника за родное просвѣщеніе и (родную) школу“. Въ 1911 г. „гуртокъ народныхъ учителей съ Волини“ почтилъ память умершаго фактическаго редактора укр. педагогич. журнала „Світла“ присылкою денежной ленты въ редакцію. Прошлымъ лѣтомъ „Рада“ опубликовала цѣлый рядъ адресовъ, коими южнорусское учительство привѣтствовало украинскую партію въ Галиціи съ окрѣпшими надеждами на украинскій университетъ во Львовѣ. Изъ 660 учителей-курсистовъ въ Кіевѣ такой адресъ подписало 268 душъ, аттестуя себя „украинскимъ народнымъ учительствомъ, *сознающимъ нужды неденаціонализованнаго слоя украинскаго народа, т. е. крестьянства*“. Подъ адресомъ „учителей изъ Екатеринославщины“ имѣется 103 подписи; эти господа „понимаютъ великое значеніе украинскаго университета для *всего* украинскаго народа“. Болѣе полусотни народныхъ учителей церковно-приходскихъ школъ подольской епархіи, въ аналогичномъ адресѣ, объявляютъ себя „ежедневными *свидѣтелями* калѣченія (!) человеческой природы“. Имъ вторитъ другой „гурт учителей з Поділля“ въ числѣ 15 душъ, а также 25 учителей и учительницъ харьковскихъ земскихъ курсовъ. Роль „рака съ клешней“ въ этой адресной буффонадѣ приняли на себя 11 слушателей пчеловодныхъ *земскихъ* курсовъ въ г. Сквирѣ кіевской губ. Роль другого рака принадлежитъ, по праву, юному потомству Подольскаго духовенства. Въ 1910 г. изъ К.-Подольска воспитанниками трехъ старшихъ классовъ семинаріи послана, за 180 подписями, отцу М. Сендерко благодарность „за выступленіе въ Гос. Думѣ по вопросу обь украинской школѣ“. Въ 1911 г. епархіальному съѣзду Подольскаго духовенства семинаристами подано было прошеніе о выполненіи постановленія ввести въ семинаріи уроки украинской исторіи и исторіи украинской литературы. Прошеніе подписали 513 воспитанниковъ, почти вся семинарія.

§ 52. Внеклассная работа учителей. Разъѣзжаясь съ курсовъ, „сознательные“ народные учителя возвращаются въ села съ готовой, коллективно обсужденной программой. Подпольныя занятія ихъ въ школѣ съ учениками украинскимъ чтеніемъ и письмомъ не реферируются украинской прессой, по весьма понятнымъ мотивамъ. Зато, она съ любовью отмѣчаетъ пропаганду народными учителями въ селахъ искусственнаго

„у. д.“
387—389.

(литературнаго) украинскаго языка чрезъ постановку въ селахъ украинскихъ пьесъ и номеровъ декламации. Нужно думать, что предрасполагающимъ моментомъ къ возникновенію у народныхъ учителей такой нелегальной сознательности служить во многихъ случаяхъ недостаточная ихъ подготовленность къ несенію своихъ обязанностей. По крайней мѣрѣ, „Світло“ отмѣчаетъ, что „наши сельскіе учителя говорятъ, если не на чистомъ украинскомъ языкѣ, то часто на искусственно-созданномъ жаргонѣ изъ украинскихъ, испорченныхъ великорусскихъ и иностранныхъ словъ“. Полагаемъ, что такіе учителя лишь по недоразумѣнію попали на учительскія мѣста.

Многочисленныхъ иллюстрацій школьной и внѣшкольной пропаганды украинства народными учителями, какъ собранныхъ въ нашемъ прежнемъ трудѣ, такъ и зарегистрированныхъ прессой позднѣе, мы, по недостатку мѣста, не приводимъ.

„У. Д.“
390 и
396—398.
401—402.

§ 53. Выводы. Въ послѣднее время, потерпѣвъ нѣсколько аварій въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ по вопросу объ украинизации школы, украинская партія охотно увѣряетъ, что вопросъ объ обученіи на родномъ языкѣ сводится (конкретно) пока „всею только къ допущенію народнаго языка въ качествѣ вспомогательнаго средства“ въ южнорусскую школу. Такой скромный постулатъ (осуществленіе коего съ 1906 г. министерствомъ разрѣшено въ смыслѣ пользованія малорусскимъ нарѣчіемъ во время классныхъ объясненій) совершенно не вяжется съ той картиной разгрома русскаго культурнаго строительства, его бойкотированія, которую мы видимъ и на учительскихъ курсахъ, и на эстрадѣ деревенской школы: учителя народные (нѣкоторая ихъ часть, конечно) строятъ ступени той лѣстницы партикулярнаго украинства, на которую указываетъ имъ перстъ гг. Ефремовыхъ. Мы не въ состояніи опредѣлить, какой процентъ народныхъ учителей уже распропагандированъ въ этомъ направленіи, но мы скажемъ, вмѣстѣ съ чешскимъ публицистомъ Павлѹ, что народъ идетъ за тѣмъ, кто несетъ ему духовную пищу. Будемъ же оберегать нашъ народъ отъ педагоговъ, несущихъ ему вмѣсто русскаго хлѣба скверный львовскій фальсификатъ.

Сводка даваемого прессой фактическаго матеріала показываетъ намъ, что пропаганда украинства пустила наиболѣе глубокіе корни въ земскихъ школахъ харьковской губ. и въ церковно-приходскихъ школахъ подольской губ. Если мы посмотримъ на таблицу I объ элементарной грамотности (стр. 86), то тотчасъ же убѣдимся, что населеніе обѣихъ названныхъ

губерній (малорусское въ $\frac{4}{5}$ своего состава) является въ дѣлѣ просвѣщенія болѣе отсталымъ, чѣмъ населеніе другихъ губерній Юга. Земская харьковская губ. (гдѣ малороссы составляютъ 80% населенія) отстала въ элемент. грамотности не только отъ неземской губ. кievской (съ такимъ же процентомъ малороссовъ), но и отъ сосѣдки своей—полтавской губ., гдѣ малороссовъ 93% и гдѣ, съ точки зрѣнія украинской партіи, населеніе ту же должно поддаваться воздѣйствію русской школы. Столь безотрадная позиція харьковской губ. вопіетъ громко и къ небесамъ, и къ здравому разсудку о мракобѣсіи и обскурантизмѣ педагогической платформы украинской партіи. Характерно, что педагоги „Світла“ протестуютъ противъ введенія обязательнаго обученія на Югѣ, „ибо, тревожно поясняетъ „Світло“, при томъ положеніи начальной школы, когда народу не гарантированы первыя элементарныя основы обязательнаго обученія—преподаваніе на родномъ для каждой націи языкѣ, вопросъ (объ обязательномъ обученіи) *преждевремененъ*“. Въ этой *свѣтобоязни*, голой и неприкрашенной свѣтобоязни, заключается и мозгъ, и нервы украинскаго движенія, его исповѣдь и его самобичеваніе.

Какъ курьезъ сообщимъ, что украинской прессой въ Россіи охотно публикуются проспекты „Курса подготовляющаго селянскихъ хлопцівъ та дівчатъ до українськихъ гімназій“, устраиваемаго проф. Герасевичемъ въ с. Черневѣ (въ Галиціи) и имѣющаго цѣлью, за минимальную плату (5—6 рублей въ мѣсяць) украинизировать нашихъ малорусскихъ дѣтей. Для приманки добавляется, что окончаніе 4 классовъ „украинской“ гимназій даетъ право (?) поступить въ кievскую коллегію Галагана, но... послѣ выдержанія конкурснаго экзамена. Газета „Маяк“ учитъ даже родителей тѣмъ обходнымъ путемъ, какими они могутъ надуть администрацію, ходатайствуя о заграничныхъ паспортахъ при отправкѣ дѣтей за кордонъ.

Глава XI.

Организациі и пути пропаганды.

§ 54. Просвѣты. Законъ 4 марта 1906 года о союзахъ и „У. Д.“ обществахъ далъ возможность украинской партіи развернуть ^{74.} въ Россіи преимущественно на Югѣ, цѣлую сѣть собственныхъ 196—198. 272—277. ныхъ организаций. Наиболѣе вредными являются „народно- 446—447.

просвѣтительныя“ учрежденія или Просвиты, подражающія львовскому обществу этого имени; по мнѣнію украинской прессы, онѣ *воспитываютъ населеніе въ украинскомъ національномъ духѣ и приучаютъ общество къ работѣ на почвѣ украинства*. По уставу Кіевской Просвиты, послужившему образцомъ для всѣхъ прочихъ, „Общество ставитъ своей цѣлью содѣйствовать развитію *украинской культуры* и, главнымъ образомъ, просвѣщенію украинскаго народа на его *родномъ языкѣ* путемъ книгоиздательства, организаціи библиотекъ, читаленъ, книготорговель, лекцій, чтеній, курсовъ, спектаклей, а также путемъ открытія школъ и другихъ просвѣтительныхъ учреждений“.

Изъ открывшихся за 1906—1908 гг. въ Россіи 14 украинскихъ Просвитъ доселѣ уцѣлѣло 6. Просвиты Кіевская, Житомирская, Одесская и Черниговская были закрыты администраціей, а Просвиты во Владивостокѣ, Екатеринодарѣ, Грубешовѣ и Сѣдлецѣ погибли отъ худосочія. Двѣ покойницы заслуживаютъ краткаго некролога. *Кіевская Просвита*, сгруппировавшая отборныхъ и опытныхъ дѣятелей украинской партіи, задавала въ теченіе почти 4 лѣтъ тонъ всему украинскому движенію въ Россіи. *Ея закрытіе*, по словамъ „Рады“, *очень вредно повліяло на все украинско-просвѣтительное движеніе въ Россіи*. Кромѣ издательской дѣятельности, отличавшейся тенденціозностью и привлекаяшей крупныя пожертвованія изъ Львова, Кіевская Просвита устраивала въ городѣ и его предмѣстьяхъ украинскія популярныя лекціи и народныя чтенія (по „украинской“ беллетристикѣ), а также концерты и спектакли. *Житомирская Просвита* поставила себѣ задачу „*основывать частныя народныя библиотеки и жертвовать книги въ существующія библиотеки*“.

Здравствующія Просвиты въ Баку, Мелитополѣ, Николаевѣ и Новочеркасскѣ сидятъ съ пустой кассой и не имѣютъ значенія; Бакинская существуетъ, повидимому, только юридически и своего раіона (всего Кавказа) не собираетъ обслуживать. Просвиты Екатеринославская и Подольская интересны не сами по себѣ, а своими сельскими подотдѣлами или „филиями“.

Первая Просвита имѣетъ 5 филий въ окрестностяхъ Екатеринослава и 4 филии въ фабрично-заводскихъ селахъ Новомосковского у. Дѣтищемъ, которое давно переросло свою мать, является филия въ с. Мануйловкѣ. *Мануйловская сельская Просвита* своею энергичной дѣятельностью перещеголяла всѣ

другія Просвиты въ Россіи. Она съ конца 1910 г. помѣщается въ собственномъ зданіи, гдѣ устраиваетъ украинскіе спектакли, концерты, „*семейные вечера для учениковъ низшихъ и среднихъ (!) школъ*“ и дѣтскія „*ѣлки*“, гдѣ сотнями раздаются украинскія брошюры; въ 1911 г. въ шевченковскую годовщину въ селѣ *никто не работалъ*, а просвитяне устроили торжественный актъ, при чемъ залъ былъ украшенъ портретами М. Драгоманова и Б. Гринченка; Просвита, наконецъ, послала въ 1911 г. въ Москву на просвѣтительный съѣздъ своего делегата ратовать за украинизацію народныхъ школъ.

Сравнительное процвѣтаніе отдѣловъ Екатеринославской Просвиты зависитъ отъ участія въ нихъ элементовъ рабочаго класса, распропагандированныхъ социаль-демократической фракціей украинской партіи. Съ Мануйловской Просвитой въ очень тѣсныхъ сношеніяхъ находятся рабочіе Нижнеднѣпровскихъ ж.-д. мастерскихъ, гдѣ пропаганду вель „уголовный“ членъ 3-й Гос. Думы—Кузнецовъ.

Каменецъ-Подольская Просвита развила свою дѣятельность при ближайшемъ участіи духовенства, во главѣ коего стоялъ украинофиль-епископъ Парфеній. Просвита открыла см. § 24. городскую и 4 сельскія библиотеки-читальни, завѣдуемая приходскими священниками, которые произвольно расширяютъ районъ дѣятельности читаленъ. Эти библиотеки обслуживаютъ не только товарищей-просвитянь, но и служатъ для всеобщаго пользованія; этого мало, *книжки* изъ библиотекъ *раздаются и въ сосѣднія села*; въ значительныхъ размѣрахъ организована (нелегально) и продажа книгъ. Закрытая нынѣшнимъ лѣтомъ читальня въ с. Печерѣ устраивала вечера украинской декламации въ память Шевченка и Б. Гринченка.

Прототипомъ Просвитъ въ Россіи является существующее съ 1896 года „С.-Петербургское благотворительное общество для изданія дешевыхъ и общепользныхъ книгъ“, которымъ съ 1899 года по 1912 годъ издано 67 украинскихъ брошюръ, въ томъ числѣ популярная исторія Украины М. Грушевскаго, букварь и двѣ хрестоматіи. Всего за 13 лѣтъ выпущено 795 т. экз. брошюръ; изъ нихъ 417 тыс. экз. продано, а 76 тыс. экз. разослано бесплатно. Десять украинскихъ брошюръ были одобрены министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ для низшихъ школъ земледѣлія и садоводства, а нѣкоторыя изданія тѣмъ же министерствомъ субсидировались, не взирая на протесты со стороны министра народнаго просвѣщенія. Изъ преисъ-куранта, вышедшаго въ августѣ настоящаго

года, видно, что 4-е изд. одной из брошюр (Чикаленка — „Худоба“) допущено М. Н. Пр., не взирая на фонетическую орфографию, в библиотеки учит. семинарий, в учительские библиотеки начальных училищ и в бесплатные народные читальни и библиотеки.

В 1910 г. О-во унаследовало около 100 тыс. экз. изданий закрытой Киевской Просвиты. Издательская деятельность последней отчасти, впрочем, ожила из-под пепла; благодаря закону о „товариществах на вере“, неподчиненных правительственному контролю, в Киев возникли по-прежнему товарищества „Украинский Агроном“, „Учитель“ и „Техник“, имеющие целью пропаганду украинского языка изданием брошюр для народа, а также т-во „Наша Кооперация“, издающее весьма тенденциозную украинскую газету см. § 28. того же наименования.

Деятельность „Просвита“ и аналогичных организаций признана была, еще по указу Правит. Сената от 18-го июля 1908 г., вредной и „могущей вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию и безопасности“. Мы видим, однако, что даже самая уродливая и преступная форма просвительства — сельские Просвиты на Екатеринославщине — растут и множатся, благодаря тому, что наше законодательство отстало от современной жизни и тем сделало правительственные органы беспомощными в борьбе с такими организациями.

§ 55. Клубы („громады“) и кружки („гуртки“). По справедливому отзыву украинской прессы, украинские клубы должны быть оцениваемы, как „школа организованной работы, как почва для взращивания украинской сознательности в элементах до того инертных и безучастных“. К пяти таким клубам в России (в Варшаву, Киев, Одессу, Петербург и Ригу) в текущем году прибавились клубы в Благовещенске и Полтаву. Варшавский клуб, где работает преимущественно местное студенчество, устраивает вечеринки с продажей украинской прессы, а доходы употребляет на субсидирование издательства украинских учебников. Одесский клуб представляет обычный карточный притон. Петербургская „громада“ выделила из своей среды педагогическую секцию „для разработки и популяризации украинской дошкольной и школьной педагогики“. В Рижской „громаде“ членов много, но даже среди старшин очень мало знакомых с малорусской речью; к громаде очень благоволяет местная газета „Прибалтийский Край“, а также все

немецкие и особенно латышские органы; одна латышская газета пропагандирует даже идею украинско-латышских литературных вечеров для сближения обоих народов.

Закрытый прошлой осенью Киевский укр. клуб очень скоро воскрес и называется теперь „Родина“ (т. е. „Семья“). Поводом к закрытию клуба послужило формальное нарушение библиотечных правил; главной же причиной было то обстоятельство, что во время прошлогодних педагогических курсов для народных учителей клуб устроил у себя несколько рефератов, на которые в качестве гостей были приглашены учителя-курсисты. Слушать эти рефераты, имеющие целью пропаганду „украинской“ культуры и „украинского“ просвещения, т. е. свращавшие учителей с пути их профессионального долга, являлось по 300—350 курсистов в вечер.

Украинские музыкально-драматические „гуртки“ существуют в Москве („Кобзарь“), Полтаву („Баян“), Лубнах, Харькове и Воронеже. Полтавский „гурток“ преследует и просветительные, т. е. „просветные“ задачи. Более опасны сельские драматич. кружки для постановки украинских пьес. Таких кружков, организованных „сознательными“ агитаторами, много в селах подольской, херсонской и харьков- см. § 60. ской губ., а также в лубенском у. полтавской губ. В двойном подозрительными представляются, поэтому, организованные сознательными украинцами Кобелякское и Лубенское о-ва содействия начальному народному просвещению (?) и полезным развлечениям.

§ 56. Студенческие организации. Украинские студенческие „гуртки“ или „громады“ существуют почти во всех городах, где есть высшие учебные заведения (кроме Казани). Двойную роль этих организаций украинская пресса рисует так: „непосредственно они влияют на самих студентов, превращая их из малороссов в украинцев; посредственное влияние — шире; студент несет потом пропаганду украинства в деревню, в служебную корпорацию, в семью“. Старейшая харьковская „громада“ основана в 1900 г. Революционную Украинскую Партию; позднее „громада“ обсуждала желательность бойкота невест-великороссиенок. Свою партийную ортодоксальность харьковские студенты доказали адресом на имя львовского проф. Грушевского, аттестуя его, как „дьятеля соборной Украины“. Громада студентов Киевского политехникума обратилась к тому же г. Грушевскому,

какъ „къ свѣточу праведнаго гнѣва“. Такое смиренномудріе громады граничитъ съ самооплеваніемъ, ибо въ ея составѣ громадный перевѣсъ великороссовъ надъ малороссами. Въ Петербургѣ студенческіе „гуртки“ при университетѣ, Бестужевскихъ курсахъ и психо-неврологическомъ институтѣ организованы прив.-доц. А. С. Грушевскимъ. „Громада“ с.-петербургскихъ студентовъ-технологовъ въ декабрѣ 1911 года брательна со студентами-поляками и призывала ихъ „къ совмѣстной работѣ“—въ Западной Руси. Въ концѣ прошлаго года „громады“ всѣхъ высшихъ школъ Харькова объединились въ (незаконный) союзъ, именуя его „загальною громадою“.

Наблюдаются, однако, и явленія иного порядка: наглый шовинизмъ громадянъ въ варшавскомъ университетѣ и кievскомъ политехникумѣ встрѣтилъ въ прошломъ году дружный отпоръ со стороны прогрессивной части великорусскаго (и бѣлорусскаго) студенчества, укротившаго нѣсколько „украинскую“ прыть; въ началѣ нынѣшняго года подобныя симптомы наблюдались и въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ.

У. Д. 286—292 464—466. § 57. Научныя и политическія общества. Научныхъ обществъ украинской партіи въ Россіи два: въ Харьковѣ и Кіевѣ. Украинское „Наукове товариство“ въ Кіевѣ, организованное въ 1907 г. по образцу львовскаго и предсѣдательствуемое тѣмъ же М. Грушевскимъ, издало за 6 лѣтъ 12 выпусковъ своихъ „Записокъ“, гдѣ украинскій литературно-научный языкъ засоренъ полонизмами вольными и невольными не меньше, чѣмъ языкъ львовскихъ писателей-украинцевъ. Неумѣлая „ковка“ словъ, допускаемая „Записками“, возмутила даже дружественную къ нимъ „Ряду“. Хотя *ошибки въ языкѣ*, пишетъ рецензентъ „Ряды“,—*общій недугъ современныхъ украинцевъ*, но и тутъ есть *modus in rebus*, не позволяющій мириться съ такими выраженіями въ „Запискахъ“... (слѣдуетъ перечень). Половину матеріала „Записокъ“ составляютъ статьи ихъ редактора проф. Перетца и слушателей организованнаго имъ „при университетѣ Св. Владиміра“ филологическаго семинарія; проф. Перетць—ученикъ В. Антоновича. Изданные т-вомъ три сборника (по медицинѣ и техникѣ) превосходятъ безграмотностью (даже въ „украинскомъ“ смыслѣ) всякое вѣроятіе. На вопросъ, для чего существуютъ „Записки“, находимъ отвѣтъ у украинскаго публициста Ефремова. „По обыкновенію, говоритъ онъ, для чужого глаза мы желаемъ, чтобы и у насъ, какъ у людей было“.

Харьковское историко-филологическое общество укра-

инизировалось съ 1907 года и, послѣ 18 научныхъ русскихъ сборниковъ, издаетъ 19-й сборникъ „Пошану“ и 20-й—„Прогрессу“. Въ мартѣ 1911 года общество выступило въ Воронежѣ на Костомаровскомъ юбилеѣ съ адресомъ на украинскомъ языкѣ. Фетишизмъ предсѣдателя общества проф. Сумцова предъ божкомъ украинства довелъ его въ публичной рѣчи до каррикатурнаго тезиса, будто „Харьковъ и Харьковщина культурными своими приобрѣтеніями въ значительной мѣрѣ обязаны предшествующей культурѣ украинскаго народа“.

Въ качествѣ чисто политической организациі фигурируетъ въ Россіи украинская секція Московскаго „Общества славянской культуры“. Въ рѣчи на открытіи секціи предсѣдатель о-ва проф. Коршъ пояснилъ, что она выступаетъ на поле борьбы за идею кирилло-меѳодіевцевъ; непосредственно послѣ рѣчи г. Корша читался адресъ отъ польской секціи Общества. При добромъ желаніи можно было протянуть нить воспоминаній и дальше, вплоть до 1610 г., когда поляки купно съ запорожцами засѣли въ Кремль и Китай-Городѣ, чтобы заводить у насъ новые порядки. Украинская секція немедленно пошла на сближеніе съ секціей польской. Отчетъ общества за 1910 годъ съ гордостью цитируетъ резолюцію обѣихъ секцій, что „польско-украинскія отношенія сложатся сами собой благоприятно, лишь только Кіевъ станетъ центромъ украинской жизни, а Варшава—центромъ всей жизни польской“.

Другимъ политическимъ мухоморомъ является кievское „Общество друзей мира“, состоящее на двѣ трети изъ поляковъ-украинофиловъ, „сознательныхъ украинцевъ“ и евреевъ. О-во увлекается парниковой культурой мѣстныхъ „национализовъ“, заслушиваетъ рефераты на украинскомъ языкѣ и стремится утвердить за Юго-Западн. краемъ репутацію края нерусскаго. Весною 1910 года предсѣдатель о-ва, потомокъ ополяченнаго малорусскаго рода, исходатайствовалъ для общества „апостольское благословеніе“ римскаго папы; такъ состоялось символическое цѣлованіе отъ имени „сознательныхъ украинцевъ“ той папской туфли, которая 300 лѣтъ назадъ, опершись пятой на кievскую гору Киселевку, давила святія горы обители Печерской. Въ прошломъ году дипломы почетныхъ членовъ о-ва получили: луцко-житомірскаго бискупъ Жарновецкаго, переводчикъ Евангелія на украинскую мову—архіепископъ Парфеній и перешедшій изъ польскаго лагеря въ сознательно-украинское стадо львовскій униатск. митрополитъ, грабя Шенцицкаго. Тогда же о-во выразило свой мо-

гучій протестъ противъ „выдѣленія Холмщины въ отдѣльную губернію и противъ реформъ (?) въ ея управленіи“.

„У. Д.“
293—297.
314—318.

§ 58. Народныя бібліотеки и лекторіи. Для распростра-
ненія и рекламированія украинской печати главными путями
являются бесплатныя читальни, книжные склады, сельскіе
кооперативы и выставки. Украинскій отдѣлъ Харьковской
городской бібліотеки пользуется особымъ вниманіемъ хозяевъ
города, отпускающихъ ежегодно на его расширение значи-
тельныя суммы; 3 читальни Харьковскаго общества грамотно-
сти, находящіяся въ предмѣстьяхъ, снабжены также богатымъ
выборомъ украинскихъ книгъ. Существуютъ украинскіе отдѣлы
читаленъ въ уѣздныхъ городахъ черниговской и полтав-
ской губ., а также въ г. Житомирѣ. Болѣе грозное значеніе
имѣетъ украинизація сельскихъ бібліотекъ. Пальму первен-
ства нужно отдать, какъ мы видѣли, Харьковскому земству,
издающему антикультурные и антирусскіе бібліотечные ката-
логи. Въ концѣ 1910 г. это земство выписало 13 тыс. укра-
инскихъ брошюръ; теперь масштабъ предстоитъ пошире...
Новоиспеченное Кіевское земство въ выпущенныхъ катало-
гахъ учреждаемыхъ народныхъ бібліотекъ помѣстило 11 проц.
украинскихъ книгъ. Каталогъ губернской управы и, особенно,
каталогъ Сквирской уѣздной управы содержатъ и тенденціоз-
ныя произведенія. Изъ земскаго отчета (за 1911 г.) видно,
что украинскія книги въ селахъ пользуются малымъ спросомъ,
а иногда и вовсе не берутся крестьянами изъ бібліотекъ.
Въ полтавской и черниговской губ. нѣкоторыя уѣздныя
управы (Гадячская, Лохвицкая, Новгородсѣверская) ведутъ
продажу украинскихъ книгъ. Частныя украинскія книготор-
говли существуютъ; 3—въ Кіевѣ и по одной въ Харьковѣ,
Полтавѣ, Кременчугѣ, Одессѣ и Елисаветградѣ; въ послѣднее
время такія лавочки стали появляться во многихъ селахъ,
особенно при кооперативахъ. Украинскія издательства высту-
паютъ на многихъ земскихъ выставкахъ; въ 1911 г. земства
награждали такіе экспонаты въ Черниговѣ, Бахмутѣ, въ Бѣ-
лой-Криницѣ на Волини; въ Гадячѣ и Ромнахъ выдано по
6 медалей за украинскія книги, а областная выставка 1910 г.
въ Екатеринославѣ наградила золотой медалью украинскіе
учебники. Въ прошломъ году украинская литература удосто-
илась наградъ на выставкахъ Васильковскаго земства нашей
губ. и одного сельско-хоз. общества на Полтавщинѣ; сейчасъ
она ждетъ лавровъ отъ нашей всероссійской выставки. Про-

тивъ украинской литературы высказались въ прошломъ году
Переяславское и Прилукское земства полтавской губ.

Украинскія народныя чтенія систематически ведутся лишь
въ харьковской губ. Харьковское общество грамотности при-
знаетъ за ними, „при отсутствіи украинскихъ школъ и библи-
отекъ, главную роль въ дѣлѣ украинскаго просвѣщенія“ и
отводитъ имъ много мѣста, располагая въ Харьковѣ четырьмя
лекторіями въ городѣ и двумя при тюрьмахъ, а также обслу-
живая 120 пунктовъ въ губерніи своими брошюрами и діапо-
зитивами. Особенной торжественностью отличаются картины
къ біографіи Гринченка. Въ другихъ южныхъ губ. въ каче-
ствѣ „украинскихъ“ лекторовъ выступаютъ земскіе агрономы
и всякіе инструкторы. Полтавское сельско-хоз. о-во устраи-
вавшее въ началѣ настоящаго года курсы съ украинскими
лекціями, работало солидарно съ правительственной земле-
устроительной комиссіей.

Любимой лекторіей для сельскаго населенія является
церковная кафедра, откуда народъ привыкъ слушать и Слово
Божіе, и манифесты своихъ Монарховъ. Украинская партія
не щадитъ усилій для использования этой позиціи для своихъ
цѣлей. Церковная проповѣдь служитъ орудіемъ пропаганды
украинскаго языка и бойкотированія русской рѣчи чаще всего
въ Екатеринославской и Подольской епархіяхъ; въ послѣдней
выпущено даже 2 сборника проповѣдей на украинско-львов-
скомъ жаргонѣ. Спѣшимъ оговориться, что мы считаемъ вполне
естественнымъ участіе нѣкоторыхъ малорусскихъ словъ (лек-
сическаго элемента) въ сельской проповѣди южно-русскаго
священника, если онъ ограничивается стремленіемъ къ про-
стонароднымъ оборотамъ рѣчи для ея удобопонимаемости;
насъ возмущаетъ поддѣлка интеллигента подъ народную фо-
нетику и употребленіе „кованныхъ“ словъ, непонятныхъ
народу.

§ 59. Сельскіе кооперативы. Къ южно-русскому коопе-
ративному дѣлу украинская партія примазывается системати-
чески. Первый кличъ проф. Грушевскаго—въ началѣ 1910 г.
гласилъ: „Тамъ, гдѣ закрыты дороги къ политической борьбѣ,
къ организаци и къ агитаціи, какъ это мы видимъ нынѣ на
Украинѣ россійской, тамъ единственной дозволенной для об-
щества формой организациій будетъ работа въ кооперативной
сферѣ“. Газета „Рада“ подтвердила, что „вліяты на психику
людей, не обладающихъ національной сознательностью, легче
всего съ помощью работы на экономическомъ поприщѣ“. По

„У. Д.“
298—301.

мнѣнію газеты „Рилля“, вмѣстѣ съ кооперативной идеей и за нею по пятамъ должна идти идея національная. Въ той же газетѣ была помѣщена агитаціонная статья (на укр. яз.) земскаго инструктора Несторенка. На „Украинѣ“, поучаетъ онъ, товариществамъ *не русскихъ газетъ нужно—это все уже отжило свой вѣкъ и теперь негодится*,—нужно и необходимо, чтобы у насъ экономическая и культурная работа стояла на твердомъ національномъ фундаментѣ; нужно хорошенько запомнить, что мы прежде всего украинцы, а потомъ уже и кооператоры, и земледѣльцы, и ремесленники“. Уже сейчасъ сельскіе кооперативы Подольской губерніи заполнены украинской прессой, а мѣстные земскіе инструкторы принимаютъ подписку на нее; кооперативы Полтавщины заводятъ продажу украинскихъ брошюръ. Кіевскій „союзъ учрежденій мелкаго кредита“ издаетъ съ настоящаго года двуязычный еженедѣльникъ „Комашню“ („Муравейникъ“). Изъ 91 товарищества четыре не выписываютъ этого органа, 25 товариществъ получаютъ по 1 экз. Зато Немиринецкое т-во подписалось на 109 экз., Верховенское т-во на—75 экз., четыре т-ва получаютъ по 50 экз. и 32 т-ва выписываютъ 10—45 экз. каждое. Съ каждымъ номеромъ „Комашни“ русскій текстъ все болѣе и болѣе вытѣсняется фонетическо-украинскимъ мусоромъ; да и тѣ русскія статьи, которыя удаются помѣщенію, представляютъ иногда глумленіе надъ русской популярной литературой. Такъ, въ № 9 „Комашни“ на одной лишь страницѣ популярнаго разсказа намъ попались такія слова, какъ „авторъ“, „иниціаторъ“, „организоваться“, „микроскопическая“, „микроскопичиѣ“ или выраженія: „въ неудобной формѣ“, „кредитки могутъ потерять курсъ своего достоинства“. Думаемъ, что допущеніе такой прессы въ деревню является преступленіемъ противъ народнаго просвѣщенія и народнаго блага.

§ 60. Украинскіе спектакли и концерты. Украинскій театръ можетъ быть названъ средствомъ „воспитательнымъ на изнанку“. Весь его репертуаръ, это ширмы, заслоняющія отъ аудиторіи русскую рѣчь, взамѣнъ чего публика привыкаетъ къ „кованнымъ словечкамъ“. Передѣлки и переводныя пьесы (преимущественно съ русскаго языка) и такъ называемыя „сюртучныя“ пьесы лишены и художественной правды, ибо выдають за языкъ интеллигенціи жаргонъ, не встрѣчающійся въ жизни. Тенденціозныя или „идейныя“ пьесы сѣютъ культурно-политическій сепаратизмъ. Въ одной, напр., грубо высмѣивается малороссъ, принесшій изъ военной казармы

на родину знакомство съ русской рѣчью; въ другой—„исторической“—малороссы жаждутъ „истолочь въ ступѣ Москву, которая не лучше ляховъ и татарвы“. Профессиональныхъ укр. труппъ сейчасъ на Югѣ около 30; въ Харьковѣ и Кіевѣ городскія думы рядомъ льготъ и поблажекъ ставятъ ихъ внѣ конкуренціи по общедоступности. Любительскіе кружки въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ Юга представляютъ мало интереса для украинской партіи, которая направила свою агитацію на деревню. По селамъ и медвѣжьимъ угламъ украинскіе спектакли ставятся народными учителями и третьимъ земскимъ элементомъ; къ исполненію ролей привлекаются грамотная и школьная молодежь. По словамъ газеты „Рады“, театръ, какъ школу, которой у украинства еще не отняли, нужно использовать для облагороженія народной рѣчи. Любительскіе кружки газета называетъ „разсадникомъ національной сознательности“.

Программа всякихъ вечеринокъ съ украинскими декламациями, проникающихъ въ захолустье, по своей несложности, легче спектаклей, далеко не всегда свободна отъ тенденціозности. Если полтавскій полицеймейстеръ въ 1907 году подъ украинскими афишами писалъ „до друку дозволено“, то вѣдь на сельскихъ вечеринкахъ единственнымъ цензоромъ „бисовыхъ“ номеровъ является урядникъ, а на вечеринкахъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ и этого контроля нѣтъ.

Въ послѣднія 6—7 лѣтъ украинская партія воскресила кобзарей или бандуристовъ, возя ихъ по городамъ и весямъ для исполненія народныхъ и козацкихъ думъ въ концертахъ, на ярмарочныхъ площадяхъ и т. п. При московскомъ „Кобзарѣ“ уже два года существуетъ классъ игры на бандурѣ. Сейчасъ есть около десятка бандуристовъ учениковъ кобзаря Пархоменка. Репертуаръ послѣдняго, какъ доказано изслѣдованіемъ нѣжинскаго професс. Сперанскаго, таковъ: одну думу онъ получилъ отъ знакомой нѣжинской барыни, а дополнили ему думу въ Кіевѣ; три думы онъ получилъ изъ Чернигова отъ Б. Гринченка и, наконецъ, одну выучилъ отъ слѣпца, но передѣлалъ по указаніямъ Гринченка. На музыку всѣ эти думы положены современными композиторами (Лысенко и Сластіономъ). Нужно ли добавлять, что всѣ думы сепаративно-тенденціозны; дополненія можно отличить по ненародности отдѣльныхъ словъ и оборотовъ.

§ 61. Партійныя демонстраціи. Украинская партія усвоила себѣ привычку время отъ времени напоминать о себѣ

и объ украинскомъ языкѣ при помощи демонстративныхъ выступлений, связывая таковыя, обычно, со смертью своихъ дѣятелей, съ поминками, юбилеями, различными годовщинами и другими общественными событиями. Насъ подобныя демонстраціи интересуютъ постольку, поскольку онѣ помогаютъ росту украинскаго движенія, либо выясняютъ идеологию партіи и контингентъ ея друзей. Въ 1910 году состоялись въ Кіевѣ похороны Б. Гринченка, а въ одномъ изъ сель Кіевской губ. — похороны В. Доманицкаго. Изъ многочисленныхъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Гринченка, интересны съ надписями: 1) „Борцу за родную школу *отъ учителей-украинцевъ* въ Кіевѣ“ съ текстомъ изъ Апокалипсиса: „Глаголетъ Духъ, да почиють од трудівъ своихъ, *діла бо їхъ ходять вслѣдъ за ними*“; 2) „Українцу, што зернята прауды сеяу у народзе, думавъ абъ счасці і абъ свабодзе—Беларусы“; „Niestrudzonemu działa-czowi ukraińskiemu—przujazni polacy“—„Неутомимому украинскому дѣятелю отъ дружественныхъ поляковъ“ и 4) вѣнокъ изъ Львова „отъ обществъ галицкой Украины“—„Борцеві за визвіл України“, т. е. „Борцу за освобожденіе Украины“. Изъ десятка *рѣчей* было произнесено 7 по-украински, одна на бѣлорусскомъ жаргонѣ и *двѣ по-польски*. Одинъ польскій ораторъ распространялся о настоящей эпохѣ, „когда отовсюду ставятся препоны съ цѣлью задержать развитіе національныхъ культуръ“. Другой польскій общественный дѣятель высказалъ украинцамъ пожеланіе, чтобы они „возможно скорѣе увидали осуществленіе своихъ высокихъ стремленій“. Изъ корреспонденціи упомянемъ о письменномъ выраженіи соболѣзнованія отъ Академіи Наукъ на львовско-украинскомъ жаргонѣ. На гробъ Доманицкаго—крупнаго дѣятеля украинской партіи, талантливаго крестьянскаго агитатора и посредственнаго украинскаго литератора, вѣнковъ было возложено меньше, но надписи на лентахъ дышали столь же кричащимъ украинскимъ шовинизмомъ. Недавно тоже продѣлывалось на похоронахъ композитора Н. Лысенка и поэтессы Леси-Украинки въ Кіевѣ.

Въ 1911 году украинская партія примостилась коѣ-гдѣ къ празднованію юбилея манифеста 19 февраля 1861 года. Такъ, въ г. *Екатеринославѣ*, на торжественныхъ актахъ *во встьхъ* среднеучебныхъ заведеніяхъ исполнялись номера украинской *декламаціи* (и пѣнія). Тоже самое было и въ школахъ губерніи: украинская *декламація* (и пѣніе) занимали видное мѣсто въ программѣ школьныхъ празднествъ.

Повторяющееся изъ года въ годъ празднованіе „роковинъ“ Шевченка, т. е. годовщины дня его рожденія (25-го февраля) или дня его смерти (26 февраля), даетъ поводъ къ устройству многочисленныхъ вечеринокъ, спектаклей, концертовъ и даже школьныхъ актовъ. Въ Галиціи этотъ день посвящается украинской партіей на брань по адресу Россіи; у насъ эта партія ограничивается стонами отъ имени „порабощенной и угнетенной украинской націи“. Пользуясь этими поминками, украинская партія навѣшиваетъ на беззащитнаго поэта, какъ на флагштокъ, свои собственныя вождѣленія, свою современную платформу. Называя эти празднества литературными, партія утилизируетъ на нихъ изъ шевченковской литературы преимущественно тенденціозно-политическія произведенія, подчеркиваетъ въ нихъ руссофобскія фразы. Съ 1905 года производится полтавскимъ земствомъ и особымъ комитетомъ при кіевской думѣ сборъ денежныхъ пожертвованій на постановку въ Кіевѣ памятника Шевченку. Доселѣ собрано болѣе 120 тысячъ рублей. Къ сожалѣнію, въ число членовъ кіевскаго комитета попало нѣсколько видныхъ дѣятелей украинской партіи, и симпатичное дѣло увѣковѣченія памяти геніальнаго народнаго лирика сразу оказалось поставленнымъ на ненадлежащую дорогу: по селамъ рассылаютъ и, черезъ своихъ чловѣчковъ, даже расклеиваютъ кое-гдѣ въ сельскихъ сборныхъ (екатеринославской губ.) плакаты съ весьма тенденціозной біографіей поэта на украинскомъ языкѣ; для усиленія средствъ на памятникъ устраиваются во многихъ мѣстахъ литературныя вечеринки съ чтеніемъ тенденціозныхъ образцовъ музыки Шевченка и съ пріученіемъ публики къ демонстраціи чрезъ вставанье во время исполненія антирусскаго „Заповіт’а“ и т. п. Сборы на памятникъ, поэтому, превращаются въ рядъ мелкихъ рычаговъ, споспѣшествующихъ работѣ „сознательныхъ украинцевъ“.

§ 62. Государственный украинскій флагъ. Большинство „у. д.“ „украинскихъ“ публицистовъ въ Галиціи и всѣ „сознатель- 212—214. ные“ украинцы въ Россіи сходятся на томъ, что „національнымъ цвѣтомъ для украинскаго народа нужно считать традиціонную комбинацію синяго съ желтымъ“. Право украинцевъ на національную „одзнаку“ предполагается очевиднымъ: указывается на примѣръ древнихъ галловъ и современныхъ ирландцевъ и напоминается, что „теперь *во встьхъ странахъ* (?) есть свои національные цвѣта“. Историческая традиціонность малиноваго цвѣта (знамена современныхъ радикальныхъ „Сѣ-

чей“ въ Галиціи) многими оспаривается и ирридентистами не признается. Въ пользу сине-желтаго цвѣта приводится рядъ оригинальныхъ мотивовъ; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) *Гонта и его козаки* одѣвались въ желтые жупаны и голубые кунтуши и шаровары; 2) Комбинаціи желтаго и синяго цвѣтовъ можно видѣть на старыхъ коврахъ и женскихъ плахтахъ (юбкахъ стариннаго кроя); 3) въ правобережной Малороссіи простой народъ украшаетъ фасадъ своихъ хатъ синимъ цвѣтомъ, а тыль—желтымъ; 4) ни одинъ изъ *сосѣднихъ* съ украинцами *народовъ* не пользуется сине-желтымъ цвѣтомъ въ качествѣ національнаго; 5) въ польскую эпоху гербомъ „Рускаго“ воеводства былъ золотой коронованный левъ на синемъ полѣ; такимъ же гербомъ пользовалась львовская земля и г. Львовъ; 6) *для украинцевъ, какъ націи* исторически поздней (ибо еще не совсѣмъ они и стали націей), наиболѣе *исторической эмблемой*—является сине-желтый цвѣтъ, такъ какъ онъ на протяженіи 60 лѣтъ непрерывно и *сознательно употребляется австро-угорскими украинцами* въ качествѣ національнаго.

Приведенныя разсужденія едва ли оставляютъ мѣсто сомнѣнію въ томъ, что сине-желтый цвѣтъ, по лжетрадиціи отъ галицко-волинской (яко бы украинской) державы, а также отъ эпохи гетманщины и гайдамачины, избранъ украинской партіей въ качествѣ національнаго символа и лозунга „Соборной Украины“. По странному совпаденію (?), при католическихъ польскихъ церемоніяхъ въ Западной Руси фигурируютъ хоругви также сине-желтаго цвѣта, и таковой цвѣтъ признается „*панскимъ*“.

Сине-желтыя эмблемы афишируются украинской партіей совершенно безнаказанно. Три года назадъ одесское издательство „Дніпро“ выпустило въ продажу „карту земель, гдѣ живетъ украинскій народъ“. На поляхъ карты изображены *рядомъ гербы* кievскій и львовскій, а между ними протянута двуцвѣтная *желто-синяя* полоса. Ленты тѣхъ же цвѣтовъ (при вѣнкахъ) фигурировали на похоронахъ „діячей“ партіи: Лысенка и Леси-Украинки въ Кіевѣ, польскаго помѣщика Юзефа Юркевича въ Сквирск. у. Кіевск. губ., Макаренковой въ Полтавѣ, врача Коломинскаго въ Юрьевѣ. Такими же лентами украшаютъ себя и *свои корзинки* нѣкоторыя продавщицы „ромашекъ“ въ южныхъ городахъ; ихъ спутники щеголяютъ съ двуцвѣтными розетками. На всякихъ украинскихъ концертахъ (Кіевъ) распорядители безъ сине-желтой розетки немь-

слимы. Полтавская книгарня выставила въ прошломъ году въ витринѣ портретъ Лысенка, убранный „національными“ лентами. Въ текущемъ году кievская „сознательная“ труппа Садовскаго лѣпить по всему городу желтыя афиши съ голубымъ бордюромъ и, вѣроятно, будетъ еще долго лѣпить, пользуясь элементарной наивностью органовъ полицейскаго надзора.

Глава XII.

Лицо и изнанка украинства.

§ 63. Обскурантизмъ украинофильства. Украинофилы „У. Д.“
509—510
прошлаго вѣка проповѣдывали не пробужденіе въ народѣ старыхъ, хотя бы и заглохшихъ національныхъ идеаловъ, а прививку новаго узкаго національнаго партикуляризма. Старые національные идеалы Южной Руси въ *народныхъ массахъ* были при Несторѣ Лѣтописцѣ, при князѣ Константинѣ Острожскомъ, во время козацкихъ войнъ и позднѣе—только русскіе. Высшіе классы и немногочисленная интеллигенція дѣлились съ XVI вѣка на три лагеря: польскій, пошедшій съ начала XVII вѣка на убыль, русскій, находящійся къ первому въ обратно-пропорціональномъ отношеніи, и третій (немноголюдный)—космополитическій (гетманъ Разумовскій, философъ Сковорода и друг.). Съ первой трети прошлаго столѣтія зародился въ кружкахъ малорусской интеллигенціи новый лагерь (украинофильскій), который хотѣлъ отгородиться китайской стѣной отъ всякой извнѣ идущей культуры и, подобно Китаю, спать на печкѣ, пока Малороссія будетъ вариться въ собственномъ соку. Если бы украинофиламъ дали волю хозяйничать въ краѣ или оказали бы поддержку и помощь ихъ начинаніямъ, то украинофилы уподобились бы тому евангельскому рабу, который зарылъ порученный ему талантъ въ землю, подражали бы тѣмъ старообрядцамъ, которые согласны молиться лишь предъ иконами стариннаго письма, играли бы роль петровскихъ бояръ, защищавшихъ свои бороды, или шкловскихъ евреевъ, соперничавшихъ еще такъ недавно другъ передъ другомъ въ отращиваніи классическихъ „пейсовъ“. Такое *украинофильское хозяйничанье* задержало бы на цѣлыя десятилѣтія культурно-экономическое развитіе Южной Руси и

было бы для Юго-Западнаго края во многократъ *хуже* *поло-*
низацин. Намъ припоминается вѣщій голосъ П. Кулиша, ко-
торый въ письмѣ къ галицкому украинофилу А. Барвинскому
горько восклицалъ: „Мы варвары; наши мечтанія и стремле-
нія очень, въ дѣйствительности, мизерны (ничтожны)... раньше
мы погубили польскую культуру; теперь *готовы погубить*
русскую, а, ежели удалось бы, то погубили бы и общеевро-
пейскую культуру“. Это были, однако, идеалы кучки интел-
лигентовъ; въ нихъ неповиненъ народъ, какъ неотвѣтственъ
онъ и сейчасъ за идеи украинства.

„У. Д.“
335—337.

§ 64. Программа украинства. По словамъ М. Грушев-
скаго, начало созиданія современной программы украинства
относится къ послѣдней четверти прошлаго вѣка; съ тѣхъ
поръ (и до настоящаго времени) не было недостатка въ лю-
дяхъ, развивавшихъ общими силами россійской и австрійской
Украины *политическую* программу украинства въ духѣ его
старыхъ традицій—радикальнаго демократизма съ сильной со-
ціалистической окраской и національнаго федерализма; такъ
еложилась современная программа украинства, въ главныхъ
чертахъ общая Украинѣ россійской и австрійской. Эта совре-
менная *украинская программа* представляетъ собою, по сло-
вамъ профессора, *новѣйшій этапъ* того стараго общественно-
политическаго движенія, предшествующія стадіи котораго пред-
ставляетъ, напр., *хартія 1710 г.* (патентъ водевильнаго гет-
мана Орлика, скрѣпленный шведскимъ королемъ Карломъ XII.
С. Ш.) или *статутъ кирилло-мефодіевцевъ*. Въ этой совре-
менной украинской платформѣ... мотивы соціальнаго характера
совпадаютъ съ національными и тѣсно сплетаются съ ними.
Въ другой статьѣ г. Грушевскій еще болѣе рѣшительно садится
на своего стараго боевого коня—*„всеукраинство или украин-*
скій универсализмъ“, тѣсное единеніе всѣхъ частей украин-
ской земли (въ Россіи и Австріи); надъ этимъ единеніемъ дол-
женъ работать каждый гражданинъ украинской земли, ибо
лишь оно одно можетъ вести къ возрожденію разбросанныя
части украинскаго народа. Это писано профессоромъ три года
назадъ. Национальная программа является подготовительной
стадіей къ такому единенію; она сводится къ полной украи-
низацин школы, а также введенію украинскаго языка въ су-
дебную и административную практику на югѣ Россіи. Другими
словами, автономіи политической предпосылается автономія
культурно-національная.

§ 65. Политическая программа. Прислушиваясь къ го- „У. Д.“
осу украинской прессы за послѣднее трехлѣтіе, мы найдемъ 336—340.
оцѣнку политическихъ задачъ украинства. По М. Грушев- 505.
скому, въ программѣ украинства соціально-экономическая сто- 517—518.
рона тѣсно и неразрывно связана съ политической и націо-
нальной, такъ что *нѣтъ возможности отдѣлать его націо-*
нальныя требованія отъ его соціальнаго радикализма. Львов-
скій публицистъ М. Чацкій констатируетъ, что украинство
превращается все болѣе и болѣе въ *движеніе по преимуще-*
ству политическое и соціально-экономическое. Журналъ
„Світло“ пророчитъ этому движенію опредѣленное русло: „на-
родъ, затронутый національнымъ возрожденіемъ, прокладываетъ
дорогу къ культурной и соціальной независимости“. По сло-
вамъ львовскаго „Діла“, въ Россіи уже знаютъ хорошо, что
каждое національное движеніе является въ большей или
меньшей мѣрѣ движеніемъ политическимъ; національно-
культурная обособленность украинцевъ требуетъ нѣкотораго
рода политической самостоятельности. Проговорилась въ про-
шломъ году и осторожная кievская „Рада“. Культура, по сло-
вамъ газеты, конечно, не одно и то же, что политика, но...
культура и политика неразрывно связаны другъ съ другомъ
тысячами живыхъ нитей.

Въ нынѣшнемъ году „сознательный“ публицистъ Дон-
цовъ заявилъ (въ журн. „Дзвін“), что именно теперь украин-
скій вопросъ становится вопросомъ политическимъ, по пре-
имуществу; идея, писалъ онъ (въ отдѣльной брошюрѣ), затра-
гивающая интересы цѣлыхъ общественныхъ классовъ не мо-
жетъ быть чуждою политикѣ.

Въ прошломъ году проф. Грушевскій отмѣтилъ въ укра-
инствѣ еще ту черту, что оно грозитъ *ослабить національ-*
ную мощь государственной великорусской народности и даже—
самого государства; оно, слѣдовательно, вредно съ точки
зрѣнія русскихъ и славянскихъ интересовъ; ту же мысль
въ концѣ прошлаго года провелъ бывший сотрудникъ „Укр.
Жизни“, харьк. проф. А. Погодинъ, который считаетъ уни-
чтоженіе національнаго единства русскаго народа „не усиле-
ніемъ всѣмъ намъ нужной силы славянства, а ослабле-
ніемъ ея“.

Высокопробность „соціальнаго радикализма“ въ украин-
ской программѣ сомнительна. Львовскій поэтъ В. Пачовскій
предсказывалъ (въ 1907 году), что украинскій народъ будетъ
имѣть „народную державу анархистскаго характера“; въ ны-

нѣшнемъ году онъ помѣстилъ въ газетѣ „Громадскій Голосъ“ стихотвореніе съ далеко не соціалистическими лозунгами:

Хто живий—уставай, мечъ у руки хапай,
На Україну трубить Богдан!
До борби, до борби кличе голос труби—
Люд встає від Кавказу по Сян!
Наш народ великан на Ляха, Москаля—
В бій піде і поборе в борбі!
Від Кавказу по Сян українська земля—
Землю ту відбиремо собі!

„У. Д.“
339.
512—516. § 66. Культурническая программа. Украинская партія въ Россіи, опасаясь показывать свои политическіе зубы, ограничивается пропагандой украинскаго языка и украинской книги въ деревнѣ, а кое-гдѣ и въ деревенской школѣ. „Лит.-Наук. Вістник“, именуя эти проявленія „культурными“, одобряетъ такую умѣренность партіи, ибо „культура—наиболѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе уловимое и уязвимое проявленіе національной жизни“.

Относительно малой цѣнности такой „культурной“ работы дѣлаетъ интересныя признанія „Укр. Хата“. Если поставить,—говоритъ этотъ журналъ,—украинство на узко-утилитарную почву, если объяснить полезность его только нуждами экономическаго, классоваго, просвѣтительнаго „для мужиковъ“ характера и т. п., то... намъ *выгоднѣе* было бы отказаться отъ своего имени и *броситься въ объятія* ассимиляціи, а это значитъ—*богатой культуры* нашихъ сосѣдей. Объ интеллигенціи журналъ выражается уже совсѣмъ недвусмысленно. *Украинская интеллигенція*,—по словамъ „Укр. Хаты“,—*можетъ пользоваться чуждой культурой, родной для нея не менѣе степеней и роцѣ Украины*. Это положеніе прекрасно формулировано нынѣшнимъ лѣтомъ въ горячей и честной статьѣ проф. А. Л. Погодина („Бирж. Вѣд.“ № 13598). „Вращаясь въ обстановкѣ общерусскихъ умственныхъ и политическихъ интересовъ, живя богатствомъ русской литературы съ ея чрезвычайнымъ разнообразіемъ темъ и съ обиліемъ общерусскаго и общечеловѣческаго содержанія, малорусская интеллигенція, по образному выраженію профессора-укаинофила, вынуждена, такъ сказать, пригибаться, чтобы пройти въ низенькія сѣнцы провинціальной украинской литературы, столь монотонной по настроенію, столь однообразной по своимъ темамъ. Можно пригнуться разъ и другой во имя идеи, но не вѣчно же это дѣлать: захочется широкаго простора

общечеловѣческой, а не узко-національной культуры, и „украинець“ невольно возьмется за русскую книгу, по духу ему болѣе родную, чѣмъ національно-малорусская литература. Можно называть, если угодно, такихъ людей „ренегатами“, „тоже—малороссами“, и т. д., но отъ этого дѣло не измѣняется: вся болѣе образованная, культурно развитая малорусская интеллигенція и говоритъ, и будетъ говорить по-русски“

Тенденціозная искусственность и бесполезность создаваемой украинской „культуры“ прекрасно опредѣлена была въ 1911 г. извѣстнымъ публицистомъ П. Б. Струве. Какая-то упорная традиція, говоритъ онъ, постоянно оживляемая *интеллигентской политической тенденціей*, скрываетъ отъ такихъ людей (укаинофиловъ) огромный историческій фактъ: существованіе русской націи и русской культуры; именно русской, а не великорусской. Струве указываетъ, что на ряду съ этнографическими терминами „велико-, мало- и бѣлорусскій“ есть еще терминъ „русскій“, который есть живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія. Русская культура, по справедливому мнѣнію г. Струве, неразрывно связана съ государствомъ и его исторіей. Русская наука и русское искусство, говоритъ публицистъ,—огромныя культурныя силы, и эта культура есть внутренновластный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей имперіи (кромѣ царства Польскаго и Финляндіи). Онъ предлагаетъ вдуматься, что означаетъ излюбленная постановка великорусской культуры въ одинъ рядъ съ малорусской и бѣлорусской. Это значитъ, подсказываетъ г. Струве, что рядомъ съ русской культурой должны быть созданы параллельныя культуры малорусская и бѣлорусская; онъ видитъ предъ Россіей не болѣе, ни менѣе, какъ огромный титаническій *замыселъ раздвоенія* или *растроенія русской культуры* на всемъ ея протяженіи—отъ букваря до общей патологіи и кристаллографіи, отъ народной пѣсни до переводовъ изъ Овидія, Гёте, Берлэна или Верхарна. Это значитъ, поясняетъ г. Струве, что *малорусская или бѣлорусская націи* станутъ въ такое же отношеніе къ *великорусской*, въ какомъ *чехи* стоятъ къ *нѣмцамъ* или австрійскіе „укаинцы“ къ полякамъ; но вѣдь это значитъ, что *малорусская и бѣлорусская культуры* будутъ *нарочно создаваемы*. Придя къ выводу, что въ Россіи существуетъ пока одна единая русская культура въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о національныхъ культурахъ, публицистъ требуетъ такого положенія и на будущее время.

Россія, говоритъ онъ, потому не можетъ не быть національно-русскимъ государствомъ, что единой русской націи историческимъ ходомъ вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемонія въ Россіи. Гегемонія эта, по справедливому опредѣленію г. Струве, есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный. Струве предостерегаетъ, что созданіе въ странѣ множества культуръ, такъ сказать, одного роста поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на націоналистическое размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще.

Въ концѣ прошлаго года появилось въ „Укр. Жизни“ письмо Максима Горькаго. Въ дѣлѣ созданія русской культуры, говоритъ онъ, Кіевская Русь принимала участіе не меньшее, чѣмъ сѣверяне, и на протяженіи всей исторіи нашей происходилъ и происходитъ братскій обмѣнъ духовныхъ силъ. Россію, какъ образно выразился Горькій, строили всѣ три племени вмѣстѣ, и они то и есть живой ея скелетъ... надобно неуклонно заботиться, чтобы этотъ стержень хорошо чувствовалъ свое химическое единство.

§ 67. Лжестихійность украинства. Украинская партія, въ оправданіе своей работы и своихъ надеждъ, выдвигаетъ стихійность стремленія малороссовъ къ обособленности. Г. Грушевскій находитъ у этого „огромнаго тридцатимилліоннаго населенія *стихійную привязанность къ своему языку*“ и, такимъ образомъ, провозглашаетъ „органичность, *стихійную силу* и значеніе украинскихъ національныхъ запросовъ“. „Рада“ также увѣряетъ, будто „національное возрожденіе охватило широкія массы украинскаго народа“. „Укр. Жизнь“, въ первой книгѣ за настоящій годъ охарактеризовала украинское движеніе (на смѣхъ курамъ и на поученіе своимъ читателямъ), какъ „судорожныя усилія многомилліоннаго народа жить и развиваться“. Всѣ эти заявленія представляютъ беззастѣнчивое надувательство. Всѣ данныя, отъ Ярославовой „Правды“ до общей судьбы въ продолженіе долгаго времени, говорятъ не за украинскую стихійность у малороссовъ, а за русскую.

Прекрасно формулировано этнографическое положеніе малороссовъ въ славянствѣ профессоромъ Пражскаго университета, извѣстнымъ славяновѣдомъ Л. Нидерле, который въ недавно выпущенномъ крупномъ научномъ трудѣ заявляетъ категорически, что у малороссовъ и великороссовъ „столь

много общихъ чертъ въ исторіи, традиціи, вѣрѣ, языкѣ и культурѣ, не говоря уже объ общемъ происхожденіи, что съ точки зрѣнія сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, это—только двѣ части одного великаго русскаго народа“. Польскій историкъ Равита-Гавронскій (руссофобъ) называетъ Кіевъ—колыбелью Россіи и, притомъ, не Руси, что въ польскомъ языкѣ имѣло бы иное значеніе, а именно—Россіи. Польскій писатель Болеславъ Прусъ, стоявшій въ рядахъ украинофиловъ, упоминалъ о Волини, Подоли и Украинѣ (Кіевщинѣ), какъ о *коренныхъ русскихъ областяхъ* (rdzennie gosyjskich okolicach). Членъ Государственнаго Совета проф. Багалъйи во время дебатовъ о Холмщинѣ сказалъ, что „край этотъ населенъ малороссами, и поэтому нѣтъ причинъ считать его *нерусскимъ*“. Въ архивѣ кн. Четвертинскихъ сохранился виршъ, сочиненный и записанный въ эпоху хмельниччины (половина XVII в.). Этотъ безхитростный образецъ малорусской поэзіи кончается мольбою къ Богоматери о дарованіи мирныхъ временъ:

„Пречистая Панна, то утиха давна, то ей упрашаю,
Жебы ся молила, войну ускромила на Россійскомъ краю“.

Здѣсь, сквозь полонизованную малорусскую форму рѣчи, ярко блеститъ русское національное сознание автора.

По словамъ историка Костомарова, малороссы сознавали и сознаютъ неизбѣжность и неразрывность связи съ великороссами. „Южнорусское племя,—говоритъ онъ, въ минувшей исторіи доказало свою *неспособность къ государственной жизни*; оно справедливо должно было дать дорогу великорусскому, примкнуть къ нему въ то время, когда общей задачей русской исторіи было созиданіе русскаго государства“. Журналъ „Укр. Хата“ откровенничалъ три года назадъ, что „украинская нація складывается изъ 30 милліоновъ рабовъ (sic) и горсти Донъ-Кихотовъ“. Одинъ изъ дѣятелей украинской социаль-демократической фракціи г. Рыбалка писалъ въ 1910 г.: „Вспомнимъ объ украинскомъ національномъ возрожденіи. Развѣ не смѣшно говорить о его *стихійности*?“ Нѣкій Л. Жебуневъ („сознательный украинецъ“) писалъ, годъ назадъ, въ „Укр. Жизни“, что его всегда приводитъ въ недоумѣніе, когда говорятъ объ украинскомъ движеніи, ссылка на пресловутые 25.000.000 украинцевъ, представляющихъ собою въ огромномъ большинствѣ темную, безграмотную и

безсознательную во всѣхъ отношеніяхъ (включая и національное) массу.

Украинское движеніе уже потому не можетъ претендовать на стихійность, что оно вовсе не демократично. Вопросъ этотъ прекрасно освѣщенъ въ нынѣшнемъ году Л. Юркевичемъ (въ специальной брошюрѣ). Мысль о демократичности украинства, по его словамъ, чистѣйшая басня; сознательная украинская интеллигенція дѣйствительно всегда льнула къ народнымъ массамъ, но это еще не дѣлаетъ ее искренно-демократичной; интеллигенція только ухаживала за народными массами, а такое ухаживаніе не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ демократизмомъ.

„У. Д.“
524.

§ 68. Лжепрогрессивность украинства. По заявленію проф. Грушевскаго, украинская партія въ Россіи складывается изъ (малорусскихъ) демократовъ-радикаловъ, народныхъ социалистовъ, социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ. Все это звучитъ очень „прогрессивно“; въ дѣйствительности же въ украинскую партію идутъ лишь болѣе отсталые и темные элементы изъ этихъ фракцій, и мы увѣрены, что, превратись сегодня русское правительство въ радикально-демократическое, завтра же украинская партія окажется въ оппозиціи и къ нему. Еще ненавистнѣе для украинской партіи было бы такое правительство, которое провозгласило бы принципъ первой французской революціи—государственно-національный централизмъ. По признанію „Укр. Хаты“, „украинцы“, ошибочно смѣшивая прогрессивность съ политиканствомъ („поступ з політикою“), глубоко увѣрены, что представляютъ самый прогрессивный элементъ въ Россіи, а на дѣлѣ украинство лишь поддѣлывается (підшивається) подъ радикализмъ. Проф. Погодинъ въ цитированномъ нами письмѣ говоритъ, что уничтоженіе національнаго единства русскаго народа онъ считаетъ съ общечеловѣческой, общекультурной точки зрѣнія не прогрессомъ, но реакціей.

По своему внутреннему содержанию украинское движеніе также ничуть не прогрессивно; оно лишь оппозиціонно государственному единству Россіи и враждебно русской культурѣ, а потому неизбежная судьба украинства—состоять въ непрерывной оппозиціи къ русскому правительству, пока Россія существуетъ, какъ цѣлая величина.

§ 69. Руссофобство и мазепинство. Проповѣдь ненависти къ Россіи является главнымъ рычагомъ, при помощи котораго украинская партія рассчитываетъ сплотить свои силы и раз-

вить достоюльную энергію. Иногда (и не очень рѣдко) изувѣрство „сознательныхъ“ доходитъ до сѣянія вражды у малороссовъ къ родному великорусскому племени. „Воистину несчастливъ, говоритъ „Укр. Хата“,—тотъ украинецъ, у кого російская семья... Быть сознательнымъ украинцемъ и устроить себѣ „русскую“ (ковычки подлинника) или польскую семью—можетъ ли быть большая насмѣшка надъ своимъ я, надъ своимъ идеаломъ!.. Если ты любишь Украину, ты долженъ пожертвовать любовью къ другимъ географическимъ единицамъ. Если любишь свой языкъ, то *ненавидь языкъ врага*... Умѣй ненавидѣть. Если у насъ идетъ рѣчь объ Украинѣ, то мы должны оперировать однимъ словомъ—ненависть къ ея врагамъ... *Возрожденіе Украины — синонимъ ненависти* къ своей женѣ московкѣ, къ своимъ дѣтямъ кацапчатамъ, къ своимъ братьямъ и сестрамъ кацапамъ, къ своимъ отцу и матери кацапамъ. Любить Украину значитъ пожертвовать кацапской родней“. Читая современную украинскую прессу, можно видѣть, что ненависть ко всему „россійскому“ считается прописной, ходячей моралью у сторонниковъ украинской партіи. Объ этой ненависти украинская пресса позволяетъ себѣ говорить, какъ о всѣмъ извѣстной предпосылкѣ. По украинской терминологіи, малороссы, любящіе Россію,—сволочь (мотлохъ).

Прекрасную отвѣдь изувѣрамъ-руссофобамъ даетъ проф. А. Погодинъ („Бирж. Вѣд.“ № 13596). „Нельзя, говоритъ онъ, сдѣлаться сознательнымъ гражданиномъ отечества, отграничивая себя отъ общенароднаго стѣной національнаго шовинизма. Этотъ послѣдній, вообще, по существу своему реакціонеръ, и націоналисты, какъ таковые, къ какой бы народности они ни принадлежали, и какими бы мотивами ни руководились, всегда рискуютъ забыть изъ-за деревьевъ о существованіи лѣса и запутаться въ своихъ націоналистическихъ трущобахъ. Проповѣдь уваженія къ своему весьма легко превращается въ проповѣдь ненависти къ чужому. „Свой къ своему“: слѣдовательно, „чужіе прочь“! Когда эти чужіе, дѣйствительно, чужіе, то это еще не такъ вредно; можно понять, какъ чехъ стремится отгородиться отъ нѣмца, или, даже, какъ полякъ стремится не пускать въ свое общество чиновника-„обрусителя“. Но, воля ваша, признать въ малороссѣ, бѣлороссѣ чужого я не могу такъ же, какъ въ архангельскомъ крестьянинѣ, хотя географически они, пожалуй, всѣ одинаково для меня чужіе. Между тѣмъ, украинская публицистика именно это сознаніе старается привить народнымъ массамъ.

„У. Д.“
521—523.

„Процессъ переливанія живой крови изъ нашего національнаго организма въ чужой“ (С. Ефремовъ. „Исторія украинскаго письменства“, 463),—вотъ постоянный мотивъ, который проходитъ въ сѣтованіяхъ малорусской печати на тѣхъ писателей-малороссовъ, которые писали на общерусскомъ литературномъ языкѣ. И здѣсь, я опасаясь, заключается уже не здоровое сѣмя украинской проповѣди, но посѣвы плевель, которые, взойдя, отравятъ народную душу чувствами вражды и зависти. А намъ, всѣмъ русскимъ племенамъ, такъ нужна теперь общность и солидарность, такъ *нужно русское національное сознаніе, которое должно стать выше мѣстныхъ націонализмовъ*“.

Мы не можемъ попутно не коснуться легенды, поддерживаемой и въ Запискѣ нашей Академіи Наукъ, будто руссофобскую струю въ галицко-малорусской печати породили ограниченія 1863 г. и позднѣйшія, обрушившіяся на малорусскую печать въ Россіи. Такое предположеніе является плодомъ

См. § 17. недоразумѣнія: достаточно вспомнить памфлеты Головацкаго и Яхимовича, намѣтившіе еще въ 1846 г. курсъ австро-малорусской прессы, не говоря уже объ антирусской агитаціи въ Галиціи со стороны польскихъ „уцѣкинеровъ“.

Ненависть къ Россіи, какъ къ государственно-правовому организму, водитъ перомъ украинскихъ публицистовъ при обсужденіи любого текущаго вопроса русской внутренней политики и русской культурной жизни. Таковы, напр., ихъ вылазки въ 1909 г. по поводу юбилея полтавскаго боя: при упоминаніи объ этомъ событіи сознательный украинецъ корчится, какъ бѣсъ отъ ладана. Самый фактъ существованія русской культуры на Югѣ Россіи приводитъ дѣятелей украинства почти въ неистовство. Вѣчное дезертирство нашихъ землячковъ,—говоритъ М. Грушевскій,—которые... теперь убѣгаютъ „подъ сѣнь струй великой россійской культуры“, это то историческое зло, которое столько разъ рѣзало Украину въ самые критическіе моменты украинской (?) жизни и рѣжетъ теперь по самому живому мѣсту. Неправда ли, г. Грушевскому какъ разъ подстать воевать съ вѣтрянными мельницами?

„У. Д.“
525—528.
См. § 9. § 70. Лжефедерализмъ. Идея превращенія русской державы въ федерацію отдѣльныхъ автономныхъ штатовъ, под- сказанная кирилло-меоводіевцамъ польскими суфлерами, стала, какъ мы видѣли, фетишемъ Грушевскихъ, Коршей и ихъ единомышленниковъ, но украинская партія отлично учитываетъ, что на пути ея федеративныхъ построений лежитъ этнографи-

ческой складъ русскаго ядра Имперіи. Трѣдиное русское племя составляетъ 80% населенія Европейской Россіи (безъ Привислиня и Финляндіи) и 81% населенія Сибири. Общеимперскій коэффициентъ для русскаго племени равенъ $\frac{2}{3}$ всего населенія (по переписи 1897 г.—65,5%); изъ этихъ 65,5% приходится на долю бѣлоруссовъ 4,5%, на долю малороссовъ 17,7% и на долю великороссовъ 43,3% всего населенія имперіи.

Для федералистовъ, изъ лагеря которыхъ доносится къ намъ голосъ украинца семитской марки В. Жаботинскаго, весьма важенъ вопросъ „считать или не считать украинцевъ и бѣлоруссовъ за особливья націи, быть ли Россіи государствомъ національнымъ, или же государствомъ національностей („Nationalitätenstaat“). „Если украинцевъ и бѣлоруссовъ,—говоритъ г. Ж.,—причислить (!) къ единой русской націи, то нація эта возрастетъ (sic) до 65% всего населенія Имперіи, т. е. до громаднаго большинства въ двѣ трети, и тогда картина, дѣйствительно, недалека отъ національнаго государства; наоборотъ, если украинцевъ и бѣлоруссовъ считать за особливья народности, то господствующая національность сама оказывается въ меньшинствѣ (43%) по сравненію съ прочимъ населеніемъ“. Тоже отмѣтилъ въ прошломъ году ливерпульскій журналъ „Russian Review“, получающій, очевидно, опредѣленные информациі о Россіи. „Скристаллизованіе украинскаго народа, говоритъ этотъ органъ, въ сознающую свою отдѣльность украинскую націю уничтожитъ основанія къ тому, чтобы признавать за русскими (russians) большинство въ Россіи.“

Естественно, что украинская партія и другіе враги русской мощи желаютъ, путемъ пропаганды украинства, приблизить Россію къ тому „лоскутному“ типу, къ какому, по готовымъ мотивамъ этнографическаго свойства, стремится съ половины прошлаго столѣтія Австрія (Цислейтанія), а по ея стопамъ готовятся послѣдовать и земли Короны Св. Стефана. Въ Австро-Венгріи, гдѣ обѣ господствующія народности (герм. тевтонская и урало-финская) совершенно чужды по расѣ своимъ „инородцамъ“, такая федеративная эволюція находитъ подъ собой, повидимому, довольно прочную почву. Въ Россіи такую почву нужно создавать, ибо, пока сила сцѣпленія между великороссами и двумя другими братними племенами не нарушена, всѣ притязанія подлинныхъ инородцевъ въ Россіи не смогутъ достигъ силы тѣхъ трубъ, отъ коихъ палъ библейскій Іерихонъ. Украинская партія, однако, облюбовала свою тему

и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы заявить, будто инородцы составляютъ свыше 50% населенія Россійской имперіи. Защищая свою ариметику, партія, какъ мы видѣли, выставляетъ стихійное желаніе самого украинскаго народа перечислиться изъ сыновей въ пасынки, изъ родныхъ въ инородцы. Мы знаемъ однако, что такое утвержденіе является клеветой по адресу народныхъ массъ на Югѣ и по адресу большинства южно-русской интеллигенціи.

Обратимся къ украинской прессѣ, чтобы изъ нея почерпнуть свѣдѣнія объ австрійскомъ Эдемѣ, который считается украинской партией не только за образецъ, достойный подражанія, но и за трафаретъ для нанесенія новыхъ красокъ на карту Россіи. Теоретическое признаніе равноправія народностей (въ Австріи), по словамъ г. Грушевскаго, лишь обострило національную борьбу и затормозило экономическое и культурное развитіе края (Галиціи), да и во всей имперіи Габсбурговъ экономическое, культурное и общественное развитіе страны парализовано въ послѣднія десятилѣтія національной борьбой. „Государственная жизнь Австріи,—писала „Рада“ въ прошломъ году,—держится главнымъ образомъ на взаимномъ національно-политическомъ людоедствѣ“.

Изъ объясненій львовскаго профессора явствуетъ, что современный курсъ Австріи принять ею для освобожденія своей жизни отъ „національныхъ усложненій“. Тутъ, слѣдовательно, средства оправдываются, отчасти, благою цѣлью—предпочестъ изъ двухъ золъ меньшее. Но вѣдь, намъ хотятъ навязать эти усложненія, у насъ ихъ выращиваютъ искусственно для того, чтобы возложить потомъ на Россію долгую и неблагодарную работу „освобожденія себя отъ этихъ усложненій“.

Благодаримъ покорно!

Глава XIII.

Ягеллонская идея.

§ 71. Укранофильство современныхъ поляковъ. Тѣсное единеніе Польши съ Литвою и Западной Русью, явившееся плодомъ политики короля Ягелло, является и въ наши дни необходимымъ условіемъ для отбодованія исторической Польши.

Вѣроятность такого единенія въ будущемъ встрѣчаетъ опаснаго врага въ русской культурѣ, которая сближаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ Бѣлую Русь и Малороссію съ Велико-россіей и, такъ сказать, сливаетъ эти три части въ одно цѣлое. Неудивительно, поэтому, что въ средѣ польской интеллигенціи на всей территоріи бывш. Рѣчи Посполитой украинская партія имѣетъ (пока она дѣйствуетъ въ Россіи) весьма много благожелателей и приспѣшниковъ. Болѣе дальновидные изъ нихъ сочувственно слѣдятъ за „возрожденіемъ украинскаго народа“ отъ Буга до Кубани; другіе польскіе дѣятели интересуются, въ первую очередь, судьбами правобережной Малороссіи, причисляемой поляками доселѣ къ польскимъ „кресамъ“ (окраинамъ).

Вліятельный польскій публицистъ Дмовскій, въ брошюрѣ 1904 года, разсматриваетъ правобережную Малороссію (въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ), какъ историческое поле польской колонизаціи. Въ 1907 г. краковскій публицистъ Сроковскій доказываетъ въ обстоятельной статьѣ, что всестороннее „національное“ развитіе русиновъ (малороссовъ) является для польской „справы“ дѣломъ выгоднымъ и желательнымъ. Самымъ важнымъ объектомъ вѣковаго спора нашего съ Россіей, говоритъ г. Сроковскій, были области, обитаемыя русинами. Большая часть этихъ областей перешла во власть Россіи и стала однимъ изъ краеугольныхъ камней ея государственнаго организма. Ни одна изъ покоренныхъ Велико-россіей областей, не исключая даже служащей выходомъ къ Балтійскому морю Ингерманландія (петербургской губ.), не является для великодержавнаго бытія Россіи столь безусловно необходимой, какъ именно Малороссія. Сроковскій не знаетъ, достигнуть ли малороссы когда-либо такого развитія, чтобы создать собственное государство (какую-нибудь украинскую республику), но онъ не сомнѣвается, что *ихъ національное развитіе всегда будетъ на почвѣ русскаго государства элементомъ децентрализационнымъ, а, слѣдовательно, ослабляющимъ сосредоточеніе силъ Россіи. Коль скоро такой національный сепаратизмъ малороссовъ, говоритъ онъ, самымъ своимъ существованіемъ становится опаснымъ для нашего вѣковаго врага—великодержавной Россіи,...* то тѣмъ самымъ онъ для насъ представляетъ выгодное и желательное явленіе, ибо *все то, что ослабляетъ моего врага,—полезно и желательно* (wszystko jest dobrem i pożądanem, co oslabia mojego wroga). Въ заключеніе г. Сроковскій предлагаетъ своимъ

соотечественникамъ и русинамъ-сепаратистамъ помогать другъ другу въ цѣляхъ развитія и усиленія за счетъ престижа Россіи.

Въ 1908 году подобная мысль проведена въ статьѣ авторитетнаго краковскаго журнала „Ateneum Polskie“, сводящейся къ тому, что „развитіе движенія русинскаго можетъ быть союзникомъ въ борьбѣ Польши съ Россіей“. Содѣйствіе этому движенію, лишь бы не въ ущербъ полякамъ, должно, по мнѣнію журнала, входить въ программу каждаго польскаго дѣятеля, если онъ имѣетъ *широкій* кругозоръ.

Волынскій землевладѣлецъ полякъ Вацлавъ Липинскій, въ изданной въ 1909 году за кордономъ брошюрѣ, идетъ еще дальше. Мы (поляки Западной Руси) *должны*, говоритъ онъ, своими духовными и матеріальными силами *поддерживать мѣстную культуру*, культуру даннаго края и народа, культуру, *которая можетъ быть только украинской и* которая, какъ видно изъ нашей исторіи, *не можетъ быть для насъ чужою*.

Въ 1910 году львовская украинская пресса опубликовала интересное заявленіе современнаго польскаго историка Люціана Татомира о роли украинства въ судьбахъ будущей Польши. По его мнѣнію, она собственными силами не дастъ отпора двумъ могучимъ колоссамъ (Германіи и Россіи) и можетъ противъ нихъ держаться лишь, если выростетъ Украина-Русь. Мы (поляки), говоритъ г. Татомиръ, *должны*, поэтому, *содѣйствовать украинскому движенію*.

Послѣднее трехлѣтіе несетъ изъ польскаго лагеря тѣ же цѣсни. Въ 1911 году видный польскій публицистъ Фельдманъ заявляетъ въ краковскомъ журналѣ „Krytyka“, что *польза польской sprawy требуетъ содѣйствія возникновенію сильнаго ирредентистскаго движенія среди малороссовъ* (и литовцевъ). „Намъ, говоритъ г. Ф., должно быть *наруку все*, что дезорганизуеъ русское государство и разрушаетъ его силу“. Въ той же книгѣ журнала находимъ статью „*Національнныя дѣла въ Галиціи*“. Роста силы украинцевъ, говоритъ ея авторъ, мы не только не боимся, но, напротивъ, не знаемъ лучшаго способа *держать Россію подъ угрозой*. Польскій публицистъ Л. Василевскій, издавшій въ томъ же году специальную книгу объ украинскомъ вопросѣ, объявляетъ себя „горячимъ сторонникомъ возрожденія украинскаго народа“ и называетъ послѣдній *родственнымъ* (pokrewnym) польскому народу. Горячей защитницей украинства выступила въ 1911 году польская газета „Dziennik Petersburski“;

мотивы ея таковы: „*Безъ возрожденія въ національномъ смыслѣ автономной Украины, автономія Польши въ Россійскомъ государствѣ является неосуществимой утопіей*“.

Въ прошломъ году во Львовѣ былъ прочтенъ рефератъ польскимъ публицистомъ Баталья. Поляки, по словамъ оратора, *идя часто рука объ руку съ „мазепинцами“ на Украину*, защищаютъ „русинское“ національное дѣло и выполняютъ по отношенію къ малороссамъ ту же, собственно, миссію, какую выполняли поляки на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, защищая земли малороссовъ отъ басурманъ. Въ прошломъ же году львовскій публицистъ Л. Кульчицкій объявилъ, что національные интересы польскаго и украинскаго народовъ тождественны.

Въ началѣ нынѣшняго года, когда польская Галиція готовила броженіе среди поляковъ въ Россіи, краковскій историкъ Лимановскій увѣрялъ, что присоединеніе малороссовъ къ польскому „повстанію“—единственное для нихъ средство обезпечить себѣ національную независимость. Нынѣшней весной, наконецъ, краковскій профессоръ С. Залесскій выразилъ, въ политической брошюрѣ, надежду на пышный ростъ украинскаго движенія въ Россіи, каковое обстоятельство онъ находитъ весьма желательнымъ.

§ 72. Отъ слова къ дѣлу. Въ Галиціи благоприятное отношеніе поляковъ къ новому украинскому языку и новому ^{„у. д.“} _{459—464.} правописанію истекало исключительно изъ надеждъ видѣть въ украинской литературѣ не предметъ для мѣстнаго потребленія, а предметъ вывоза въ Южную Россію, какъ средства борьбы съ ростомъ русской культуры „въ забраномъ краѣ“. У себя дома (въ Галиціи) поляки склонны смотрѣть на развитіе украинской литературы, лишь какъ на неизбежное зло, а на свое попустительство по отношенію къ ней, лишь какъ на жертву, приносимую въ интересахъ западнорусскихъ „кре-совъ“. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ тенденціями польской интеллигенціи въ Западной Руси. Здѣсь украинофильство стало не только теоретической аксіомой, но и успѣло проявить себя, за послѣдніе годы, совершенно опредѣленными виѣшними актами. Въ 1909—10 гг. издавались въ Кіевѣ польскіе органы „Przegląd Krajowy“ („Краевое Обозрѣніе“) и „Zjednoczenie“ („Объединеніе“); оба имѣли цѣлью проводить мысль о близкомъ родствѣ поляковъ съ малороссами и внушать полякамъ, что въ ихъ интересахъ примкнуть къ политическому украинскому движенію. Журналы эти, за ску-

достью фондовъ и отсутствіемъ подписчиковъ, угасли, но работавшая въ этихъ изданіяхъ группа польской интеллигенціи, преимущественно молодежи, не распалась. Въ прошломъ году въ Кіевѣ появилась (и угасла черезъ 2 недѣли) новая польская „Gazeta Kresowa“. Въ первомъ номерѣ, излагая свое „profession de foi“, редація обѣщала „сохранить самыя дружескія сосѣдскія отношенія съ братскимъ („bratymczem“) украинскимъ обществомъ, стремленіямъ коего къ культурной самостоятельности мы будемъ всегда искренно сочувствовать“. По словамъ „Рады“, примѣръ поляковъ Антоновича и его друга Рыльского, ставшихъ полвѣка назадъ во главѣ украинифиловъ, находятъ доселѣ подражателей, которые „работаютъ на нивѣ украинскаго культурно-національнаго возрожденія, причѣмъ такое теченіе въ польскомъ обществѣ *никогда не прерывалось*. Этимъ увѣреніямъ „Рады“ мы охотно вѣримъ и добавимъ, что въ прошломъ году въ Краковѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ „Z dziejów Ukrainy“ (Изъ исторіи Украины). Книга посвящена памяти *Владимира Антоновича*, Рыльского и Паулина Свѣнцицкаго. Въ числѣ редакторовъ сборника фигурируютъ помѣщики правобережной Малороссіи Вацлавъ Липинскій и Юзефъ Юркевичъ (†); сочиненіе восхваляетъ поляковъ, державшихъ руку козаковъ въ ихъ борьбѣ съ польскимъ правительствомъ.

Московскій клубъ „Польскій Домъ“ устроилъ въ 1911 г. „украинскій вечеръ“, посвященный чествованію Т. Шевченка; программа состояла изъ номеровъ польскихъ и украинскихъ. Въ г. Радомѣ польскій книгопродавецъ Суханскій устроилъ въ прошломъ году въ честь поэта Шевченка двухдневную выставку украинскихъ книгъ, украсивъ витрину портретомъ поэта и плакатами о подпискѣ на украинскія періодическія изданія. Книги украинскія фигурировали въ г. Радомѣ впервые.

Широкою поддержку оказываютъ часто въ провинціи украинству мѣстные польскіе капиталисты (заводчики и фабриканты). Такая поддержка пріобрѣтаетъ иногда характеръ инициативы со стороны поляковъ. Укажемъ на два примѣра. На Цыбулевскомъ сахарномъ заводѣ Кіевской губ. (польскомъ), стараніями администраціи и служебной интеллигенціи была организована въ 1907 году любительская труппа изъ рабочихъ малороссовъ. Свѣдѣнія имѣются за 1909—1912 гг. Пьесы ставились *исключительно* украинскаго репертуара. При заводской библиотекѣ имѣется для рабочихъ „небольшой,

но *прекрасно подобранный* украинскій отдѣлъ“. На Екатеринославщинѣ полиціей въ прошломъ году было обнаружено, что *польская* администрація богатаго завода „Запорожье“ въ Каменскомъ устроила 15 тайныхъ польскихъ школъ для дѣтей русскихъ (малорусскихъ) служащихъ на заводѣ; диктовки велись на польскомъ языкѣ, дѣтей называли польскими именами, русскія названія городовъ передѣлывались въ польскія. За нѣсколько дней предъ такимъ „открытіемъ“ „Рада“ рисовала изъ жизни того же завода картинки украинской идилліи. Въ с. Запорожьѣ-Каменскомъ за 3½ мѣсяца разошлось на 170 съ лишнимъ рублей „украинскаго краму“ (литературнаго); украинскія книги продаются здѣсь въ „книгарнѣ“ и у двухъ лубочниковъ; существуетъ также украинскій отдѣлъ при Каменской заводской библиотекѣ для рабочихъ. Вѣрите ли Вы, читатель, чтобы такое братское сожителство польской и „украинской“ культуры подъ одной кровлей было случайнымъ совпаденіемъ?

Пропагандѣ украинскаго языка способствуютъ въ Западной Руси и польскіе ксендзы. На Волини, въ Подоліи (западной), въ Холмщинѣ есть много малороссовъ-католиковъ, совершенно не владѣющихъ польскимъ языкомъ и не понимающихъ польской проповѣди. Казалось бы, что русское слово (коимъ *всѣ* ксендзы очень удовлетворительно владѣютъ) могло бы играть роль посредника между пастыремъ и его пасомыми, какъ при исполненіи требъ на дому, такъ и въ костельной проповѣди. Чтобы избѣжать русскаго жупела, ксендзы обращаются въ такихъ случаяхъ къ „покревной украинской мовѣ“, сдабривая польскими словами свою рѣчь еще усерднѣе, разумѣется, чѣмъ львовское науковое товариство—свои печатные труды.

§ 73. Полонофильство „сознательныхъ украинцевъ“. Въ „У. д.“ 1906 г. М. Грушевскій и члены украинской партіи, находившіеся въ Петербургѣ, участвовали въ образованіи „Союза автономистовъ-федералистовъ“, поставившаго своею цѣлью сформированіе парламентской фракціи автономистовъ въ Госуд. Думѣ для взаимной поддержки и защиты народностей Россіи, стремящихся къ осуществленію автономіи національно-территоріальной или областной „на демократическихъ началахъ“. Съ самымъ объемистымъ вексельнымъ портфелемъ вступили въ союзъ поляки, съ самыми каррикатурными претензіями—украинская партія. По разгонѣ Думы союзъ распался, но идея коалиціи окраинъ Россіи противъ центра не

была украинской партией брошена. Проф. Грушевский, подобно своему учителю Антоновичу, был сторонником воскресения Ягеллонской идеи в несколько перекроенном (в пользу Украины) костюме. В 1909 г. он провозгласил, что в своих оппозиционных стремлениях украинство не изолировано: естественными союзниками украинцев могут быть белоруссы и литовцы. После ликвидации старой Речи Посполитой, все три „народности“ перешли „под владычество России“, которая своей политикой угнетала их живые народные силы. Из этих трех народностей украинская, как наибольшая и наиболее богатая культурными средствами должна не забывать служить елико возможно и помогать национальным и социальным-политическим домогательствам своих старых союзников и соседей. Заканчивает г. Грушевский свою декларацию пожеланиями успеха и счастья в тяжелой работе всем этим трем „братним народам, общникам нашего прошлого и наших надежд“: да прорастают зерна свободы на широких просторах украинской, белорусской и литовской земли, *от моря до моря*, от гор до гор“, разумя, очевидно, под горами—Кавказ и Карпаты. В 1910 году г. Грушевский снова возвращается к вопросу об „унии Украины с Литвой и Белорусью“, называет эту унию *открыто провозглашенной* и приступает к поискам четвертого союзника; в качестве такового он намечает поляков Литвы и Зап. Руси, которых приглашает „соединиться душою и сердцем с туземными массами и стать плоть от плоти и костью от кости местного населения“. Указав, кроме того, на успехи своего кокетничанья с звучными элементами Литвы, профессор надеется, что литовцы притянут к новой унии еще одного члена—единомышленных латышей. В том же году „Лит.-Наук. Вѣстник“, редактируемый М. Грушевским, ополчился на неославиство (новославянофилов) за их попытки разрешить польско-русские недоразумения. Путь к такому разрешению, по мнению журнала, лежит на Львов и на Киев, а именно, с одной стороны, *в российско-украинском соглашении*, а с другой—*в соглашении польско-украинском*. Такое предложение маклерских услуг украинская партия сопровождает время от времени лакейской услужливостью по адресу поляков. В 1910 г. „Рада“, помещая некролог В. Доманицкого и указав, что покойный ценил довольно высоко польскую литературу и культуру, добавляет от себя: „Неудивительно,

что польская культура—какова бы она ни была—по сравнению с грубой и дикой российской,—казалась г. Доманицкому столь привлекательной“. В следующем году „Рада“, пред выборами в киевское земство, вела кампанию против русских помещиков и приглашала гласных крестьян объединяться между прочим с поляками.

Настоящий 1913 год дает новые признаки продолжения того же курса. В февральском заседании „Общества славянского единения“ в Петербурге „сознательный украинец“ проф. Чубинский заявил, что уладить польско-русские отношения невозможно без разрешения (!) украинского вопроса. В мае „Укр. Жизнь“ высказала надежду, что предстоящая в Галиции сеймовая реформа уничтожит одно из самых важных препятствий к кооперации поляков и галицких украинцев, преследующей как местные, так и *более широкие* цели. К предстоящему в будущем году столетию рождения Шевченка львовские организации украинской партии выработали проект издания произведений поэта латинскими буквами.

Письменник Дмитро Донцов, в речи на львовском студенческом съезде в июне нынешнего года, призывая украинское студенчество поддерживать политической сепаратизм на Украинѣ, высказывает горячее пожелание, чтобы „в великих движениях польского и мирового значения польское и украинское знамя шли вместе“. В брошюре выпущенной нынешней весной, г. Донцов доказывает, что для подростящего поколения малорусской интеллигенции (в России) некоторые произведения Мицкевича лучше пригодились бы в воспитательном значении, чем напр., „Полтава“ или „Клеветникам России“ Пушкина.

Вот до чего может зарпортоваться человек, утративший на чужбине (в эмиграции) русское национальное чувство.

Глава XIV.

Режиссеры и кредиторы украинства.

§ 74. Австрия. Украинская партия, как показали „у. д.“ последние десятилетия, имеет покровителей в Западной Европѣ в лице австрийских и германских немцев. Мы не назовем их, однако, украиннофилами, так как речь здѣсь

идеть о правящихъ и дипломатическихъ сферахъ, гдѣ нѣтъ мѣста дружбѣ либо симпатіи, а царствуетъ и повелѣваетъ одинъ голый практическій расчетъ.

Вост. Галиція и Буковина, эти русскіе клинья, попавшія въ тѣло Австріи въ 70-хъ гг. XVIII вѣк., возбуждали у австрійскаго правительства постоянный страхъ предъ „русскою опасностью“. Уже первые австрійскіе губернаторы дѣлились съ Вѣной своими опасеніями о „русинахъ“, которые могутъ *чрезъ мѣру полюбить „москалей“*, что представляло бы для Австрійской имперіи опасность, ибо, кромѣ русиновъ въ Галиціи, есть они въ Буковинѣ и за Карпатами въ Венгріи, есть и православные. Если бы все они, *благодаря сходству языка и обряда* (церковнаго) или *благодаря единству исповѣданія*, стали проявлять *тяготѣніе къ Россіи*, то Австріи это причинило бы не мало хлопотъ. Въ 1816 г. львовскіе нѣмецкіе администраторы доносили Вѣнѣ, что возникаетъ *опасность для австрійской державы*, если галичане сплотятся духовно, *ибо галицко-русскій языкъ есть лишь нарѣчіе русскаго языка* (der russischen Sprache). Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка оцѣнку нѣмецкой закваски литературнаго украинофильства въ Галичинѣ далъ М. Драгомановъ. „Можно сказать“, заявляетъ этотъ экспертъ и знатокъ исторіи украинства, „что мысль о вполнѣ самостоятельной украинской литературѣ есть мысль скорѣе австро-русская („русская“ отъ „русинъ“), чѣмъ россійско-украинская“. Переходя къ XX столѣтію, мы не можемъ не упомянуть, что вѣнскій нѣмецкій органъ соборно-украинской партіи „Ukrainische Revue“ (переименованный въ „Ukrainische Rundschau“) основанъ былъ на нѣмецкія деньги: редація получила ихъ отъ [нѣкоего нѣмца Брюнера.

Краковскій органъ „Słowo Polskie“ помѣстилъ въ прошломъ году сенсаціонную статью депутата вѣнскаго парламента Заморскаго о замыслахъ нашихъ сосѣдей въ весьма недавнемъ прошломъ; приводимъ главные выводы автора. „Въ 1908 г., во время аннексіи Босніи и Герцеговины, порѣшенъ былъ дипломатами тройств. союза *планъ урѣзки русскихъ владѣній*, а именно: Пруссія намѣревалась занять Царство Польское по рѣку Вислу (съ Варшавой); Австрія проектировала захватить Подолію, Бессарабію, бывшее воеводство Брацлавское и опереться на Черное море съ Одессой. Планы эти имѣлись, конечно, и раньше, а въ 1908 г. лишь собирались ихъ осуществить“.

За послѣдніе два года призракъ австрійской опасности обнаружилъ наклонность къ воплощенію. Въ началѣ 1911 года въ засѣданіи австро-венгерскихъ делегацій чешскій публицистъ и видный политическій дѣятель д-ръ Крамаржъ открыто заявилъ *о завоевательныхъ планахъ Австріи*, о предполагаемомъ вступленіи австрійскихъ войскъ въ Южную Россію, о занятіи ими Кіева и Одессы *для созданія независимой (?) Украины*. Телеграфъ изъ Вѣны принесъ извѣстіе о переговорахъ гр. Андрея Шептицкаго (львовскаго уніатскаго митрополита) съ кабинетомъ Бинерта относительно ряда новыхъ уступокъ украинской партіи въ Галичинѣ. „Австрійское правительство,—гласила телеграмма,—*надѣется* путемъ искусственнаго подъема украинскаго движенія въ Галиціи *вызвать и въ Южной Россіи національный (sic) украинскій сепаратизмъ* и создать тамъ въ случаѣ надобности даже революціонныя осложненія“. Въ концѣ 1911 года сотрудникъ „Новаго Времени“ опубликовалъ свою бесѣду съ д-ромъ Крамаржемъ, который сказалъ объ украинской партіи, что она *желаетъ нанести ударъ въ самое сердце русскаго народа и расколоть русскихъ на двое*. *Украинское движеніе* Крамаржъ аттестуетъ „по существу противуестественнымъ, антирусскимъ и поэтому антиславянскимъ“. За послѣднія десять лѣтъ оно выросло, по его словамъ, „въ весьма серьезную силу, съ которой Россіи придется очень считаться“. Движеніе это *всегда находило самую могущественную поддержку со стороны австрійскаго правительства и нѣкоторыхъ самыхъ вліятельныхъ круговъ въ Вѣнѣ*. Д-ръ Крамаржъ крайне удивленъ „тѣмъ равнодушіемъ и безпечностью, которыя проявляетъ русское общество передъ надвигающейся антирусской опасностью, исходящей изъ нѣдръ самого русскаго народа“. „Вождемъ украинской партіи,—добавляетъ резолюція чешскаго парламента скаго клуба, никогда не удалось бы почувствовать такъ быстро твердую почву подъ ногами, если бы они не ухитрились, всякими правдами и неправдами, увѣрить руководящія вѣнскія сферы, что они являются представителями не только 3 милліоновъ галицкихъ русиновъ, но также и—30 милліоновъ малороссовъ изъ всей Россіи. Дипломатія же того или иного государства нельзя ставить въ вину, если она, на всякій случай, *подготавливаетъ себѣ различныя вспомогательныя средства*; а однимъ изъ таковыхъ какъ разъ и считался украинскій вопросъ въ Россіи. Д-ръ Крамаржъ держится того мнѣнія,

что украинцы, не убивъ медвѣдя, продають его шкуру извѣстнымъ вѣнскимъ высшимъ сферамъ“.

Расхваливаніемъ продаваемой шкуры занялся львовскій органъ украинской партіи, газета „Діло“. Съ прошлаго лѣта „Діло“ уговариваетъ Австрію забрать русскія земли хотя бы по Днѣпръ; это—однѣ изъ богатѣйшихъ пахотныхъ земель въ мірѣ съ большими задатками на торгово-промышленное развитіе; къ нимъ на придачу отдается Черное море, соединяющее три части свѣта, а также Одесса, Николаевъ, Херсонъ и устья Дуная. Такія перспективы могутъ вскружить голову. Часть европейской прессы начинаетъ вѣрить въ ихъ осуществимость. Такъ, консервативная англійская газета „Morning Post“ заявила нынѣшнимъ лѣтомъ, что она „видитъ въ украинскомъ вопросѣ мину, подведенную подъ російскую государственную твердыню, и если ничто иное не вызоветъ войны между Австріей и Россіей, то таковую навѣрняка, вызоветъ украинскій вопросъ и, притомъ, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ“.

§ 75. Украинскій университетъ. Украинская партія въ Галиціи уже 15 лѣтъ ведетъ съ поляками борьбу за учрежденіе самостоятельнаго украинскаго университета. Сущестующій во Львовѣ съ 1784 года университетъ былъ сдѣланъ въ 1871 году утравквистичнымъ: наряду съ польскими лекціями допущены были лекціи на галицко-малорусскомъ языкѣ (нарѣчій); проф. Грушевскій принесъ позднѣе во львовскую аудиторію „украинско-русскій“ языкъ. Въ настоящее время на свыше 150 польскихъ профессоровъ и доцентовъ въ университетѣ приходится всего 13 „украинскихъ“. Съ 1899 года украинской партіей поднятъ былъ вопросъ объ основаніи (правительствомъ) отдѣльнаго украинскаго университета. Съ тѣхъ поръ это требованіе уже не сходитъ со сцены и, встрѣчая со стороны поляковъ до самого послѣдняго времени рѣзкій отпоръ, было поддерживаемо студентами,—„украинцами“ при помощи забастовокъ (1901 года) и даже открытыхъ беспорядковъ (1905, 1907 и 1910 гг.). Лѣтомъ прошлаго года вѣнскія газеты неожиданно сообщили, что правительство и всѣ нѣмецкія партіи идутъ на встрѣчу учрежденію украинскаго университета; что вопросъ объ украинскомъ университетѣ *нѣмцы считаютъ теперь неотложнымъ съ точки зрѣнія иностранной политики*, а въ парламентскихъ кругахъ говорятъ, что украинскій университетъ—новая крѣпость, построенная противъ Россіи. Оказалось, что австрійскій министръ на-

роднаго просвѣщенія заявилъ оффиціально о готовности правительства „осуществить свои обѣщанія дать украинскій университетъ и, такимъ образомъ, выполнить свою обязанность—*содѣйствовать культурному развитію великаго и могучаго народа и создать великое, имѣющее міровое значеніе, учрежденіе*“. Столь нѣжная заботливость австрійскаго министра о великомъ и могучемъ (!) народѣ, 90% коего живетъ не на австрійской территоріи, превышаетъ, по наглости, всякое вѣроятіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ рескриптъ масти-таго монарха по адресу украинскаго клуба въ рейхсратѣ—„къ представителямъ украинскаго народа“; употребленіе въ этомъ письмѣ (впервые) термина „украинскій“ вмѣсто традиціоннаго „рутенскій“ было истолковано всѣми, какъ санкція слова „украинцы“ въ оффиціальномъ документѣ, и вызвало всеобщее удивленіе. Такое новаторство императора, назвавшаго подвластную ему народность искусственнымъ именемъ, являющимся синонимомъ культурнаго раскола въ этой народности, грѣшитъ и противъ старой традиціи. Въ 1773 году львовскій епископъ Левъ Шептицкій, въ латинскомъ письмѣ къ императрицѣ Маріи Терезіи, называетъ галичанъ „gens russorum seu ruthena“. Тогда же (въ концѣ XVIII вѣка) австрійское правительство именовало ихъ въ нѣмецкихъ документахъ то „Russen“, то „Ruthenen“. И вотъ русскіе неисповѣдимыми путями превратились въ новую „украинскую“ націю. По заявленію вѣнской газеты „N. Fr. Presse“, „тутъ играли роль *мотивы, выходящіе далеко за предѣлы внутренней политики*; еще покойный графъ Эренталь (австрійскій премьеръ) очень старательно изучалъ литературу, стремящуюся изобразить малороссовъ пасынками Россіи“. По мнѣнію лондонскаго „Times'a“, „Австрія экстренно улаживаетъ украинскій (университетскій) вопросъ, ибо она готовится въ близкомъ будущемъ къ важнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ; Австріи необходимы: внутренняя сила, военные законы и ослабленіе ея противника, каковымъ является Россія. А что же можетъ ослабить Россію больше, чѣмъ привлеченіе украинскіхъ симпатій къ Австріи. „Times“ напоминаетъ, что украинцевъ въ Россіи 30 милліоновъ, что населенная ими территорія опирается на Черное море и является богатѣйшею частью Россіи“.

Въ отвѣтъ на рескриптъ Франца-Иосифа всѣ фракціи украинской партіи въ Галиціи опубликовали во

львовскомъ „Ділѣ“ руссофобскій „манифестъ“. По увѣренію „манифестантовъ“, закордонная Украина—громадное большинство украинскаго народа—закована въ кандалы варварскаго царскаго деспотизма... Украинскій университетъ въ австрійской Украинѣ—это для російской Украины новый лучъ свѣта среди тьмы, на нее надвинувшейся... (Такія) культурныя требованія украинскаго народа тѣсно и неразрывно связаны съ политическими, освободительными требованіями Украины... Дѣло украинскаго университета, это—вопросъ не одной лишь австрійской Украины. Этотъ вопросъ сталъ такимъ могучимъ именно потому, что онъ охватываетъ всю Украину отъ Дона по Карпаты. Европа и весь культурный міръ до тѣхъ поръ не будутъ въ безопасности, пока порабощенные царатомъ народы не будутъ имѣть достаточно силъ, чтобы *развалить царскую имперію*, эту ужаснѣйшую тюрьму народовъ.

Солидарность свою съ австро-украинскими политиками украинская партія въ Россіи выразила цѣлой сотней сочувствующихъ домогательствамъ украинцевъ въ Вѣнѣ писемъ, подъ которыми „Радой“ насчитано 2482 подписи. На нашъ взглядъ, это—росписки частью въ полномъ гражданскомъ невѣжествѣ, частью въ сознательной государственной измѣнѣ.

Прообразомъ поведенія будущихъ студентовъ будущаго львовскаго украинскаго университета могутъ служить резолюціи галичанъ украинскаго толка, воспитывающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ городовъ Австріи и съѣхавшихся въ половинѣ іюня текущаго года на „украинскій“ студенческій съѣздъ во Львовѣ. На съѣздѣ присутствовали и удостоились овацій мать террориста Сичинскаго (убійцы намѣстника Потоцкаго), неизбѣжный проф. М. Грушевскій и „голова“ украинскаго парламентскаго клуба въ Вѣнѣ Кость Левицкій.

Резолюціи съѣзда, имѣющія отношеніе къ Россіи, гласятъ слѣдующее:

„I. 1) Принимая во вниманіе, что ни украинская политика русскаго правительства, ни украинская политика русскаго либерализма, задержаннаго имперіалистскими идеями „великой Россіи“, ни социальное устройство русскаго государства, ни политическіе интересы русской буржуазіи вообще, которая смотритъ на Украину, какъ на свою колонію, не оставляютъ никакой надежды на возможность нормальнаго и спокойнаго развитія для нашего народа въ предѣлахъ Россійской имперіи и даже въ Галичинѣ;

2) Принимая во вниманіе, что развитіе Австріи, гдѣ живетъ значительная часть нашего народа, въ направленіи федераціи свободныхъ націй создаетъ изъ нея естественный центръ политическаго тяготѣнія для всего нашего народа, и 3) Принимая во вниманіе, что современное международное положеніе, т. е. обостреніе международныхъ и въ особенности австро-германско-русскихъ антагонизмовъ, какъ нельзя лучше благопріятствуетъ включенію украинскаго вопроса въ число вопросовъ международной политики,—считаемъ необходимымъ *бороться за программу политическаго отдѣленія отъ Россіи*.

II. Съѣздъ украинскаго студенчества надѣется, что главнымъ его союзникомъ въ этой борьбѣ будетъ истинно-демократическая и передовая часть *польскаго* общества.

III. Дѣятельностью, которая бы могла служить намѣченной цѣли, съѣздъ украинскаго студенчества считаетъ борьбу съ московскимъ вліяніемъ въ австрійской Украинѣ и широкую *пропаганду политическаго сепаратизма отъ Россіи „за кордономъ“*, равно какъ и военное воспитаніе молодежи.

IV. Стремясь къ этой цѣли, украинская молодежь не должна упускать изъ вида вопросовъ текущей политики, принимая активное участіе въ повседневной политической борьбѣ какъ по сю, такъ и по ту сторону „кордона“.

Приведенныя резолюціи съѣзда „украинскаго“ студенчества характерны въ томъ смыслѣ, что онѣ со свойственной молодежи экспансивностью и невоздержностью откровенно выносятъ наружу тѣ стремленія, которыя болѣе умудренными возрастомъ и житейскимъ опытомъ руководителями и дѣятелями „украинскаго“ движенія все еще пока окутываются безобидной этнографической дымкой и прикрываются кулисами невиннаго культурнаго національнаго развитія, далекаго отъ всякой политики и сепаратистскихъ поползновеній, являющихся прямою угрозой русскому государственному единству. Резолюціямъ предшествовало чтеніе рефератовъ и привѣтствій (въ томъ числѣ отъ „украинскаго“ студенчества изъ Петербурга, Юрьева и Харькова).

Изъ рефератовъ поучителенъ докладъ К. Заклинскаго о зарожденіи въ 1890-хъ гг. идеи украинскаго львовскаго университета въ связи съ идеей національной автономіи для *всей* Украины. Еще интереснѣе легшій почти цѣликомъ въ основу резолюцій руссофобскій рефератъ Дмитра Донцова. Если наша нація, говорилъ онъ, чувствуетъ у себя наличность организационныхъ талантовъ, нѣкогда ею столь блестяще (?) проявляе-

мыхъ; если она не хочет добровольно замкнуться въ той могилѣ, какую ей готовятъ російскіе младотурки, то единственнымъ выходомъ для нея является программа не автономизма, а политическаго сепаратизма; разрывъ съ Россіей—своевремененъ, болѣе реаленъ и скорѣе (!) осуществимъ. Донцовъ требуетъ „уничтоженія или ослабленія царата и поддержки сепаративныхъ стремленій на Украинѣ“, ибо „галичане не могутъ быть увѣрены даже въ завтрашнемъ днѣ, пока не будетъ уничтожено или ослаблено сосѣднее государство“. Референтъ грозитъ монархіи Габсбурговъ признаками анархіи въ Чехіи, Галичинѣ, Венгріи и Хорватіи, дѣлающими монархію эту склонной къ распаду и, потому, лакомой добычей для Россіи, ибо „россійскій орелъ питается лишь падалью и, вѣроятно, оттого такъ долговѣченъ“. По убѣжденію Донцова, всякое поражение Россіи, всякое оторваніе Австріею хотя бы части украинской территоріи, приведетъ къ скрѣпленію украинскаго элемента въ Австріи, а тѣмъ самымъ и въ Россіи, чѣмъ приблизитъ моментъ окончательнаго освобожденія Украины. Интересы украинской націи связаны не съ Россіей, а съ тройственнымъ союзомъ. Россія говоритъ Донцовъ, вообще не оставила намъ свободнаго выбора; она поставила насъ предъ дилеммой: либо окончательная національная смерть, либо—безпощадная борьба. Призывая украинскую молодежь къ такой борьбѣ съ „московскимъ чудовищемъ“, ораторъ проситъ не страшиться непомѣрности этой задачи и не ослѣпляться громадностью Россіи: великаны—де кажутся намъ таковыми лишь потому, что мы становимся предъ ними на колѣни. Донцовъ рекомендуетъ заняться подготовкой почвы въ Россіи „для активной акціи“ и, въ первую очередь основать общими силами всей украинской молодежи періодическій органъ для распространенія идеи австрославизма, для борьбы съ „панмосковской“ идеей и для пропаганды политическаго сепаратизма.

§ 76. Великая Австрія и Украинское королевство. Весною прошлаго года, по свѣдѣніямъ „Нов. Времени“, въ Вѣнѣ была издана карта, на которой Югъ Россіи названъ „Украинскимъ королевствомъ“. Нынѣшнимъ лѣтомъ вѣнскій клерикальный журналъ „Volksbewegung“, издающійся при близкомъ участіи супруги австрійскаго престолонаслѣдника и имѣющій цѣлью пропаганду австрійскаго патриотизма въ народныхъ массахъ, помѣстилъ въ статьѣ „Царь Великой Австріи“ рядъ пророческихъ угрозъ по адресу Россіи (на ближайшіе мѣсяцы). „Юля 9-го, предсказывалъ журналъ, будетъ объявлена

война Россіи; 11 іюля императоръ Францъ-Іосифъ передаетъ престоль наслѣднику Францу II (Фердинанду) и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается съ воззваніемъ къ полякамъ и украинцамъ въ теченіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ, притѣсняемымъ (!!) Россіей, чтобы они возстали противъ своихъ притѣснителей и рука объ руку съ храбрыми австрійскими войсками сражались за свое освобожденіе. Императоръ австрійскій обѣщаетъ имъ свою помощь при возстановленіи и упроченіи ихъ свободы послѣ окончательнаго пораженія и уничтоженія общаго врага. Въ войнѣ Австрія разбиваетъ Россію вдребезги. 15-го октября 1913 г. Францъ II въ Кіевскомъ кафедральномъ соборѣ провозглашаетъ себя императоромъ Великой Австріи, а два австрійскихъ эрцгерцога дѣлаются королями, одинъ—возстановленной Польши, другой—Украины“.

Страшенъ сонъ—да милостивъ Богъ! Вѣнскій журналъ скромно умалчиваетъ, что слухи о близости австро-русскаго столкновения вызвали въ Восточной Галичинѣ ростъ русскаго народнаго самосознанія и ухода крестьянъ изъ уніи въ православіе. Если бы не уголовныя преслѣдованія правительства, такія проявленія стихійнаго русскаго націонализма развернулись бы по всему лицу уніатской Руси.

Въ православной Буковинѣ австрійское правительство подготавливаетъ почву для украинскаго королевства путемъ репрессій надъ духовенствомъ. Окончившихъ семинарію воспитанниковъ епархіальная власть безъ разрѣшенія правительства боится рукополагать; а рукоположенный молодой священникъ до тѣхъ поръ не можетъ получить прихода, пока не подпишетъ въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи краевого президента и чиновниковъ, нижеслѣдующаго обязательства: „Заявляю, что *отрекаюсь отъ русской народности*, что отнынѣ не буду называть себя русскимъ, лишь украинцемъ и только украинцемъ“.

§ 77. Пруссія и всенѣмцы. Австрійское или австропольское правительство Цислейтаніи (съ 16% польскаго, участвующаго въ государственномъ строительствѣ населенія) культивировало украинфильство у себя въ Галиціи, какъ громоотводъ отъ стихійной русской культуры, да и сейчасъ терпитъ тамъ украинское движеніе, какъ неизбежное зло, какъ своего рода „бациллъ восточно-славянскаго тифа“, чтобы разбрасывать его по градамъ и весямъ Южной Россіи. Пруссія (гдѣ поляки составляютъ 10% населенія, но держатся въ черномъ тѣлѣ) не можетъ не смотрѣть на украинское движеніе, какъ на без-

условно для нея полезный и желательный факторъ. Этотъ факторъ уже даетъ Германіи отвлеченіе польской національной энергіи съ западнаго фронта (этнографической Польши) на юго-восточный (отъ Познани ко Львову) и, что еще важнѣе, сулитъ нѣмцамъ въ будущемъ ослабленіе русскаго колосса. Послѣднія десятилѣтія Германія задыхается въ своемъ фатерландѣ. Послѣ того какъ ея капиталы и рельсы переброшены въ Месопотамію, традиціонный нѣмецкій „Drang nach Osten“ пріобрѣтаетъ двойное значеніе: какъ непосредственное использование долинъ Вислы, Буга, Нѣмана и Днѣпра для колонизаціи, а также, какъ созданіе дружественныхъ (или родныхъ) этаповъ въ Варшавѣ, Кіевѣ и Одессѣ, послѣ чего остается ей лишь протянуть свой бронированный кулакъ отъ сказочнаго Багдада до историческаго Синопа.

Экономистъ Рошеръ доказываетъ, что Россіи суждено сыграть для нѣмцевъ роль полабскихъ славянъ. Проф. Тентшъ совѣтуетъ, для мирнаго завоеванія Россіи, послать на ея территорию 10 милліоновъ колонистовъ (пока выполнена пятая часть этой программы), Журналъ „Deutsche Erde“ требуетъ, чтобы Пруссія проявляла возможно большую заботливость и попечительность о нѣмецкихъ поселенцахъ въ Царствѣ Польскомъ, а также въ Западной Руси. Нашему Генер. Штабу хорошо извѣстно, что среди нѣмцевъ-колонистовъ много унтеръ-офицеровъ запаса, а колоніи выросли вокругъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ.

Послѣдніе годы далеко недвусмысленно даютъ понять, что антирусская политика Германіи побуждаетъ ее внимательно слѣдить за ростомъ украинской партіи въ Россіи и, притомъ,—сочувственнымъ окомъ. Три года назадъ этого вопроса коснулся, въ политическомъ памфлетѣ, полякъ Е. Старчевскій, сторонникъ „украинской автономіи“ въ Россіи. „Разсматривая отношенія славянъ къ германскому міру, говоритъ онъ, мы видимъ тѣсную дружбу между нѣмцами и украинцами; дружба, по объясненію послѣднихъ, объясняется тѣми притѣсненіями, которыя они испытывали и испытываютъ отъ русскихъ и поляковъ. Дружба эта грозитъ Россіи „всякаго рода неожиданностями (!) на случай столь возможныхъ внѣшнихъ столкновеній“. Годомъ позже „Kurjer Warszawski“ укорялъ „такъ наз. украинцевъ, стремящихся яко бы къ политической самостоятельности Малороссіи“, въ томъ, что „они прокладываютъ путь нѣмецкому вліянію (wpływowi niemieckim) въ этомъ краѣ“. „Нѣмцы, говоритъ польская газета, въ стре-

мленіи своемъ завладѣть богатыми черноземами юго-восточной Европы и заселить ихъ, стараются всѣми мѣрами ослабить сопротивленіе, какое имъ могло бы быть оказано туземнымъ населеніемъ“. Въ томъ же 1911 г. нѣкій сознательный „Украинецъ“ въ письмѣ въ ред. „Русск. Мысли“, повѣдалъ, что „унѣмцевъ“ высказываются предположенія о томъ, что интересы нѣмецкаго и украинскаго народовъ могутъ оказаться солидарными“. Такое признаніе г. Украинца ясно показываетъ, что *нѣмцы провоцируютъ украинское движеніе.*

§ 78. Прусскія марки. Въ 1910 г. отставной тайный агентъ прусскаго правительства во Львовѣ Раковскій опубликовалъ въ „Kurjer'ѣ Warszawsk'омъ“ разоблаченія, будто Пруссія изъ секретныхъ фондовъ оплачиваетъ дѣятельныхъ „украинскихъ“ агитаторовъ и субсидируетъ нѣкоторыя учрежденія и изданія украинской партіи во Львовѣ, Вѣнѣ и Кіевѣ. Эти, т. наз. документы Раковскаго (выдаваемые имъ за копіи секретныхъ переписокъ, смѣтъ и отчетовъ) гласятъ, напр., что вѣнскій журналъ „Ukrainische Rundschau“ получилъ въ 1907 г.—5400 марокъ, а въ 1909 г.—12000 марокъ; львовской газетѣ „Діло“ выдано въ 1907 г.—3450 мар., въ 1908 г.—2600 марокъ; на 1910 г. было назначено на субсидированіе „украинской“ печати 15000 марокъ. За 1908 г. выданы, будто бы, вспомошествованія: львовскому Товариству им. Шевченка, „Украинскому“ студенческому союзу (тамъ же) и „Украинской“ львовской читальнѣ. Упоминаетъ Раковскій и о пособіи, которе получала изъ прусскихъ фондовъ украинская газета „Порада“ (sic). „Разоблаченія“ Раковскаго были перепечатаны въ трехъ львовскихъ польскихъ газетахъ и двухъ краковскихъ. Задѣтые Раковскимъ редактора „Діла“ и „Ukrainische Rundschau“ привлекли къ суду пять упомянутыхъ польскихъ редакцій, обвиняя ихъ въ клеветѣ. Разборъ дѣла, по формальнымъ мотивамъ, многократно откладывался, а въ началѣ нынѣшняго года дѣло прекращено, ибо обвинители... взяли свои жалобы обратно. Въ нашемъ прошлогоднемъ трудѣ изложенъ рядъ соображеній, позволявшихъ, и ранѣе скандальнаго финала процесса, видѣть, что „легенда“ о прусскихъ маркахъ вовсе не была легендой.

По свѣдѣніямъ весьма солидной и крайне осторожной варшавской газеты „Słowo“, германское консульство во Львовѣ состоитъ въ Берлинѣ на счету „poste de confiance“. Газетѣ извѣстно, что *между германскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ и украинской агентурой тамъ же, издающей журн. „Ukr. Rund-*

schau“, существуетъ связь не только духовная, но и материальная, иными словами *финансовая*. Газета называетъ секретомъ полишинеля то обстоятельство, что берлинское правительство употребляетъ значительную долю своихъ секретныхъ фондовъ на поддержку „украинской идеи“, дѣлая это болѣе осторожно на русской территоріи и менѣе осторожно на австрійской.

§ 79. Вильгельмовскій юбилей. Нынѣшнимъ лѣтомъ истекло четверть вѣка отъ воцаренія герм. императора; львовское „Діло“ встрѣтило юбилей Вильгельма II горячимъ и громкимъ привѣтствіемъ. Львовскій органъ—въ противоположность всѣмъ крупнымъ германскимъ газетамъ, какъ „Berliner Tageblatt“ и „Frankfurter Zeitung“ и т. д., сильно хвалитъ *внѣшнюю* политику Германіи, особенно же ея вѣрность „Тройственному Союзу“ и совѣтуетъ Вильгельму впредь не только держаться этого „Союза“, но еще закрѣпить его узы, чтобы онъ могъ „съ большей энергіей тормозить размахъ русскаго имперіализма. Кстати сказать: украинскіе представители въ австрійскихъ делегаціяхъ всегда подчеркивали значеніе Союза, видя въ его существованіи и силѣ *защитительный валъ противъ Россіи*, этой тюрьмы украинскаго народа. Никто въ Европѣ не сомнѣвается, что юбиляръ-вѣнценосецъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова“.

Вѣнскій украинскій рабочій клубъ „Родина“ (тѣзка кіевскаго клуба) послалъ въ Берлинъ, по поводу того же юбилея, всепреданнѣйшую поздравительную телеграмму, составленную весьма низкопоклонно. Въ такомъ же духѣ редактировано было поздравленіе Вильгельму отъ вѣнскаго украинскаго парламентарнаго клуба. Комментаріи, полагаемъ, излишни.

Глава XV.

Судьба украинства.

§ 80. Пособники и защитники украинства. Хозяевами народнаго просвѣщенія являются земскія учрежденія. Безъ ихъ содѣйствія и поддержки украинская пропаганда скоро выдохлась бы и отошла въ область воспоминаній. Мы видѣли, однако, мѣры, принимаемыя нѣкоторыми земствами и способствующія украинизаціи народныхъ библиотекъ и народныхъ

учителей. Наиболѣе украинофильскими, выражаясь мягко, оказались за послѣднее пятилѣтіе изъ губернскихъ земствъ харьковское, полтавское и (дореформенное) кіевское; къ нимъ примыкаетъ, по характеру дѣятельности, большинство уѣздныхъ земствъ полтавской губ. и сосѣднихъ съ послѣдней уѣздовъ губерній черниговской, екатеринославской и херсонской. Изъ выборныхъ земскихъ управъ Юго-Зап. края симпатіи къ украинской культурѣ проявляютъ: кіевская губернская съ уѣздными васильковской и каневской, а также винницкая управа на Подоліи. Почти безгрѣшными можно считать *членовъ* губ. управы въ Полтавѣ, ибо тамъ все земское дѣло уже нѣсколько лѣтъ находится всецѣло въ рукахъ автономной, „самоопредѣлившейся“ и несмѣняемой управской канцеляріи.

Большихъ успѣховъ достигла украинская пропаганда на Югѣ, идя по пятамъ быстро развивающейся и совершенно безпризорной сельской коопераціи. Если просвѣтительная роль см. § 59. кооперативовъ, во многіе изъ коихъ втерлись фанатики украинской идеи, не будетъ направлена правительствомъ въ русское русло, то украинская пропаганда будетъ имѣть здѣсь готовое поле для приложенія и даже укрѣпленія своихъ силъ.

Будущія перспективы украинства находятся въ громадной зависимости отъ отношенія къ нему народныхъ представителей, особенно входящихъ въ составъ болѣе демократической, т. е. ближе стоящей къ народу и его нуждамъ нижней палаты. Опуская безъ разсмотрѣнія лихорадочные (слѣдовательно—патологическіе) дни первыхъ двухъ Госуд. Думъ, мы встрѣчаемся въ третьей Думѣ съ выступленіями въ защиту украинской школы со стороны двухъ эсдековъ, двухъ трудовиковъ, трехъ ка-де и трехъ украинофиловъ-священниковъ. Первая сессія нынѣшней 4-ой Думы ознаменовалась новыми нападками Думской оппозиціи на русское преподаваніе въ южныхъ школахъ, но на этотъ разъ поборники украинскаго языка (всѣ безъ исключенія великороссы) встрѣтили подобающую отповѣдь екатериносл. земца Родзянко, полтавца Скоропадскаго и нашего кіевлянина А. И. Савенко. Молчаніе см. § 34. Думы только на руку украинской партіи, и мы отъ души желаемъ, чтобы въ ближайшихъ сессіяхъ украинскій вопросъ получилъ въ Таврич. дворцѣ возможно широкое и полное освѣщеніе; тогда только выяснится культурное убожество „сознательныхъ украинцевъ“.

§ 81. Адепты украинства. Пропаганда украинства пустила корни преимущественно въ средѣ народныхъ учителей и студенчества; къ первымъ примыкаетъ часть законоучителей народныхъ школъ (особенно въ подольской и херсонской губ.), а изъ послѣднихъ формируются кадры земскихъ специалистовъ. Въ другихъ слояхъ южнорусской интеллигенціи число „сознательныхъ украинцевъ“ ничтожно, что видно уже изъ слабаго распространенія въ Россіи главнѣйшаго партійнаго журнала „Лит.-Наук. Вістника“ (въ 1911 г.—770 экз., включая бесплатные и обмѣнные). Съ „украинизуемой“ молодежью дѣло не всегда обстоитъ гладко. По словамъ „Рады“, въ полтавскомъ „музично-драматичномъ“ гурткѣ „большинство молодежи-исполнителей на святочной вечеринкѣ прошлаго года, а въ особенности тѣ, которые одѣлись въ малороссійскіе костюмы, разговаривали на этой вечеринкѣ и всегда разговариваютъ по-русски“; въ одномъ городкѣ харьковской губерніи даже распорядители на вечеринкѣ мѣстнаго гуртка „музичной и драматичной умилости“ оказались не понимающими малорусскаго языка („не разумили по украинскому“).

см. § 80.

По поводу упомянутыхъ рѣчей въ Думѣ гг. Родзянко и Скоропадскаго партія опубликовала въ столичной прессѣ бутафорскіе протесты: одинъ за 118 подписями сознательной украинской интеллигенціи, „считающей автономію Украины залогомъ свободнаго культурнаго и общественнаго развитія“; другой протестъ, восхваляющій прессу на укр. языкѣ,—отъ рабочихъ и крестьянъ Екатеринославщины. Происхожденіе послѣдняго станетъ намъ понятнымъ, если мы вспомнимъ о Мануйловской Просвітѣ и о распропагандированныхъ ею рабочихъ ж.-д. мастерскихъ. Что касается до протеста „118“, то подъ нимъ подписались публицисты почти всѣхъ 12 кievскихъ органовъ украинской прессы; есть и подписи нѣсколькихъ лицъ, потерпѣвшихъ крушеніе съ двумя первыми Думами и настроенныхъ теперь оппозиціонно ко всему, не исключая здраваго смысла.

см. § 54.

Недаромъ журналъ „Укр. Хата“ заявлялъ, что неудачники всякаго рода и люди, выброшенные изъ житейской колеи, обнаруживаютъ у себя возникновеніе симпатій къ украинской идеѣ.

§ 82. Плюсы и минусы. Моменты, обуславливающіе ростъ украинскаго движенія въ Россіи можно раздѣлить на благопріятные и неблагопріятные для него. Къ первымъ относятся 1) *темнота народной массы*, обуславливающая ея

податливость на всякіе эксперименты, и 2) *нейтральность* большинства южно-русской *интеллигенціи*, мало знакомой съ истинной подкладкой этого движенія. Моменты, тормозящіе украинское движеніе, болѣе разнообразны. Они заложены въ сущности его *идеи*, въ качествахъ *орудій* ея пропаганды и въ качествахъ той *среды*, надъ которой украинской партіи приходится работать.

Украинская *идея*, какъ мы видѣли, ненаучна, непрактична, враждебна истинной культурѣ и истинному прогрессу, а также построена на фундаментѣ не только антинаціональномъ для русскаго племени (въ его цѣломъ), но и антирасовомъ—для славянства. На показъ людямъ эту идею прикрашиваютъ мишурными блестками народолюбства и театральной слезой сочувствія „къ страданіямъ поработченной націи“. Мы видимъ, поэтому, что такіе видные публицисты прогрессивнаго лагеря, какъ Струве (въ Петербургѣ) и Кашкаревъ (въ Москвѣ) становятся къ украинству во враждебную позицію. На нашихъ глазахъ федералистъ проф. Погодинъ, защищавшій начинанія „сознательныхъ украинцевъ“, затѣмъ, ознакомившись съ ихъ карикатурными и неумными претензіями, честно и открыто поворачивается къ нимъ спиной. Мы убѣждены, что при первой серьезной работѣ, когда родина предъявитъ прогрессивно настроеннымъ дѣятелямъ неоплаченный счетъ своихъ назрѣвшихъ широкихъ нуждъ, русскіе прогрессисты забросятъ въ уголь неостроумныя игрушки украинства и прилѣпятъ къ украинскому движенію давно имъ заслуженную этикетку движенія реакціоннаго.

О качествахъ культурныхъ *орудій*, какими располагаетъ украинская партія въ своемъ походѣ на русскую идею и культуру, мы не будемъ, во избѣжаніе повтореній, распространяться, а отошлемъ читателя къ главамъ VII—IX о современной укр. письменности, ея языкѣ и правописаніи.

Качество *среды*, надъ которой укр. партія производитъ или собирается производить свои просвѣтительные опыты, далеко не сулитъ ей прочныхъ успѣховъ. Малорусское племя въ XVII и XVIII вв. колонизовало вмѣстѣ съ великороссами бассейны Сейма, Дона и Донца, а сейчасъ сообща колонизуетъ Азію; оно участвовало въ созданіи Великой Имперіи и будетъ дѣлить дни русской славы и дни печали. Оба племени смѣшиваются и скрещиваются на пути къ постепенному взаимному отождествленію чрезъ посредство русской книги и русской культуры. На сліяніе племенъ, кромѣ этнографиче-

скаго родства и топографическаго сосѣдства, вліяетъ также, конечно, общность школы; послѣднее обстоятельство является мишенью нападокъ и подкоповъ со стороны украинской партіи, ибо противъ двухъ первыхъ она совершенно безсильна.

„У. Д.“
536—542.

§ 83. Автономическая трехвостка. Намѣренія украинской партіи, идя отъ ближайшихъ къ болѣе отдаленнымъ, сводятся къ дарованію малороссамъ въ Россіи трехстепенной автономіи: культурной (главнымъ образомъ—языковой), экономической и политической. Надежды на политическую автономію для Юга Россіи, лелѣемая лидерами украинской партіи и втолковываемая въ Галиціи даже школьникамъ, не говоря уже о соколахъ и сѣчевикахъ, относятся къ разряду неосуществимыхъ, даже въ случаѣ крупныхъ измѣненій на политической картѣ Средней и Восточной Европы. Такой отвѣтъ мы даемъ спокойно, внѣ всякой зависимости отъ роста или упадка украинскаго движенія. Завоеваніе такой автономіи, если бы оно показалось южанамъ желательнымъ, сопряжено было бы для малороссовъ съ перспективою такихъ крупныхъ уступокъ польскимъ и еврейскимъ союзникамъ, что народъ выдвинулъ бы новыхъ антисемитовъ—Тарасовъ, новыхъ Гонтъ и Богдановъ. Если исторія (не по рецепту гг. Грушевскихъ) способна чему-нибудь учить, то отъ политическихъ авантюръ она предохранитъ малороссовъ уже въ силу инстинкта самосохраненія. Не нужна для Южной Россіи и автономія экономическая; стремленіе къ торгово-промышленной обособленности едва-ли, при современныхъ конъюнктурахъ, можетъ найти достаточное количество защитниковъ и сторонниковъ (даже въ теоріи). Мы полагаемъ—съ другой стороны, что украинская партія сама не пожелаетъ выдвигать этого вопроса на очередь, пока въ ея кадрахъ нѣтъ достаточнаго количества капиталистическаго элемента.

Требованіе автономіи культурной (языковой или литературной) не сходитъ въ послѣдніе годы со столбцовъ украинской прессы въ Россіи. Съ этимъ вопросомъ необходимо считаться,—считаться не потому, чтобы сплошная украинизація Юга имѣла, *при русской школѣ и прессѣ*, какіе-либо шансы на успѣхъ, а потому, что даже подпольная украинизація части народныхъ школъ, даже частичная конкуренція съ русской грамотой со стороны фонетическаго „правопису“ и маргаритиновой „мовы“ будутъ направлять культурную жажду части населенія по ложному слѣду къ фатаморганѣ украинскаго культурнаго храма, представляющагося по своему культур-

ному удѣльному вѣсу почти „воздушнымъ замкомъ“. Въ нашу эпоху пара и электричества, эпоху культурной конкуренціи всѣхъ странъ міра, уже самая тенденція прививать населенію упрощенную полудѣтскую культуру заключаетъ въ себѣ кричащую несообразность. Чѣмъ удачнѣе будетъ идти украинизаторская дѣятельность на Югѣ, чѣмъ медленнѣе будетъ, благодаря этому, проникать въ населеніе русская культура, тѣмъ тяжелѣе будетъ роль малороссовъ въ мѣстной и всемірной борьбѣ за существованіе. Нужды нѣтъ, что украинизированная часть населенія (или ея потомки) будетъ потомъ стремиться въ лоно русской культуры: утраченное время и ложно-направленная энергія явятся для народа невознаградимой утратой и вызовутъ ослабленіе его продуктивныхъ силъ.

Въ культивировкѣ украинской культуры заложена для Россіи и другая опасность. Часть интеллигенціи, образованіе которой обходится народу очень недешево, прилагаетъ свои силы къ экзотическимъ экспериментамъ (въ родѣ украинскихъ переводовъ Шекспира, Гоголя и Ибсена или придумыванія украинскихъ научныхъ терминовъ) и тѣмъ уклоняется отъ живого служенія странѣ и отъ участія въ общихъ культурныхъ завоеваніяхъ. Русская культура лучше пушекъ и штыковъ охраняетъ цѣлость государства, и всякій ущербъ для нея является угрозой для каждой ячейки въ громадной Имперіи. Наконецъ, „украинская“ грамотность, съ которой нигде не пробьешься на открывающихся сельскому грамотѣю жизненныхъ дорогахъ, можетъ подрвать въ народѣ довѣріе къ учителю или земству, подсовывающимъ крестьянину украинскую книжку, и дискредитировать во мнѣніи крестьянъ школу и бібліотеку.

Для правобережной Малороссіи „украинская культура“ несетъ опасность особаго рода. Современный украинскій языкъ (въ литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ) занимаетъ средину между польскимъ языкомъ и малорусскими говорами. Мы нисколько не склонны переоцѣнивать это обстоятельство, но предостерегаемъ и отъ легкомысленнаго отношенія къ нему. Ясно, что для Юго-Западнаго края, гдѣ говоръ и самъ по себѣ засоренъ полонизмами, появленіе украинской брошюры или школьной хрестоматіи съ ихъ польско-жаргонной мовой будетъ прямымъ мостомъ, ведущимъ грамотнаго малоросса въ объятія польской литературы и разговорной рѣчи. Если унія религіозная направляла и направляетъ къ Риму, то унія языковая легко пере-

шагнуть отъ штучной украинской мовы къ культурному польскому языку и, рядомъ съ упадкомъ русской школьной дисциплины, будетъ несомнѣнно способствовать ополяченію населенія.

„У. Д.“
543—552.

§ 84. Будущее украинства въ Австріи. Галицкому украинству приходится бороться съ польской культурой. Восточная Галиція насчитывала, по послѣдней переписи, $5\frac{1}{3}$ милліоновъ населенія; изъ этого числа 62% приходится на русскій элементъ, 25% на поляковъ и 12% на евреевъ. Разговорной своею рѣчью объявили польскій языкъ 40% населенія, въ томъ числѣ всѣ поляки, всѣ евреи и часть червоноруссовъ. Принимая во вниманіе безусловную гегемонію польской культуры въ городахъ и мѣстечкахъ края, несравненно лучшую оборудованность этой культуры средствами и силами, а также учитывая несамостоятельную эволюцію украинской культуры и ея лингвистически-подражательный характеръ по отношенію къ старѣйшей польской культурѣ, мы склонны думать, что даже подъ крылышкомъ у Вѣны, даже при „подмогѣ“ отъ закордонныхъ земляковъ-малороссовъ, украинская культура въ Галиціи будетъ, попрежнему, развиваться если и не черепашинымъ шагомъ, то во всякомъ случаѣ во много кратъ медленнѣе польской.

Статистика Восточной Галиціи за послѣднія 40 лѣтъ показываетъ, что галичане медленно, но неудержимо ополяются, что часто бываетъ сопряжено и съ переходомъ изъ униі въ католичество (изъ хлопской въ панскую вѣру). Сравнительная *успѣхи* латинизаціи, т. е. *ополяченія* населенія, по десятилѣтіямъ, мы убѣждаемся, что эти *успѣхи идутъ* прямо пропорціонально съ украинизаціей галицкой школы и духовенства, съ *гоненіями* на церковно-славянскій языкъ и на русскую культуру. Ополященію В. Галиціи способствуютъ также интенсивная эмиграція галичанъ (въ Америку) и иммиграція поляковъ изъ западныхъ уѣздовъ области. Слѣдуетъ отмѣтить и слабый естественный приростъ захудалаго галицкаго элемента по сравненію съ приростомъ болѣе зажиточныхъ элементовъ—польскаго и еврейскаго.

Крупный, но не смертельный ударъ церк.-славянскому языку былъ нанесенъ введеніемъ въ школьные учебники фонетическаго правописанія. Этого показалось мало. Злой геній галичанъ, львовскій униатскій митрополитъ А. Шептицкій сталъ изгонять ц.-сл. языкъ даже изъ молитвенниковъ, вводя въ молитвы слова и обороты на украинско-польскомъ жаргонѣ.

Поддерживаемое правительствомъ, украинское движеніе въ Галиціи беретъ верхъ надъ русскимъ движеніемъ, загнаннымъ въ глухую карпатскую деревню и поставленнымъ въ нелегальное положеніе; дѣятели русскаго движенія изнемогаютъ подъ ударами украинской партіи и австрійской жандармеріи. Оно (какъ и православіе) объявлено здѣсь внѣ закона; но въ этомъ движеніи, отвѣчающемъ на стихійные запросы народа и охватывающемъ не менѣе трети сельскаго духовенства, кроется источникъ искусственности украинскаго движенія въ Галиціи, претендующаго на роль выразителя галицкихъ національныхъ идеаловъ, и источникъ слабости украинской культуры, которая, по признанію „Дзвона“ (№ 2), тамъ еле дышетъ (ледві животіе).

Учитывая все сказанное, мы утверждаемъ, что соперничество украинской культуры съ польской закончится раньше или позже полнымъ пораженіемъ первой, а украинскую литературу ни украинскій университетъ, имѣющій быть во Львовѣ съ 1918 года, ни друзья изъ Россіи не спасутъ отъ второстепенной и подражательной роли. При нынѣшнемъ положеніи силъ, украинская литература въ Восточной Галичинѣ не можетъ остановить полонизаціи русскаго населенія.

Маленькая Буковина имѣетъ 800 тысячъ жителей; относительное большинство принадлежитъ малороссамъ (300 тысячъ); за ними идутъ молдаване (румыны) въ числѣ около 275 тысячъ. Апостолами украинства здѣсь были членъ парламента Василько и проф. Смаль-Стоцкій (сотрудникъ Грушевскаго по легализаціи львовской фонетики). Работа украинской партіи въ Буковинѣ повлекла за собою усиленную румынизацию малороссовъ, которая происходитъ на почвѣ успѣшной конкуренціи молдаванской школы со школой украинской. Во многихъ деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ украинская школа пустуетъ, а молдаванская переполнена малорусскими дѣтьми. Въ цѣломъ рядѣ чисто-малорусскихъ сель появились недавно молдаванскія школы и работаютъ успѣшно. Родители-малороссы негодуютъ на украинскую школу, откуда мальчикъ выходитъ послѣ многолѣтняго ученія, не умѣя читать псалтири. Помимо оскорбляемаго такими явленіями религіозно-нравственнаго чувства родителей, вступаютъ въ игру практическія соображенія: украинская грамотность малопримѣнима въ культурномъ обиходѣ страны. Возмущаетъ буковинскихъ грамотѣевъ и навязываемая имъ школой фонетическая орфографія.

Прошлый годъ лидеры украинства въ Буковинѣ ознаменовали крупными хищеніями народныхъ сбереженій изъ

„Селянской Кассы“, являющейся союзомъ райффейзеновскихъ сберегательныхъ кассъ, и изъ субсидируемаго правительствомъ экономического „Совѣта областной культуры“. Хищенія эти, по словамъ „Дзвона“, превысили 15 милліоновъ кронъ, т. е. 6 милліоновъ рублей; пополненіе растраты производится путемъ усиленія податного обложенія крестьянъ, чѣмъ вызывается сильное раздраженіе ихъ противъ „украинскихъ патріотовъ“ и паническая эмиграція за океанъ, преимущественно въ Канаду.

Массовое бѣгство буковинцевъ изъ области—крупный козырь для румынизаторовъ, но украинская пресса не обращаетъ вниманія на это грозное явленіе. Мало того, редакторъ украинско-патріотической газеты „Нова Буковина“ В. Куш-
см. § 30. ниръ, стоявшій рядъ лѣтъ во главѣ вѣнскаго журнала „Ukr. Rundschau“, взялъ недавно эмиграціонную агентуру „Канадо-Тихоокеанской ж.-д. Компаніи“, колонизирующей канадскіе пустыри жертвами „украинскаго“ гешефтмахерства.

• Полмилліона Закарпатскихъ угроруссовъ отвергли всѣ попытки галицкихъ „сознательныхъ украинцевъ“ привить здѣсь украинскую идею. Покойный Драгомановъ, посѣтивъ Угорскую Русь въ 70-хъ годахъ, не нашель подходящей почвы для своей пропаганды и отмѣтилъ тамъ стремленіе къ русскому націонализму („москвофильству“). Угро-русскій *націонализмъ*, говоритъ М. Драгомановъ, долженъ былъ принять москвофильскія формы собственно потому, что онъ *былъ и есть націонализмъ чистый*, безъ соціальной подмѣси. Такой націонализмъ всегда тяготѣетъ къ государству, а не къ народу, и такъ какъ „держави українсько-руської нема, а московско-петербургська есть“, то *архинатурально*, что угрорусскіе націоналисты направили свои мысли къ этой (последней) державѣ.

Культурная судьба горсти угроруссовъ не имѣетъ какого-либо значенія для реальной политики Россіи; но ихъ признанные Драгомановымъ опредѣленные культурные идеалы таятъ въ себѣ смертный приговоръ для націоналистической идеологии украинства. Въ самомъ дѣлѣ. Если угорскіе *малороссы*, говорящіе отъ дѣда--прадѣда по-малорусски, *проявляютъ „архинатуральный“ и „чистый“ націонализмъ, обнаруживая тяготѣніе къ русскому языку*, то не значитъ ли это, что малорусское племя—неотдѣлимая по духу и крови часть русскаго народа? Если среди угорскихъ малороссовъ, способныхъ къ націонализму „безъ соціальныхъ подмѣсей“, нѣтъ ни одного интеллигента украинофила, а на нашемъ

Югѣ и въ Галичинѣ таковыя имѣются, то не слѣдуетъ ли отсюда, что украинство и его идеологія—плодъ соціально-политическихъ построений, что оно облыжно рядится въ тогу націонализма и является движеніемъ политическимъ?

Глава XVI.

Борьба съ украинствомъ.

§ 85. Охрана единства русской культуры. По словамъ „У. Д.“^{277.} незабвеннаго П. А. Столыпина, „національное и политическое стремленія настолько тѣсно связаны между собою въ украинскомъ движеніи, что разграниченіе ихъ является совершенно невозможнымъ“. Скажемъ болѣе: политическая программа партіи въ послѣднее время ею тщательно держится въ тѣни, заслоняемая отъ чужого глаза культурничествомъ. Поэтому, борьба съ украинскимъ движеніемъ должна состоять въ борьбѣ съ отщепенствомъ на полѣ культуры.

Само собою разумѣется, однако, что всякія проявленія политическаго сепаритизма должны быть пресѣкаемы и караемы. Сюда относятся манифестаціи, подчеркивающія братанье украинской партіи въ Россіи съ таковою же въ Галиціи, употребленіе сине-желтаго цвѣта, знаменующаго „національную“ эмблему будущей Соборной Украины, символическое сопоставленіе на одномъ рисункѣ (или транспарантѣ) герба г. Львова съ гербомъ г. Кіева и т. п.

Русская и, въ первую очередь, малорусская интеллигенція должна во имя блага народнаго вести идейную борьбу противъ людей съ извращеннымъ національнымъ чувствомъ. Этимъ призывомъ мы могли бы ограничиться, если бы украинское движеніе не дѣлало попытокъ идти со своимъ міровоззрѣніемъ и со своимъ „научно-практическимъ“ арсеналомъ въ темную безпомощную деревню, если бы оно не ставило своею задачей перевоспитать южнорусскій народъ по особому шаблону, облюбованному дѣятелями этого движенія. Такъ какъ, однако, стремленіе украинства навязать некультурному люду новую, нерусскую культуру не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, то ограничиваться идейной борьбой мы не вправѣ, чтобы не уподобиться повару изъ крыловской басни.

Въ борьбѣ съ украинской партіей и несомой ею доктриной должны придти обществу на помощь наши законодатели и правительство. Тѣмъ масштабомъ, съ которымъ современное

правительство и представительныя палаты могутъ приступити къ діагнозу симптомовъ украинскаго движенія и къ оцѣнкѣ ихъ абсолютной или относительной вредности, является мнѣніе Сената о культурномъ сепаратизмѣ на Югѣ Россіи, приѣмое для всѣхъ друзей культуры, какова бы ни была ихъ національность и политическіе взгляды. По Указу же Правит. Сената отъ 28 іюля 1908 г. за № 9120, въ планѣ дѣятельности „украинскихъ“ просвѣтительныхъ обществъ (Просвѣтъ) усматривается стремленіе къ обособленію интересовъ малорусскаго населенія, долженствующее вызвать вредныя послѣдствія. Законъ долженъ твердо и опредѣленно сказать, что малорусское племя рядомъ съ другими двумя вѣтвями русскаго народа есть народъ — строитель современной русской державы, государственнаго языка и государственной культуры. Всякое стремленіе причислитъ это племя въ Россіи къ инородцамъ, изображать его поработаннымъ народомъ, не распоряжающимся свободно своей этнографической территоріей, расходится съ исторической правдой и съ современнымъ положеніемъ вещей; такія ложныя увѣренія скрываютъ за собой преступную цѣль ослабить историческую внутреннюю связь между племенами русскаго народа.

„У. Д.“
391—395
561—567.

§ 86. Южнорусская школа. Наибольшаго вниманія и печенія со стороны общества, органовъ самоуправленія, правительства и законодательства требуетъ наша южнорусская народная (начальная) школа въ смыслѣ незыблемости русскаго преподаванія въ ней и охраны ея отъ украинской литературы и отъ „украинскаго“ языка въ устахъ преподавателя.

Неудобопонятность всякаго книжнаго языка для сельскаго школяра на первыхъ ступеняхъ обученія усугубляется для малорусскаго ребенка присутствіемъ въ русскомъ книжномъ языкѣ новыхъ для него лексическихъ, по преимуществу, элементовъ. Это — ясно, но мы не пойдѣмъ за той партіей, которая хочетъ прививать на нашемъ Югѣ польско-украинскій жаргонъ и украшенную его прелестями литературу. Мы скажемъ, что *лексика* мѣстнаго народнаго говора является весьма желательнымъ пособіемъ для разьясненія начинающимъ малорусскимъ школярамъ отдѣльныхъ непонятныхъ словъ русскаго книжнаго языка, притомъ — средствомъ, которое еще съ 1906 года легализовано нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. При этомъ, для пользы дѣла необходимо: 1) чтобы учитель понималъ мѣстный народный говоръ; 2) чтобы онъ, объясняя отдѣльныя слова при помощи этого говора, говорилъ правильнымъ русскимъ языкомъ, да и въ этихъ вспомогательныхъ словахъ, переходилъ возможно скорѣе на русскую фонетику и морфологию (напр., „куркѣ“, а не „курци“; „въ жѣтѣ“, а не „въ жѣти“; „пивню“,

а не „пивневи“ и т. п.); 3) чтобы учитель, говоря съ учениками, объяснял *новыя* для нихъ понятія и слова исключительно русскимъ, а не львовскимъ искусственнымъ языкомъ.

Современныя учебныя пособія начальной южнорусской школы (букварь, священная исторія, хрестоматія, арифметическій задачникъ, таблицы нагляднаго обученія) совершенно непригодны для дѣла. Обучая данному предмету, пособія эти должны постепенно и безъ рѣзкихъ толчковъ знакомить учениковъ съ русскою книжною рѣчью Народный великорусскій элементъ, на первыхъ порахъ (первый годъ или полугодіе), въ такихъ пособіяхъ вовсе не допустимъ; позднѣе онъ можетъ вводиться туда, но лишь въ мѣру крайней необходимости и гомеопатическими дозами. Такъ, напр., при изученіи азбуки по рисункамъ слѣдуетъ давать такія изображенія, какъ: борона, ведро, груша, дыня, желудь, заяць, корова, мышь, носъ, рыба, сани, часы, шапка. Совершенно неумѣстны такіе рисунки, какъ арбузъ (кавунъ), утка (качка), лукъ (цыбуля), глазъ (око) и т. п. Такая же осторожность необходима при выборѣ словъ и составленіи фразъ для первоначальнаго чтенія и для прописей. Подписи подъ таблицами для нагляднаго обученія должны быть въ потребныхъ мѣстахъ снабжены малорусскимъ переводомъ непонятныхъ словъ; надобность въ этомъ встрѣтится тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе рисунки будутъ приспособлены къ мѣстному быту. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно выбора темъ для математическихъ задачъ: ихъ нужно на всемъ протяженіи сельской школы приближать по возможности къ обыденнымъ интересамъ. Изъ книгъ для чтенія (для первыхъ группъ) нужно удалить все чуждое малорусскому быту. Народные рассказы Гоголя и незабвеннаго художника слова Л. Н. Толстого можно широко использовать при составленіи южнорусскихъ хрестоматій (съ малорусскимъ переводомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ). Слѣдуетъ пользоваться и умѣлыми переводами на русскій языкъ народныхъ рассказовъ Гребенки, Стороженка и Кулиша.

Изученіе Закона Божія и грамматики можетъ быть начинаемо *по книгѣ* лишь тогда, когда школяры освоились съ русской книжною рѣчью. Переводъ или объясненіе незнакомыхъ словъ, конечно, неизбежны и въ этихъ учебникахъ.

Въ устныхъ отвѣтахъ школяровъ, а также пересказахъ прочтеннаго, рѣшеніи задачъ можно допускать, на первыхъ порахъ, нѣкоторый процентъ малорусскаго лексическаго багажа, выправляя лишь фонетико-морфологическіе малоруссизмы. Такая мѣра позволитъ ученику лучше сосредоточиться на сущности даваемого отвѣта. Съ теченіемъ времени, русская книга и, *непремѣнно*, русская рѣчь учителя изгонять у школяра изъ употребленія остатки малорусской лексики.

Нужно озаботиться, чтобы въ преподаватели и руководители учительскихъ школъ всѣхъ вѣдомствъ не могли попадать лица, сочувствующія или потворствующія украинской пропагандѣ, не говоря уже объ активныхъ членахъ укр. партіи. Необходимо *объединеніе программъ* всѣхъ этихъ заведеній Юга въ смыслѣ усиленія программы русскаго и церк-

славянского языка, какъ фундамента для ознакомленія со взаимоотношеніями всѣхъ восточно-славянскихъ нарѣчій. Только такимъ путемъ можно выяснитъ будущимъ педагогамъ филологическую беспочвенность и вздорность украинской идеи, а также обличить наличность фальшивыхъ нотъ въ эволюціи такъ наз. украинскаго языка. На урокахъ исторіи будущіе педагоги должны быть основательно ознакомлены съ историческими гипотезами Духинскаго и Грушевскаго; изложеніе предмета необходимо поставить въ рамки полной объективности, но съ указаніемъ на спорность гипотезъ и на бесспорность исторической общности въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Педагогическіе курсы для народныхъ учителей являются продолженіемъ и дополненіемъ къ курсу учительской школы. Странно было бы, если бы на повторительныхъ курсахъ для земскихъ врачей имъ стали проповѣдывать гомеопатію. Не менѣе дико, если въ культурныхъ русскихъ центрахъ устраиваютъ для народныхъ учителей выставки украинскихъ учебниковъ, читаютъ исторію по Грушевскому или собираются пускать мыльные пузыри, называемые исторіей украинской литературы. Такіе курсы должны вестись по опредѣленному плану, въ основѣ котораго непремѣнно должно лежать убѣжденіе, что народныя школы—государственное дѣло, и что только тотъ учитель, дѣйствительно, служитъ дѣлу народнаго образованія, который не преслѣдуетъ въ школѣ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ педагогическихъ. Ясно, полагаемъ, что детальная программа такихъ курсовъ, какимъ бы частнымъ, общественнымъ или земскимъ учрежденіемъ они ни устроились, должна быть фиксирована министерствомъ народн. просв., и его же органами должно контролироваться выполненіе этой программы.

Степень образовательнаго ценза кандидата въ народныя учителя еще не гарантируетъ его пригодности къ участию въ дружной работѣ по развитію русской культуры, и если онъ, по истеченіи перваго года своей службы, не найдетъ возможнымъ подтвердить добровольно и сознательно (въ письменной формѣ) свою солидарность со взглядами правительства на задачи южнорусской школы и на способъ педагогическаго выполненія этихъ задачъ, то такому учителю должна быть предоставлена полная возможность продолженія своей дѣятельности въ губерніяхъ съ немалорусскимъ населеніемъ. Пребываніе такихъ педагоговъ-украиномановъ, по оставленіи

учительской службы, въ малорусской деревнѣ—весьма вредно; пристраиваясь къ мѣстному кооперативу, учрежденію мелкаго кредита, читальнѣ, церковному хору, такой дѣятель переноситъ пропаганду на взрослыхъ крестьянъ, критерій которыхъ въ вопросахъ культуры почти не возвышается надъ дѣтскимъ.

Народнымъ учителямъ должно быть возбранено не только участіе, но и какая-либо прикосновенность къ малорусскимъ спектаклямъ и литературно-декламационнымъ вечеринкамъ; мѣстомъ для этихъ развлеченій, если они устраиваются въ селахъ, не должно служить школьное помѣщеніе. Съ другой стороны правительство и земство должны всячески поощрять инициативу сельскихъ учителей по постановкѣ протонародныхъ пьесъ на русскомъ языкѣ, по устройству русскихъ чтеній, популярныхъ лекцій и т. п.

Попутно съ заботами о качественномъ улучшеніи русскаго народно-учительскаго персонала на Югѣ и объ отмененіи изъ его среды распропагандированныхъ украинской партией экземпляровъ, подтачивающихъ подобно шашели продуктивность просвѣтительной работы, необходимо готовиться, путемъ увеличенія количества народныхъ педагоговъ, къ скорѣйшему введенію на Югѣ всеобщей обязательной начальной школы. Здѣсь нужда въ такой школѣ еще болѣе настоятельна, чѣмъ въ Великороссіи, ибо здѣсь всеобщая грамотность послужитъ дезинфекціоннымъ средствомъ противъ жаргонно-польскихъ культурныхъ сѣмянъ, пускаемыхъ нынѣ въ обращеніе подъ громкимъ именемъ „національной“ украинской культуры. Не ожидая введенія всеобщаго обученія, должны быть приняты мѣры къ увеличенію числа учащихся *женскаго* пола въ сельскихъ школахъ. Русская грамотность будущихъ матерей явится могучимъ проводникомъ культурности въ крестьянскую семью и дастъ дѣтямъ сѣмена русской грамоты уже въ дошкольномъ возрастѣ.

Программа русскаго языка въ сельскихъ школахъ Юга должна быть расширена. Не менѣе важно предохранить школьниковъ отъ доступа къ нимъ украинскаго перевода Св. Писанія, который можетъ вредно вліять на ихъ русскую грамотность не только наличностью въ немъ придуманныхъ (ненародныхъ и нерусскихъ) словъ, но и, главнымъ образомъ,—своей фонетической орфографіей. При обученіи хорошему пѣнію часть репертуара должна быть отведена на малорусскія народныя пѣсни, но текстъ послѣднихъ въ школьныхъ пособияхъ не долженъ быть облеченъ въ фонетическую мозаику.

На бібліотеки при народныхъ школахъ (ученическія и учительскія), къ какому бы вѣдомству эти школы ни принадлежали, должны быть распространены цѣлесообразныя правила организаціи и контроля, установленныя съ прошлаго учебнаго года для школъ М. Н. П.

„У. Д.“
558—559.
567.
§ 87. **Внѣшкольное народное просвѣщеніе.** Кромѣ народныхъ учителей и сельскаго духовенства, къ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія должны быть причислены соприкасающіеся съ населеніемъ специалисты: земскіе инструкторы, санитарный персоналъ, руководители сельскихъ кооперативовъ и т. п. Всякія проявленія антирусской дѣятельности со стороны этихъ лицъ, напр., выполненіе ими роли украинскихъ лекторовъ или коммивояжеровъ украинской прессы, должны быть не только пресѣкаемы, но, по возможности, и предупреждаемы. Читенія и лекціи, предлагаемыя малорусскому простолюдину частными лицами, педагогами, инструкторами и т. п., должны вестись на русскомъ языкѣ, въ общедоступной формѣ и съ допущеніемъ, въ цѣляхъ объясненія, отдѣльныхъ малорусскихъ, *чисто-народныхъ* словъ и выраженій. Весьма желательно, чтобы такой порядокъ былъ установленъ распоряженіями епархіальнаго начальства и относительно церковной проповѣди въ селахъ. Брошюры и плакаты съ наставленіями для народа по агрономіи, санитаріи, ветеринаріи и т. п. должны быть составлены по-русски, но съ допущеніемъ перевода отдѣльныхъ словъ на народное нарѣчіе.

Систематическая борьба правительства съ украинскимъ движеніемъ должна выразиться въ предохраненіи южнорусской деревни отъ современной „украинской“ литературы, т. е. отъ книжнаго „украинскаго“ языка и фонетическаго правописанія. Произведенія печати на украинскомъ (малорусскомъ) языкѣ, отклоняющіяся въ смыслѣ орѳографіи отъ общепринятаго въ государствѣ для русскихъ книгъ этимологическаго (историческаго) правописанія, не должны быть вовсе допускаемы въ бібліотеки-читальни для простонародья и при учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ высшихъ). Правило это должно распространяться на *всѣ* бібліотеки-читальни въ селахъ. Изъ городскихъ бібліотекъ этому правилу должны быть подчинены бібліотеки низшихъ и среднихъ школъ, а также народныя бібліотеки-читальни, устроенныя на средства городскія, земскія, попечительствъ о народной трезвости, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Правило это необходимо распространить на устроенныя за городской или земскій счетъ

склады для продажи книгъ въ городахъ и на *всѣ* мѣста продажи книгъ и газетъ въ селахъ. Украинскія (малорусскія) произведенія печати, находящіяся нынѣ въ означенныхъ книгохранилищахъ и не удовлетворяющія требованіямъ русской орѳографіи, не могутъ быть допущены къ обращенію въ населеніи.

Соблюденіе этимологическаго правописанія въ малорусскихъ печатныхъ произведеніяхъ недостаточно гарантируетъ ихъ безвредность для русской грамотности населенія. Правительство должно заботиться также о возможной чистотѣ малорусскаго книжнаго языка въ предназначаемой для народа духовной пищѣ и о свободѣ его отъ „украинскихъ“ прелестей: новоиспеченныхъ полонизмовъ, кабинетныхъ неологизмовъ и зарубежныхъ галицизмовъ. Для этой цѣли при министерствѣ народнаго просвѣщенія долженъ существовать между вѣдомственный постоянный комитетъ, имѣющій задачей разсматривать представляемыя издателями произведенія малорусской популярной литературы на предметъ допущенія таковыхъ въ перечисленныя выше книгохранилища. Публикуемые комитетомъ періодическіе каталоги малорусской письменности послужатъ руководствомъ при организаціи, пополненіи и ревизованіи упомянутыхъ складовъ, читаленъ и бібліотекъ.

Правительственные органы, земства и муниципалитеты не должны оказывать матеріальной или моральной поддержки малорусскому издательству, а путемъ объявленія конкурсовъ, должны озаботиться созданіемъ популярной *русской* литературы, доступной для малоросса-простолюдина по языку и формѣ изложенія и предназначенной для народныхъ бібліотекъ-читаленъ и для народной аудиторіи.

„У. Д.“
560—561.
§ 88. **Очаги украинства.** Украинскія Просвиты, уже по смыслу сенатскихъ разъясненій, не могутъ быть въ Россіи разрѣшаемы, а существующія должны быть закрыты. Нужно помнить, что каждый шагъ ихъ дѣятельности есть уродованіе культурной жизни народа, что неотразимымъ обвинителемъ этихъ учрежденій является уже самая программа ихъ работы. Безусловному и немедленному закрытію подлежатъ, конечно, и тѣ отдѣленія и учрежденія (читальни) Просвितъ, которыя работаютъ въ селахъ и рабочихъ поселкахъ. Долженъ быть выработанъ законъ, контролирующій издательскую дѣятельность всякихъ, работающихъ для деревни издательствъ, не исключая и т. наз. товариществъ на вѣрѣ.

Украинскіе клубы и научныя общества должны вести

свое дѣлопроизводство въ той его части, которая подлежитъ вѣдѣнію и контролю администраціи,—на государственномъ языкѣ и съ соблюденіемъ общепринятаго правописанія. Чтеніе докладовъ, лекцій, рефератовъ и пренія по таковымъ могутъ имѣть мѣсто на любомъ языкѣ (а, слѣдовательно, и на украинскомъ) только въ собраніяхъ закрытыхъ (гдѣ присутствуютъ лишь члены учрежденія). Въ собраніяхъ же, куда допускаются гости (постоянные или разовые), либо сторонняя публика, украинскій языкъ употребляемъ быть не можетъ. Относящіяся къ публичнымъ собраніямъ оповѣщенія, афиши и программы должны быть составляемы на русскомъ языкѣ. Публичныя собранія, устраиваемыя украинскими обществами, не могутъ быть посѣщаемы воспитанниками низшей и средней школы, а равно и народными учителями.

Профессиональныя труппы и любительскіе кружки, устраивающіе малорусскіе спектакли, литературно-вокальные вечера и т. п. на территоріи съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ въ слободахъ, станицахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ и рабочихъ поселкахъ, могутъ пользоваться лишь репертуаромъ, вошедшимъ въ каталоги вышеупомянутаго комитета при М. Н. Пр., который разрѣшаетъ къ постановкѣ малорусскія пьесы, вѣрныя бытовой или исторической правдѣ, гдѣ сфера малорусскаго языка ограничена бытовымъ и племеннымъ положеніемъ героевъ. Изъ пьесъ переводныхъ допускаются, поэтому, только пьесы, рисующія деревенскій бытъ, гдѣ малорусскій языкъ, извѣстный нашему народу, удовлетворяетъ кругозору дѣйствующихъ лицъ и ихъ обиходнымъ бесѣдамъ. Комитетъ обращаетъ вниманіе, кромѣ чистоты языка, и на правописаніе пьесъ. Съ особой рачительностью оцѣниваетъ комитетъ (по языку и правописанію) сборники пьесъ для декламации и пѣнія.

§ 89. **Выводы.** Заканчивая настоящій трудъ, мы считаемъ нелишнимъ повторить главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ нашего изслѣдованія:

I. Украинскій языкъ малоприспособенъ для созданія родной малороссамъ областной литературы.

II. Южнорусская народная школа не нуждается въ малорусскихъ учебникахъ и преподаваніи; учебники же и книги для нея на языкѣ украинскомъ не только бесполезны, но и вредны.

III. Націоналізація малорусскихъ народныхъ училищъ, какъ указано М. Драгомановымъ, необходима для федера-

ціоннаго распада Россіи, для уничтоженія единства и сплоченности русскаго народа, какъ великодержавной единицы въ Европѣ.

IV. Наличие въ малорусской или украинской популярной литературѣ своеобразной (фонетической) орѳографіи является факторомъ, вредящимъ народной грамотности и тормозящимъ культуру Юга Россіи.

V. Всякой малорусской книгѣ или газетѣ, печатанной безъ соблюденія общерусской орѳографіи, правительство немедленно должно преградить доступъ въ деревню: въ библиотеки и кооперативы.

VI. Въ Западной Руси украинскій книжный языкъ—плоть отъ плоти языка польскаго—обезпечиваетъ украинскому движенію поддержку и сочувствіе полонизаторовъ.

§ 90. **Заключеніе.** Мы не претендуемъ на полноту сдѣланнаго нами перечня средствъ самообороны русской культуры и государственности отъ язвы украинства. Наше скромное желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы поднять вопросъ объ истинной подоплѣкѣ украинскаго движенія, ведущаго походъ на самыя драгоцѣнныя сокровища русскаго народа: его историческую традицію и его современную культуру. Мы желаемъ и желаемъ горячо, чтобы наши законодательныя учрежденія отмежевали украинской партіи такое мѣсто, какого она заслуживаетъ по своему внутреннему содержанію. Мы желаемъ, чтобы отношеніе къ украинскому движенію русскаго правительства и высшихъ представительныхъ учреждений не только приняло болѣе опредѣленныя очертанія, но и отличилось въ незыблемыя формы, чтобы дѣятелямъ украинства указали, что можно, и чего нельзя. Въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ не должно быть обнаруживаемо колебаній въ сторону строгости либо снисходительности. Все, что выступить за предѣлы *правовой* нормы, должно быть пресѣкаемо желѣзной рукой закона.

Мы ждемъ, что самодѣтельность общества выразится въ изданіи популярной литературы, въ устройствѣ по селамъ и въ рабочихъ казармахъ народныхъ чтеній, вечернихъ классовъ для взрослыхъ и русскихъ воскресныхъ школъ.

Многія задачи русской культуры будетъ несомнѣнно выполнять сама будничная, дѣловая и трудовая жизнь, нивеллирующая и шлифующая изо дня въ день, изъ года въ годъ, „особыя примѣты“ костромича, могилевца и полтавца, какъ морской прибой шлифуетъ и перемѣшиваетъ мелкіе

прибрежные камушки. Смѣется море надъ утлыми загражденіями рукъ человѣческихъ, а гладкіе валуны хлопотливо шумятъ, согрѣтые ласками небесной и морской лазури.

Тебѣ, родной красавецъ-Кіевъ, посвящаемъ мы послѣднюю страницу нашего труда. Было время, когда ты платилъ дань хозарамъ, какъ продолжаешь ее платить и нынѣ ихъ единовѣрцамъ, но это не мѣшаетъ тебѣ расти и богатѣть. Было время, когда ты стоналъ подъ пятой латинскихъ бискуповъ и польскихъ каштеляновъ, а теперь ты залѣчилъ свои раны и оказываешь широкое русское гостепріимство ихъ потомкамъ, именуящимъ себя только... польской колоніей. Было время, когда пришельцы съ востока, дикари-кочевники жгли тебя до основанія, а ты оживалъ и становился каждый разъ краше прежняго. Теперь подъ твоей тысячелѣтней кольчугой свили черное гнѣздо пришельцы съ запада, полуополяченныя дѣти подъяремной Галицкой земли, которыя, вмѣстѣ со здѣшними ренегатами отъ русскаго имени, одурманиваютъ темный людъ лжепросвѣщеніемъ и лжепророчествами. Но не промѣняешь ты своего имени—Матери городовъ русскихъ—на имя „Неньки“ сознательнаго украинства. Въ этомъ будетъ намъ порукою ставшій сегодня у вратъ твоего магистрата монументъ русскаго витязя Петра Аркадьевича Столыпина.

Содержаніе.

	СТР.
Къ читателю	3
Глава I. Населеніе Южной Руси и его языкъ народный и книжный до воссоединенія Малороссіи съ Москвой.	
§ 1. Русскія племена и ихъ говоры	5
§ 2. Малорусское нарѣчіе	6
§ 3. Языкъ западно-русской письменности	9
Глава II. Польская интрига въ воссоединенной Малороссіи.	
§ 4. Литовско-польская Русь и Переяславская рада	11
§ 5. Поляки и польскіе клеветы	13
§ 6. Чарторійскій, Чацкій и Духинскій	18
§ 7. Масоны и „Братство народной службы“	19
Глава III. Укранофильство въ Россіи.	
§ 8. Этнографическое укранофильство	21
§ 9. Укранофильскій псевдо-федерализмъ кирилло-мефодіевцевъ	22
§ 10. Укранофильское народничество	27
§ 11. Польскій мятежь 1863 года	30
§ 12. Кіевская Громада	—
§ 13. Цензурныя правила 1876 и 1881 гг.	32
§ 14. Малорусская литература конца XIX вѣка	33
§ 15. „Кіевская Старина“ и школа Антоновича	34
Глава IV. Народничество и укранофильство въ Восточной Галиціи.	
§ 16. Полонизація русскаго населенія и галицкое народничество	35
§ 17. Укранофильство во Львовѣ	37
§ 18. Ростъ русской культуры въ Галиціи и ея разгромъ	39
Глава V. Украинство въ Галиціи.	
§ 19. Бадени и Антоновичъ. Бисмаркъ и „Правда“	40
§ 20. Новый языкъ	41
§ 21. Реформа южнорусской исторіи	45
§ 22. М. Грушевскій—политикъ	47
§ 23. Сѣчи, соколá и культъ ирредентизма	49

Глава V ^І . Походъ украинства на державную Русь.	
§ 24. Пособничество академіи наукъ	51
§ 25. Появленіе украинской прессы	54
§ 26. Агитація львовскаго гастролера	—
§ 27. Натискъ на русскую школу	55

Глава V ^{ІІ} . Современная пресса украинской партіи въ Россіи.	
§ 28. Повременныя изданія на украинскомъ языкѣ	56
§ 29. Двужычная пресса	60
§ 30. Русская и иноязычная пресса	—
§ 31. Непериодическая печать	61
§ 32. „Кобзарь“ Шевченка и сочиненія Кулиша	62
§ 33. Украинскіе учебники для малороссовъ	64

Глава V ^{ІІІ} . Украинскій языкъ въ Россіи.	
§ 34. Встрѣча съ русской культурой	67
§ 35. Врожденные пороки украинскаго языка	69
§ 36. Причины искусственности украинскаго языка	71
§ 37. Благопріобрѣтенные пороки украинскаго языка	—

Глава IX. Фонетическое правописаніе.	
§ 38. Галицкая фонетика на родинѣ	72
§ 39. Сущность фонетическаго правописанія	73
§ 40. Пересадка фонетики въ Россію	74
§ 41. Опасность фонетики для малороссовъ	76

Глава X. Подкопъ подъ русскую школу.	
§ 42. Народный учитель Гринченко	77
§ 43. Доводы за украинизацію школы	79
§ 44. Историческая традиція	80
§ 45. Научные авторитеты	82
§ 46. Критика русской школы	83
§ 47. Подтасовка статистики	85
§ 48. Аппетиты украиномановъ	88
§ 49. Совращеніе народныхъ учителей	89
§ 50. Лѣтніе курсы	91
§ 51. Учительскія демонстраціи	92
§ 52. Внѣклассная работа учителей	93
§ 53. Выводы	94

Глава XI. Организациі и пути пропаганды.	
§ 54. Просвиты	95
§ 55. Клубы („громады“) и кружки („гуртки“)	98
§ 56. Студенческія организациі	99
§ 57. Научныя и политическія общества	100
§ 58. Народныя бібліотеки и лекторіи	102
§ 59. Сельскіе кооперативы	103

§ 60. Украинскіе спектакли и концерты	104
§ 61. Партійныя демонстраціи	105
§ 62. Государственный украинскій флагъ	107

Глава XII. Лицо и изнанка украинства.	
§ 63. Обскурантизмъ украинофильства	109
§ 64. Программа украинства	110
§ 65. Политическая программа	111
§ 66. Культурническая программа	112
§ 67. Лжестихійность украинства	114
§ 68. Лжепрогрессивность украинства	116
§ 69. Руссофобство и мазепинство	—
§ 70. Лжефедерализмъ	118

Глава XIII. Ягеллонская идея.	
§ 71. Украинофильство современныхъ поляковъ	120
§ 72. Отъ слова къ дѣлу	123
§ 73. Полонофильство „сознательныхъ украинцевъ“	125

Глава XIV. Режиссеры и кредиторы украинства.	
§ 74. Австрія	127
§ 75. Украинскій университетъ	130
§ 76. Великая Австрія и Украинское королевство	134
§ 77. Пруссія и всенѣмцы	135
§ 78. Прусскія марки	137
§ 79. Вильгельмовскій юбилей	138

Глава XV. Судьба украинства.	
§ 80. Пособники и защитники украинства	—
§ 81. Адепты украинства	140
§ 82. Плюсы и минусы	—
§ 83. Автономическая трехвостка	142
§ 84. Будущее украинства въ Австріи	144

Глава XVI. Борьба съ украинствомъ.	
§ 85. Охрана единства русской культуры	147
§ 86. Южнорусская школа	148
§ 87. Внѣшкольное народное просвѣщеніе	152
§ 88. Очаги украинства	153
§ 89. Выводы	154
§ 90. Заключение	155

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	14	сн. литературно-украинскаго	литературно-общественнаго
10	15	св. этомъ	этомъ
16	19	„ оказанные	оказанныя
36	11	сн. Варгилевичемъ	Вагилевичемъ
37	4	„ католической	католической
45	3-4	„ дандыми	данными
53	17	св. произвище	прозвище
64	5	сн. въ книги	въ книгѣ
64	3	„ не точности	неточности
73	10	„ тебе	тѣбѣ
87	4-5	„ преподаваніи	преподаваніи
99	8	св. обстоятельство	обстоятельство
101	17	„ купно	купно
128	4-5	„ поавшія	поавшіе
144	7	„ перепеси	переписи

лищъ, коммерч. и технич. учебныхъ заведеній. К. 1912. Ц. 30 к.

Драгомировъ М. И. Очерки: Разборъ „Войны и мира“. Русский солдатъ. Наполеонъ I. Жана д'Аркъ. К. 1898. Ц. 1 р.

Ермановъ В. П. Аналитическая геометрія, курсъ лекцій, читан. въ политехн. инст. Императора Александра II, ч. I. Геометрія на плоскости. Изд. 3-е. 1908. Ц. 1 р. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ, изд. 3-е исп. и доп. К. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Забѣлинъ П. Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-славянскимъ постановленіямъ русской церкви. 3-е изд. К. 1899. Ц. 3 р.

Звоницкій А. С. О залогѣ по русскому праву. Удостоено золотой медали университета Св. Владиміра. К. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Зиловъ П. А. Курсъ физики. Ч. I. Движенія и силы. Свойства тѣлъ. Теплота. Изд. 6-е. К. 1912. Ц. 2 р.

— Часть II. Звукъ. Свѣтъ. Электричество. Изд. 5-е. К. 1911. Ц. 3 р.

Ивановъ В. Н. Систематическій сборникъ задачъ на тѣла вращенія, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. К. 1911. Ц. 1 р.

Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи, т. II, въ двухъ книгахъ. К. 1908. Ц. 10 р.

Кирпичевъ В. Л. Лишнія неизвѣстныя въ строительной механикѣ. Расчетъ статически-неопредѣлимыхъ системъ, съ атласомъ. К. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Козловскій Ѳ. Учебникъ логики ч. I, для преподавателей. К. 1894 г. Ц. 1 р.

— Краткій учебникъ логики. Изд. 4. К. 1907 г. Ц. 45 к.

Кричевскій Л. А. Самоучитель для высшей подготовки на должность бухгалтера-корреспондента (Полный и законченный курсъ коммерческихъ знаній). Необходимое руководство для всякаго рода коммерческихъ предпріятій, для бухгалтеровъ, счетоводовъ и конторщиковъ; для учащихся на бухгалтерскихъ курсахъ, въ коммерческихъ училищахъ и торговыхъ школахъ. Ковна. 1911. Ц. 3 р.

Кругликовъ-Гречаный Л. П. Методика исторіи. Изд. 3-е. К. 1913 г. Ц. 1 р. 10 к.

Кэтлэ. Соціальная физика. Т. I. К. 1911. Ц. 2 р., т. II. К. 1913 г. Ц. 2 р.

Лоранъ Эм., д-ръ. Уголовная антропология и новыя теоріи преступности (переводъ со 2-го изданія), подъ редакціей проф. И. А. Сикорскаго. К. 1887. Ц. 1 р.

Лучицкій И. В. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1793 гг. К. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I. (XVI ст.) Михаилъ Литвинъ,

Б. де-Вижинеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельника (подъ редакціей В. Антоновича). К. 1890. Ц. 1 р. 30 к.

Мерриманъ М. Элементы санитарной техники (водопроводы и канализація). Съ 40 рис. и 16 табл. въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакц. проф. Д. П. Рузскаго. К. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Парландъ О. Г., Рышковъ П. Н. Поперечные профили и укрѣпленія откосовъ земляного полотна желѣзныхъ дорогъ. Пособ. для студ. инженернаго отдѣленія Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II. К. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

Патонъ Е. О. Желѣзные мосты. Т. I. Фермы балочныхъ мостовъ, матеріаль и заклепки, 2-е изд. К. 1911. Ц. 7 р.

— Т. II. Опорныя части балочныхъ фермъ и шарниры консольныхъ фермъ. М. 1904. Ц. 3 р. 70 к.

— Т. III. Проезжая часть и тротуары. К. 1913. Ц. 8 р.

— Т. IV. Связи между фермами. Изд. 2-е. К. 1900. Ц. 4 р.

— Деревянные мосты. Полный курсъ со включеніемъ деревянныхъ опоръ, составленный вмѣстѣ съ инженерами П. В. Рабцевичемъ и К. К. Симинскимъ съ 1923 фигурами. К. 1910. Ц. 9 р.

Петровъ И. И. Проекціонное черченіе. Курсъ дополнительнаго класса реальн. учил., съ атласомъ чертежей. Изд. 7-е. К. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Одобрено Учен. Комит. М. Н. II въ качествѣ руководства въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

Побѣдоносцевъ К. П. Курсъ гражданскаго права. Ч. I. Вотчинныя права. Ч. II. Права семейственныя, наследственныя и завѣщательныя. Ч. III. Договоры и обязательства. Ч. IV. Указатели и приложенія. Спб. 1896. Ц. за все 4 ч. 10 р.

Поповъ Г. Бесѣды по общей дидактикѣ. К. 1911 г. Ц. 80 к.

Родниковъ В. Очерки по исторіи русской педагогіи. К. Изд. 3, 1913 г. Ц. 70 к.

Свѣтловъ П. Я., проф. Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи. 3-е улучшенное, значит. дополненное и переработанное изданіе. Т. I. К. 1910. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Ц. 3 р. 50 к.

— Курсъ апологетическаго богословія для студентовъ университета. Изд. 3-е. К. 1912. Ц. 2 р.

— Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія (Богословско-апологет. изслѣдованіе). Сер. Пос. 1906. Ц. 2 р. 25 к.

— Крестъ Христовъ. Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ (Опытъ объясненія догмата искупленія). Изд. 2-е улучшенное. К. 1907. Ц. 3 р.

— Что читать по богословію? Система-